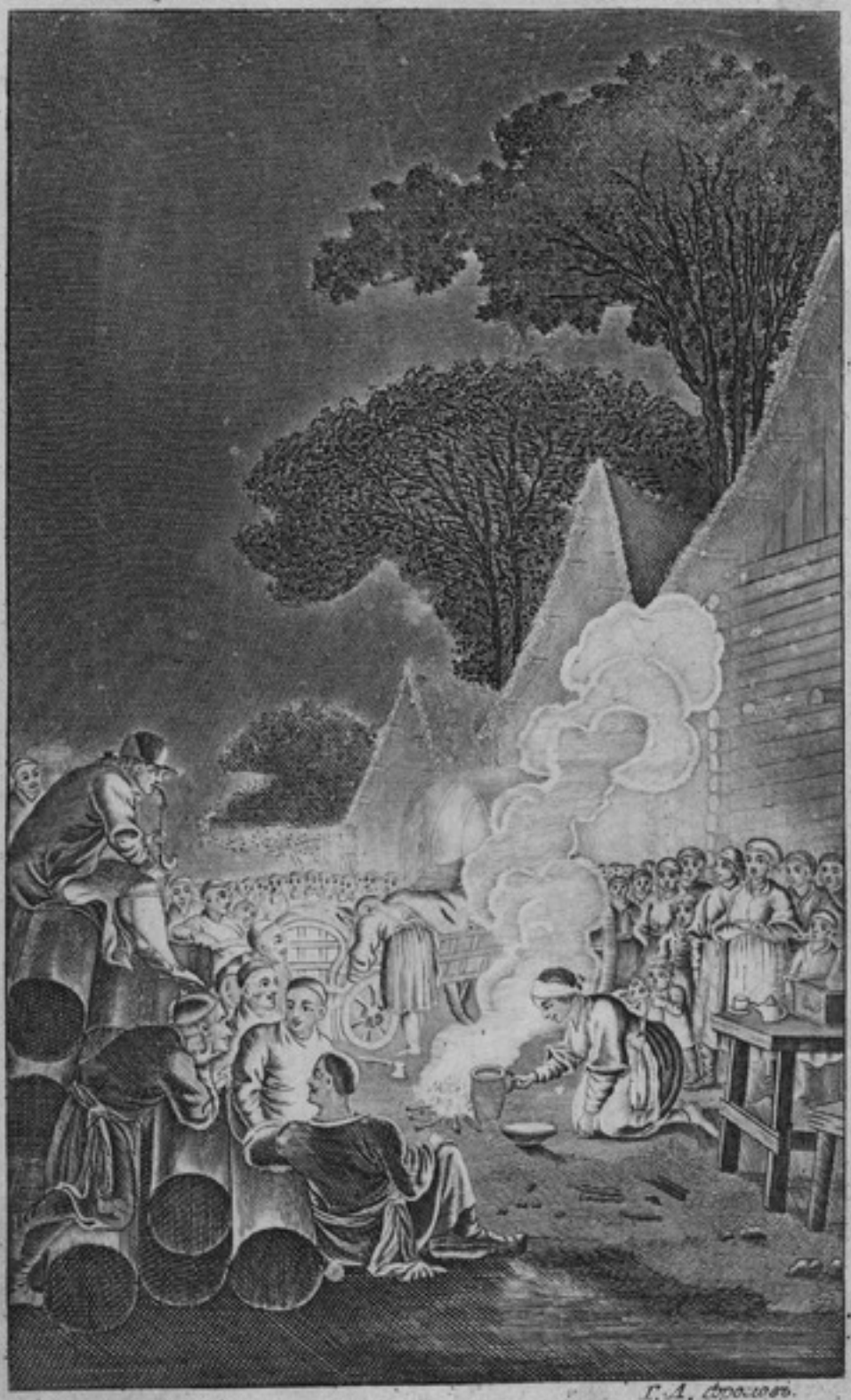

Г. А. Фроловъ.

№ 112
Кл 23/312

ДОСТОПАМЯТНЫЙ ГОДЪ ЖИЗНИ АВГУСТА КОЦЕБУ,

или

ЗАТОЧЕНІЕ ЕГО ВЪ СИБИРЬ

И ВОЗВРАЩЕНІЕ ОТТУДА.

Описанное имъ самимъ.

Съ Нѣмецкаго перевелъ

В. Кряжевъ.

Часть первая.

МОСКВА, 1806.
Въ привилегированной Типографіи
Кряжева и Мея.

Съ одобренія Коллежскаго Совѣтника, Профессора при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и печатаемыхъ въ состоящей подъ покровительствомъ Императорскаго Воспитательнаго Дома Типографіи книгъ Ценсора,

И. ГЕЙМА.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
7543-63

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Да не причтутъ мнѣ въ тщеславіе, когда я произшествія одного года моей жизни нахожу стоющими того, чтобъ сообщить ихъ свѣту. Судьба моя была тогда такъ странна, что она бы и въ романѣ могла любопытна быть; а сколь болѣе въ справедливой исторіи! — какъ бы ни называлось лицо, которое подвержено было оной.

Но еще другія и важнѣйшія причины побуждаютъ меня къ тому. Въ Германіи — смѣю сказать и въ части Европы — иные изъ любопытства, другіе по доброжелательству принимали участіе въ судьбѣ моей, и вездѣ старались узнать вину оной. Разительное *послѣдствіе* заставляло думать о *причинѣ*. Вымышляли премножество разныхъ исторій; то говорили, будто я

написалъ какую-то книгу, которую иные и читали. То сказывали, что сочинитель оной былъ другой, но имя его начинается съ той же буквы, какъ и мое, и потому я сталъ жертвою ошибки въ именахъ. Иные поставляли вину мою въ безразсудныхъ рѣчахъ, а другіе въ мѣстахъ нѣкоторыхъ театральныхъ піесъ, писанныхъ мною за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Словомъ, одинъ думалъ то, другой иное, а никто не угадывалъ подлинной причины. Потому кажется мнѣ, что я обязанъ имени своему, дѣтямъ и друзьямъ моимъ, по самой сущей истинѣ описать то, что со мною случилось, и такъ разомъ поправить всѣ разные толки.

Сверхъ того еще гораздо важнѣйшая обязанность противъ покойнаго Государя Императо-

ра — велитъ мнѣ общенародно объявить объ отличаомъ благодушіи, съ каковымъ Онъ увидѣлъ Свою неправость, призналъ ее и вознаградилъ. Вознагражденіемъ не называю я богатыя милости, коими Онъ осыпалъ меня, (ибо милости Государю стоятъ не много, а титла ничего); но вознагражденіемъ называю образъ, какъ Онъ меня ими жаловалъ, образъ, какъ Онъ поступалъ, говорилъ, обращался со мною. По истинѣ! тутъ былъ Онъ уже любезенъ и какъ частной человѣкъ; а сколь болѣе какъ Повелитель половины цѣлой части свѣта! — Онъ имѣлъ добродѣтель, въ общежитіи рѣдко, а на престолахъ еще гораздо рѣжѣ находимую: охотно признавалъ Свою неправость, и поправлялъ ее, не какъ Императоръ противъ подданнаго, но какъ человѣкъ противъ человѣка.

Кромѣ же ублаженія памяти покойнаго Государя — и священный долгъ *благодарности* къ нынѣ царствующему милосердому Императору, заставляетъ меня приняться за перо. Онъ возвратилъ меня старой, болѣзнующей моей матери и музамъ; Онъ умножилъ благотворенія Отца Своего и причислилъ меня, хотя и внѣ предѣловъ Имперіи Его, на всегда къ сонму вѣрноподданнѣйшихъ Своихъ. Миръ Ему! да будетъ каждый день Его царствованія какъ первый при глазахъ моихъ: громкимъ, всеобщимъ торжествомъ любви Его народовъ!

Вотъ, любезный читатель, причины, побудившія меня издать слѣдующее сочиненіе.

Въ Сентябрѣ 1801.

СОДЕРЖАНІЕ

первой части.

Вступленіе. -- Письмо Россійскаго Посланника въ Берлинѣ. -- Отъѣздъ изъ Веймара въ Берлинъ. -- Хорошій совѣтъ Россійскаго Посланника. -- Послѣднее предостереженіе въ Померанскомъ городкѣ Цановѣ. -- Прибытіе на границу Россіи. -- Арестованіе. -- Отъѣздъ въ Митаву, въ сопровожаніи Офицера и козака. -- Прибытіе въ Митаву. -- Произшествія въ домѣ Курляндскаго Губернатора. -- Надворный Совѣтникъ Щ.... нъ. -- Повелѣніе къ отъѣзду въ Петербургъ и приготовленія къ тому. -- Сенатской курьеръ Александръ Шульгинъ. -- Жестокая разлука съ женою и дѣтьми. -- Узнаніе о настоящемъ отправленіи въ Сибирь. -- Намѣреніе и приготовленія къ побѣгу. -- Ночной побѣгъ. -- Укрытіе въ Лифляндскихъ лѣсахъ. -- Уповаемое убѣжище въ Штокмансгофѣ и приключенія тамъ. -- Г. Простеніусъ уничтожаетъ всякую надежду. -- Вторичное

арестованіе. -- Благодушіе госпожи Левенштернъ и фамиліи ея. -- Отъѣздъ изъ Штокмансгофа. -- Принятыя мѣры предосторожности. -- Человѣколюбивой поступокъ Г. Корфа. -- Утѣшеніе Щ....на и курьера. -- Надежды. -- Вынужденіе денегъ. -- Гостепріимство Рускихъ крестьянъ. -- Предосторожность противъ отчаянія сосланнаго. -- Полоцкъ. -- Рапорты Щ.... на. -- Смоленскъ. -- Безчеловѣчный поступокъ. -- Москва. -- Гнусной обманъ. -- Безразсудная отвага Щ.... на -- Опасность утонуть въ Сурѣ подъ Василемъ. -- Сотоварищъ въ нещастіи. -- Сто тридцати лѣтній старикъ. -- Генералъ Мертенсъ. -- Казань. -- Гостепріимство тамошнее. -- Собраніе матеріаловъ для составленія прозьбы къ Императору. -- Молодая Татарская баба. -- Жестокое лишеніе и послѣдней надежды. -- Путешествіе Пермскими лѣсами. -- Пермь. -- Гроза. -- Сибирскіе крестьяне. -- Екатеринбургъ. -- Открытіе скрытнаго писанія. -- Граница Тобольская. -- Бѣдный сумасшедшій старикъ. -- Прибытіе въ Тобольскъ. -- Первый разговоръ съ Губернаторомъ. -- Квартира въ Тобольскѣ. -- Сдача сосланнаго Полицейскому Офице-

ру. -- Г. Киндяковъ.-- Баронъ Соммаруга. -- Исторія удивленія достойной его супруги.--Купецъ Бекеръ. -- Психологической феноменъ. -- Надворный Совѣтникъ Петерсонъ--Прозьба на имя Императора.--Благодушіе Губернатора. -- Позволеніе нанять слугу. -- Италіанецъ Росси. -- Внезапное ограниченіе прежней свободы. -- Нѣжное состраданіе Тобольскихъ купцовъ. --Описаніе разныхъ родовъ сосланныхъ и какъ съ ними поступаютъ. -- Участь Подполковника изъ Рязани. -- Образъ жизни Автора въ Тобольскѣ. -- Нещастное положеніе Губернатора. -- Описаніе Тобольска. -- Рыбной рядъ. -- Театръ. -- Клобъ. -- Маскерады и балы. -- Тобольской климатъ. -- Произведенія земли. -- Болѣзни. -- Возвѣщеніе необходимости, оставить Тобольскъ. -- Продажа коляски и прижимка. -- Приготовленія къ отъѣзду. -- Верховная жрица солнца. -- Отъѣздъ въ Курганъ. -- Ботаническая достопамятность. -- Гостепріимство Сибирскихъ крестьянъ. -- Пріѣздъ въ Курганъ. -- Описаніе городка. -- Пріемъ первой начальствующей особы. -- Исторія и характеръ Надворнаго Совѣтника де Грави. -- Полякъ Иванъ Соколовъ. -- Первая от-

веденная квартира. -- Исторія благороднаго Поляка. --Наемъ квартиры для Автора и описаніе оной. -- Дешевизна съѣстныхъ припасовъ. -- Умѣренный столъ. -- Образъ жизни Автора и суевѣріе его. -- Сосѣдственные Киргисцы. -- Охота. -- Прогулки по берегу Тобола, Курганскія дѣвки. -- Расположеніе къ побѣгу. -- Описаніе именинного пира. -- Заключеніе.

Почти три года прошло, какъ я оставилъ Россію, отечество любезной жены моей. Но дружелюбная благосклонность, съ каковою насъ вездѣ принимали, не могла ни какъ ослабить нѣжныхъ узъ, привязывавшихъ насъ къ Сѣверу. Я обѣщалъ женѣ моей, черезъ три года возвратить ее въ объятія нашихъ дѣтей, родственниковъ и друзей; и охотно желалъ исполнить слово мое. Конечно должно было мнѣ оставить нѣжно любимую мать, добрыхъ друзей и небольшую собственность въ Веймарѣ; но разлука сія назначалась только на четыре мѣсяца, только для свиданья, которымъ жена моя надѣялась утолить тоску свою по родинѣ.

Первый приступъ къ исполненію нашего желанія, по запрещенію въѣзда въ Россію, было необходимое письмо къ находящемуся ближе къ пребыванію моему Россійскому Ми-

нистру въ Берлинѣ, господину Тайному Совѣтнику и Кавалеру Барону Криденеру. Я просилъ его о доставленіи мнѣ пропуска. Онъ обѣщалъ мнѣ, тотчасъ донести о томъ Императору; но совѣтовалъ при томъ, чтобъ я самъ просилъ объ ономъ Государя. По сему совѣту я на слѣдующей же почтѣ послалъ мое прошеніе о позволеніи мнѣ пріѣхать въ Россію на четыре мѣсяца, чтобъ повидаться съ дѣтьми моими и сдѣлать лично нѣкоторыя распоряженія въ тамошнемъ моемъ имѣніи. Но прежде нежели прошеніе сіе могло достичь Петербурга, получилъ я второе письмо отъ Барона Криденера, которое по многимъ причинамъ, совсѣмъ здѣсь помѣщаю.

„Съ истиннымъ удовольствіемъ „сообщаю вамъ благоволительный „отвѣтъ въ разсужденіи желаемаго „вами пропуска. Сей часъ получилъ „я повелѣніе, дать вамъ пашпортъ,

,,но при томъ и немедленно донести
,,въ Петербургъ, по которой дорогѣ
,,вы поѣдете, дабы оттуда можно
,,было особымъ повелѣніемъ предупре-
,,дить всѣ затрудненія, каковыя
,,вамъ и съ пашпортомъ на границѣ
,,случиться могутъ. По тому прошу
,,васъ съ оборотною почтою увѣдо-
,,мить меня о вашей дорогѣ и на-
,,значить, куда я долженъ послать
,,пашпортъ вамъ, естьли вы сами
,,не черезъ Берлинъ отправитесь;
,,также еще доставить мнѣ имена
,,тѣхъ, кто съ вами поѣдутъ.
,,— Съ истиннымъ почитаніемъ
,,честь имѣю быть и проч.

Берлинъ.

Февраля 15 *дня* 1800.

Б. Криденеръ.

Письмо сіе произвело чрезвычай-
ную радость въ женѣ моей, а во мнѣ
напротивъ нѣкоторыя сомнѣнія. Я
ни по чему не могъ ожидать толь
скораго, и по видимому, толь край-
не милостиваго соизволенія на мое

прошеніе. Я не понималъ, какія затрудненія съ пашпортомъ могутъ еще случиться на границѣ; — а есть-ли же *всякому* путешествующему они случались, то по чему для меня хотѣли сдѣлать такое исключеніе и еще особымъ повелѣніемъ изъ Петербурга предупредить ихъ. — За что могъ я надѣяться такого отличія? и какая вообще нужда была Императору до того, по какой дорогѣ я поѣду?—

Всѣ эти сомнѣнія сообщилъ я женѣ моей, которая тому только смѣялась. Въ тотъ самой вечеръ, какъ я получилъ письмо, приглашены мы были къ одной дамѣ, отличавшейся какъ званіемъ, такъ и добродѣтельми своими, и нашли тамъ, какъ и всегда, отборное общество обоихъ половъ. — Жена моя сказала всѣмъ свою радость, а я мои сомнѣнія; но ни одинъ человѣкъ изо всего собранія не находилъ послѣднія основа-

тельными, а всѣ согласны были въ томъ: что тутъ совсѣмъ не чего опасаться.

Тогда я успокоился, а заботился единственно о томъ, что въ позволеніи мнѣ пріѣхать, не означено было именно мною просимое четырехмѣсячное время и что по тому мнѣ много труда будетъ въ разсужденіи обратнаго выѣзда. Однакожъ я старался отвратить и сію непріятность. Находясь въ службѣ Римскаго Императора Придворнымъ театральнымъ Поэтомъ, я изъ Вѣны выхлопоталъ себѣ отпускъ на четыре только мѣсяца. Въ нужномъ случаѣ хотѣлъ я предъявить его Австрійскому Министру въ Петербургѣ и не сомнѣвался, что съ помощію его беспрепятственно можно мнѣ будетъ тогда отправиться въ обратной путь.

Послѣ такого распоряженія выѣхалъ я изъ Веймара съ женою моею

и троими малыми дѣтьми то Апрѣля 1800. Въ Берлинѣ нашелъ я нѣсколько писемъ отъ друзей моихъ изъ Лифляндіи и Петербурга, которые предостерегали меня, чтобъ я напередъ хорошенько обдумалъ, сносенъ ли будетъ *климатъ* моему здоровью. (Яснѣе не могли они писать.) Въ сознаніи совершенной невинности почиталъ я предостереженіе ихъ за излишнее опасеніе, и не уважилъ его.

Я тотчасъ явился къ Россійскому Министру. Я уже прежде имѣлъ счастіе быть знаемъ симъ столь же образованнымъ, сколь человѣколюбивымъ мужемъ, и онъ принялъ меня съ обыкновенною своею благосклонностію. Откланиваясь ему осмѣлился я убѣдительно просить его, чтобы онъ мнѣ, отцу многочисленнаго семейства, въ разсужденіи моего положенія откровенно сказалъ: не будетъ ли какихъ затрудненій мнѣ

черезъ четыре мѣсяца получить позволеніе къ выѣзду. (Мнѣ по истинѣ и на умъ не приходило, чтобъ могло со мною случиться что нибудь гораздо непріятнѣйшее.) Съ благодареніемъ признаю, что Баронъ Криденеръ отвѣчалъ мнѣ какъ человѣкъ, умѣющій хорошо соединять жестокой долгъ съ благодушіемъ и человѣколюбіемъ. „Естьлибъ я на вашемъ мѣстѣ былъ, сказалъ онъ подумавъ нѣсколько секундъ, то отписалъ бы еще разъ въ Петербургъ, „чтобъ увѣриться напередъ въ моемъ желаніи. Однакожъ вы можете „ѣхать до Кенигсберга, и тамъ дождаться отвѣта."

Совѣтъ сей былъ самой лучшій; онъ убѣдилъ меня. Я сообщилъ его моей женѣ; но стремленіе къ отечеству и дѣтямъ, не позволило ей довольно его уважить. Мы оба приняли это съ легка и выѣхали изъ Берлина съ пашпортомъ, даннымъ отъ име-

ни и по указу Императора Всероссійскаго.

Какъ Прускія почты, какъ извѣстно, очень медленны (•), то я часто шелъ пѣшкомъ, и обыкновенною моею ходьбою не рѣдко на цѣлую милю уходилъ впередъ отъ моей повозки. Однажды пришелъ я такимъ образомъ въ маленькой Померанской городокъ, называющійся, естьли не ошибаюсь, Цановымъ. Прошедъ его, у заставы по ту сторону увидѣлъ я разныя дороги, и спросилъ высокаго худощаваго старика, можетъ быть, писца отъ воротъ, въ самое то время тутъ стоявшаго: по которой дорогѣ мнѣ итти. — Онъ завелъ со

(•) Новѣйшими учрежденіями, сказываютъ, отвращены отчасти жалобы путешествующихъ. Я не могу судить о томъ, по тому что бывъ напуганъ опытомъ, назадъ уже не по почтѣ ѣхалъ черезъ Пруссію и Померанію.

мною короткой разговоръ и освѣдомлялся, куда я ѣду. Услышавъ же, что я въ Россію отправляюсь, сталъ онъ искренно и почти съ отеческою заботливостію отговаривать отъ того. Какъ будто Богъ поставилъ у этихъ воротъ духа хранителя моего, для предостереженія меня еще разъ. Старикъ всячески убѣждалъ меня, и заботливость его въ самомъ дѣлѣ была весьма разительна. Увидѣвъ наконецъ, что все было напрасно и я намѣренъ уже итти, сказалъ онъ: "ну! Богъ съ вами!" — Я усмѣхнулся и пошелъ. Но какъ часто вспоминалъ я послѣ достопамятныя слова его! какъ часто приходило мнѣ въ голову, почесть его за вышшее существо, нарочно снисшедшее для возвѣщенія мнѣ предстоявшей участи!

Однакожъ противъ моей воли всѣ тѣ предостереженія, предчувствія и сомнѣнія сдѣлали такое силь-

ное впечатлѣніе во мнѣ, что я чувствовалъ какую-то особую грусть, увеличивавшуюся по мѣрѣ приближенія моего къ Россійской границѣ. Доходило даже до того, что не одинъ разъ, а въ послѣдній еще въ Минавѣ, усильно просилъ я жену мою, чтобъ она поѣхала одна, а я дождусь ея возвращенія въ Мемелѣ. Но она не могла рѣшиться на это. Опредѣленіе Вышшей власти было непремѣнно!

---

*Слѣдующее писалъ я въ Сибири, тотчасъ по прибытіи на мѣсто моего назначенія, когда еще всѣ страданія мои были у меня въ свѣжей памяти. Многое должно поправить; ибо я по возвращеніи моемъ о многихъ дѣлахъ и многихъ людяхъ узналъ совсѣмъ *иное*, и не всегда *лучшее*. Однакожъ поправки эти оставляю для продолженія исторіи, и здѣсь предварительно ни слова не перемѣняю въ томъ, что въ Сибири

писалъ. Читатель увидитъ теперь все то, что я тогда чувствовалъ, думалъ, чему вѣрилъ и чего надѣялся.

Теперь подъѣзжаемъ мы къ границѣ Россіи; минуемъ межи; находимся уже въ Россійскомъ владѣніи. — Но тутъ еще въ нашей волѣ воротиться; еще ни какой караулъ не останавливалъ насъ, никакая рѣка, никакой мостъ, никакая застава не отдѣляетъ насъ еще отъ Прускихъ владѣній. — Безмолвно и съ горестью посмотрѣлъ я на лѣво въ окно; всѣ предостереженія вновь мелькнули въ душѣ моей; я съ трудомъ переводилъ духъ. Жена моя не говоря ни слова смотрѣла на меня; она также тосковала, какъ послѣ мнѣ въ томъ призналась. — Еще могли бы мы воротиться. Еще мигъ! и поздно уже. Мигъ этотъ прошелъ; жребій брошенъ.

„Стой!„ закричалъ козакъ съ длиннымъ копьемъ. Мы остановились у мосту черезъ узкой ручей. На лѣво караульная. Офицера вызываютъ.

„Пашпортъ, сударь, вашъ!„

Вотъ онъ.

Офицеръ развертываетъ его, читаетъ и разсматриваетъ подпись.„ Кто это подписалъ!„

Баронъ Криденеръ.

"Вы изъ Берлина ѣдете?„

Да.

„Такъ точно. Извольте ѣхать.„— Махъ! шлагбаумъ поднимается, коляска съ глухимъ стукомъ катится черезъ мостъ; шлагбаумъ опускается за нами. — У меня вырывается вздохъ. „ Вотъ уже мы въѣхали!„ сказалъ я съ насильною улыбкою. Но Богу извѣстно, что самая большая забота моя была только все о мнимыхъ затрудненіяхъ къ полученію пашпорта для обратнаго пути;

и мнѣ тогда отнюдъ невозможнымъ казалось, чтобъ личная моя безопасность чему нибудь подвергалась.

Черезъ нѣсколько минутъ очутились мы среди мѣстечка Полангена и коляска остановилась у пограничной таможни. Начальникъ оной тамъ былъ нѣкто Подполковникъ Селинъ, человѣкъ предоброй. Онъ прежде служилъ въ полку, долгое время стоявшемъ въ Нарвѣ и окружныхъ мѣстахъ, а его квартира была тогда въ помѣстьѣ, сосѣдственномъ съ деревнями жены моей. По тому мы были старые знакомые, и за три года на этой же самой границѣ съ крайнею пріязнію разстались мы другъ съ другомъ. Да и дорогою уже радовался я съ женою моею, узнавъ, что онъ все еще при этомъ мѣстѣ.

Я первый выскочилъ изъ коляски. Селинъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ. Я обнялъ его; на онъ какъ-то чинно отвѣчалъ на то. Я спро-

силъ его, развѣ онъ меня уже не знаетъ и сказалъ ему свое имя. Онъ молчалъ, поклонился и принуждалъ себя, казаться ласковымъ. Я это замѣтилъ и огорчился.

Тутъ вышла и жена моя. Онъ принялъ ее учтиво, но не ловко. Она это увидѣла и сердце у нее замерло. Онъ вводитъ насъ въ покои. Актеръ Вейраухъ, изъ Мемеля возлѣ коляски нашей верхомъ ѣхавшій, беспрепятственно слѣдуетъ за нами. Жена моя напрасно старается завести радостной разговоръ, обыкновенно употребляемый съ старымъ знакомымъ. Онъ отвѣчаетъ коротко, потомъ оборотясь ко мнѣ, требуетъ моего пашпорта. — „Онъ еще у козачьяго Офицера. „ — Онъ молчитъ; примѣтно, что у добраго человѣка есть что-то на сердцѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ приносятъ пашпортъ. Селинъ читаетъ, а я стою въ боязненномъ ожиданіи.

„Такъ вы г. Коцебу?„ говоритъ онъ, прочитавъ пашпортъ. — Не мудрено, что этотъ вопросъ удивилъ меня, когда мы давно другъ друга знали. Конечно я, отвѣчалъ я ему.

„Ну такъ! продолжаетъ онъ, оборотясь къ женѣ моей и поблѣднѣвъ самъ: не пугайтесь, сударыня; я имѣю повелѣніе арестовать вашего супруга.„ — Жена моя громко ахнула и колѣни ея подгибаются. Она бросается ко мнѣ, крѣпко обнимаетъ меня и дѣлаетъ себѣ самые жестокіе упреки; малыя мои дѣти стоятъ тутъ и не знаютъ, что это значитъ. Я самъ ужасно испугался; но увидя жену мою почти въ обморокѣ, въ мигъ оправляюсь. Беру ее на руки свои, сажаю на стулъ, и прошу, убѣждаю быть покойной, потому что это отнюдъ не можетъ имѣть худыхъ слѣдствій: словомъ, говорю ей все, что внушаетъ мнѣ ея состояніе. Она опамятывается. Тутъ только вздумалъ я о себѣ и по-

воротясь вдругъ къ Селину, спрашиваю: какъ сказано въ повелѣніи вамъ? откройте мнѣ все.

„Я долженъ отобрать всѣ ваши бумаги, и отправить ихъ вмѣстѣ съ вами въ Митаву къ Губернатору.„

А тамъ что будетъ?

„Тамъ разсмотрятъ ваши бумаги, и Губернаторъ поступитъ по дальнѣйшему повелѣнію ему.“

А болѣе ничего?

„Болѣе ничего.“

Можетъ ли семейство мое ѣхать со мною?

„Конечно.“

Ну, милая, любезная Христина, говорилъ я, видишь ли, что мы можемъ быть совершенно покойны? Мы поѣдемъ въ Митаву; куда и безъ того ѣхали. Тамъ насъ продержатъ можетъ быть цѣлой день; только и будетъ. Ты знаешь, что въ моихъ бумагахъ ничего нѣтъ подозрительнаго. Такъ это только

предосторожность, которая очень извинительна при нынѣшнихъ смутныхъ временахъ. Государь меня не знаетъ: а вѣдаетъ, что многимъ писателямъ вольность вскружила головы; Онъ подозрѣваетъ, не изъ числа ли я тѣхъ; и право мнѣ гораздо пріятнѣе, что Онъ хочетъ объяснить это подозрѣніе, нежели когда бъ Онъ продолжалъ такъ обо мнѣ думать. Изъ бумагъ моихъ Онъ меня совершенно узнаетъ: это будетъ еще въ мою пользу и Онъ впередъ будетъ имѣть довѣренность ко мнѣ.

Такъ говорилъ я, прижимая дражайшую жену мою съ веселымъ духомъ къ моему сердцу; и Богу извѣстно, что въ полномъ упованіи такъ говорилъ. Въ твердомъ удостовѣреніи на мою невинность — чего мнѣ было опасаться? Жена моя также стала покойнѣе. Она прежде думала, что насъ разлучатъ, что со мною худо поступятъ, бросятъ въ телѣгу и опрометью увезутъ; но когда

услышала, что мы неразлучно можемъ продолжать путь въ покойной коляскѣ нашей, и что отъ меня теперь кромѣ бумагъ моихъ ни чего болѣе не требовали, то изчезли страшныя мечты, сокрушавшія ее.

Теперь дошло до произшествія, въ которомъ *дѣйствіе* бѣдному Селину примѣтно также больно было, какъ намъ *страданіе*. Кончили обыскъ моихъ сундуковъ; бывшія тамъ бумаги вынули; отобрали также и записную мою книжку и дошло дѣло до меня самаго. Мнѣ должно было выворачивать всѣ карманы, выложить на столъ всякой изорванной лоскутокъ бумаги, всякой старой трактирской счетъ. Я это дѣлалъ съ нѣкоторою торопливостію и съ трудомъ удерживалъ себя. „Я исполняю долгъ свой, сказалъ Селинъ прискорбнымъ голосомъ. Очень примѣтно было, какъ тяжело было ему исполненіе этого долгу.

Потомъ просилъ онъ насъ очень

учтиво, вынуть изъ сундуковъ все, что намъ изъ бѣлья и платья нужно будетъ до Митавы, потому что онъ долженъ сундуки запечатать. Мы это сдѣлали. У меня былъ ларчикъ, въ которомъ я возилъ съ собою всякія мѣлочи, всякой день мнѣ нужныя, какъ табакъ, бритвы, лекарства и прочее. Я просилъ его не запечатывать этаго ларчика. Онъ тотчасъ охотно согласился на это съ тѣмъ, что напередъ самъ его осмотритъ. Я отперъ его и все показывалъ. У ларчика было довольно толстое дно. Нѣтъ ли тутъ секретнаго мѣста для бумагъ? спросилъ Селинъ. — Нѣтъ, отвѣчалъ я не обинуясь. Мнѣ этотъ ларчикъ сдѣлали по заказу въ Вѣнѣ и я въ немъ совсѣмъ не примѣтилъ ничего такого. Но здѣсь умѣли обнаруживать секретное. Селинъ пытался тутъ и тамъ, вдругъ приподнялъ верхній закладъ и вотъ! подлинно нашлось секретное мѣсто, но — ничего въ немъ не было. Видя

ше, сказалъ я усмѣхаясь, что я этого и самъ не зналъ: изъ этаго можете заключить, нужны ли мнѣ секретные ящики, чтобъ прятать мои бумаги. Онъ это почувствовалъ и сказалъ по Руски стоящему возлѣ него Офицеру: онъ и самъ этаго не зналъ.

Теперь конченъ былъ обыскъ. Намъ должно было еще дожидаться, пока напишутъ въ канцеляріи рапортъ. Дѣти мои стали безпокойны; они весь день ничего не ѣли: ибо мы такъ проворно спѣшили къ нашей бѣдѣ, что на послѣдней станціи отказались отъ готоваго обѣда. Я попросилъ не много хлѣба съ масломъ для дѣтей; бѣдная жена моя и я конечно не были голодны. Человѣколюбивый Селинъ велѣлъ подать все, что у него въ домѣ было. Но въ другой, гораздо справедливѣйшей прозьбѣ принужденъ онъ былъ отказать мнѣ. Я въ этомъ смятеніи чувствованій моихъ вспомнилъ о ста-

рой моей матери, которую оставилъ больную. Легко можно было предвидѣть, что приключеніе со мною скоро дойдетъ до нее, и можетъ быть безъ предваренія, причинитъ ей ударъ. По тому я усильнѣйше просилъ позволить мнѣ написать къ ней нѣсколько строкъ, которыя бы Селинъ самъ прочиталъ и запечаталъ; но тщетно! — Мнѣ это было крайне больно — конечно и ему. Но какъ онъ увѣрялъ, что мнѣ изъ Митавы безпрепятственно можно будетъ писать, то я успокоился, оборотился къ актеру Вейрауху, безмолвному и дивящемуся свидѣтелю всего этаго произшествія, взялъ его руку и умолялъ его, при возвращеніи его въ Мемель ни слова не говорить о томъ, что здѣсь случилось, дабы никакой торопливой газетчикъ не обнародовалъ того. Онъ мнѣ свято то обѣщалъ то.

Сильнѣйшее доказательство того, сколь мало доброй Селинъ при

всемъ этомъ случаѣ помнилъ себя, было незамѣченное присутствіе Вейрауха при всемъ этомъ произшествіи. Я былъ *секретной государственный арестантъ*, (и это узналъ я конечно послѣ) и полученное обо мнѣ повелѣніе было *секретное*. Получатель подъ строгимъ отвѣтомъ не долженъ никому сообщать содержанія онаго и не допускать никакого свидѣтеля при исполненіи. Но я побожиться могу, что Селинъ даже не видалъ тутъ Вейрауха.

Теперь все было готово, лошади впряжены, сундуки запечатаны. Плетеную люльку меньшаго моего ребенка, которую мы возили за коляскою, должно было очень небережно стянуть, дабы дать мѣсто одному изъ слугъ моихъ, коего прежнее мѣсто на козлахъ занялъ теперь козакъ. Записную книжку мою съ печатью свинцовою сунули въ сумку внутри коляски на старое ея мѣсто, а мнѣ отдали ключь отъ нее. Еще

во время вздумалъ я, что какимъ нибудь случаемъ можетъ повредиться свинецъ, и тогда я буду въ подозрѣніи; для того я самъ отдалъ ключь и просилъ запечатавъ его отправить при рапортѣ. Это и было сдѣлано.

Мы сердечно простились съ честнымъ Селинымъ. Въ послѣднія минуты былъ онъ опять тотъ, какъ всегда; онъ исполнилъ горестной долгъ свой, утѣшалъ насъ сколько могъ и гора свалилась съ плечъ его. Очень станется, что я никогда уже не увижу болѣе этого человѣка; но естьли повѣствованіе плачевной судьбы моей когда нибудь выдетъ въ свѣтъ, то да читаетъ онъ здѣсь благодареніе чувствительнаго сердца, въ которомъ онъ и его имя впечатлѣны неизгладимыми чертами!

Мы сѣли въ коляску и видѣли передъ собою на козлахъ вооруженнаго саблею и копьемъ козака. Дѣти мои тѣшились имъ; жена моя плакала. Я

самъ опять получилъ всю мою твердость; старался даже шутить и мнѣ мало по малу удалось почти совсѣмъ успокоить жену мою. Да и видъ козака, кромѣ оружія его, совсѣмъ былъ не страшенъ. Это былъ статной, видной и хорошо одѣтой, очень услужливой и вѣжливый человѣкъ: когда только кто изъ насъ выходилъ изъ коляски, то онъ почтительно скидавалъ свою шляпу. За нами ѣхалъ въ кибиткѣ Капитанъ, родомъ Полякъ, но его имя я по нещастію забылъ. Онъ говорилъ не много по Нѣмецки, въ Польскую революцію былъ Адьютантомъ у Генерала Мирбаха, а по томъ цѣлой годъ въ строгомъ плѣну съ симъ Генераломъ въ Митавѣ. Теперь былъ онъ, не знаю право, въ какой-то должности при пограничной таможнѣ. Коммисія, которую онъ долженъ былъ выполнить въ разсужденіи меня, по видимому совсѣмъ была не по немъ. Въ дорогѣ были мы очень уч-

тивы и ласковы между собою; онъ мнѣ ни въ чемъ не былъ въ тягость; только въ дорогой Курляндіи напомнилъ мнѣ кошелекъ мой о присутствіи его; ибо я принужденъ былъ платить какъ прогоны, такъ и за пищу его.

Отъ Полангена до Митавы считаютъ еще 36 Нѣмецкихъ миль. Мы пробыли въ дорогѣ три дни, и что до меня касается, то могу утвердительно сказать, въ совершенномъ спокойствіи душевномъ.

По видимому и жена моя совсѣмъ оправилась отъ своего испугу. Мы опасались только, что насъ продержатъ долѣе въ Митавѣ, и это намъ было непріятно по тамошней дороговизнѣ, и по тому, что мы друзьямъ своимъ въ Лифляндіи изъ Данцига назначили день нашего пріѣзда. Чегожъ намъ болѣе и опасаться было? Я пятнатцать лѣтъ служилъ честно въ Россіи; могъ предъявить на то самыя лучшія свидѣтельства; за три

года съ соизволеніемъ Императора вступилъ въ Австрійскую службу; въ ту самую минуту былъ еще служащій Поэтъ Придворнаго Вѣнскаго театра; велъ себя тамъ всегда какъ добрый гражданинъ Государства и вѣрно выполнялъ долгъ свой, о чемъ также имѣлъ достаточные атестаты; по отбытіи моемъ изъ Вѣны жилъ въ Княжествѣ Веймарскомъ, и никогда не бывалъ ни въ какой землѣ, которая воевала съ Россіей или Австріей; — еще разъ: чегожъ мнѣ было бояться? По видимому это было одно подозрѣніе бумагъ моихъ. А эти были совершенно невинны. —

На пути въ Митаву мнѣ бы не одинъ разъ очень легко было спастись бѣгствомъ. На другую ночь остановились мы на почтовомъ дворѣ: Капитанъ спалъ въ отдаленной отъ меня комнатѣ; я всталъ очень рано и вышелъ на дворъ; въ передней лежалъ козакъ съ обоими слугами моими на соломѣ въ крѣпкомъ снѣ;

граница была еще не далека, и на крестьянской лошади я бы въ нѣсколько часовъ былъ въ безопасности: но мысль о побѣгѣ совсѣмъ не приходила мнѣ въ голову.

Апрѣля 26, въ 2 часа утра прибыли мы въ Митаву, и остановились въ томъ самомъ гербергѣ, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ мы за три года при выѣздѣ нашемъ останавливались, конечно съ другими совсѣмъ чувствованіями. На нѣсколько часовъ легли мы отдохнуть. Капитанъ спалъ опять въ совсѣмъ отдѣленной отъ насъ комнатѣ и у меня не было караулу.

Проспавъ нѣсколько часовъ довольно беспокойно, всталъ я и одѣлся, чтобъ вмѣстѣ съ провожатымъ моимъ явиться къ господину Губернатору. Я въ Петербургѣ еще до того узналъ и полюбилъ этаго честнаго человѣка; и радовался, что ему именно поручено изслѣдовать о характерѣ моемъ и поведеніи; я даже

не много гордился окончаніемъ этаго дѣла, которое по моему мнѣнію долженствовало выйти въ мою пользу и по тому съ веселымъ духомъ вошелъ въ его домъ. Доброй, сокрушающейся женѣ моей обѣщалъ я, тотчасъ дать знать, когда дѣло рѣшится. Мы все это почитали такъ легкимъ, такъ короткимъ, такъ неважнымъ. До какихъ самообольщеній доводитъ сознаніе себя невиннымъ!

Въ передней у Губернатора напомнили мнѣ слуги его, что я не могу явиться къ господину ихъ во фракѣ съ лежачимъ воротникомъ. Однакожъ узнавъ, что я пріѣзжій и все платье мое запечатано въ сундукахъ, не стали дѣлать болѣе затрудненій.

Въ другой комнатѣ должно было намъ дожидаться нѣсколько времени и я могъ тогда замѣтить разительно странное убранство этаго покоя. Изъ мёблей было тутъ не много стульевъ и софа; но на стѣнахъ висѣли картины, какъ будто нароч-

но подобранныя: тутъ былъ волкъ терзающій дикую козу; коршунъ, уцѣпившійся когтями въ зайца; медвѣдь, ревущій о добычѣ; лисица, пойманная въ капканъ. Но страннѣе всего была большая доска, на которой написаны были четыре стиха или строки. Я не припомню ихъ совершенно, а смыслъ былъ такой: „человѣкъ можетъ укротить львовъ и тигровъ и проч. можетъ обуздать самаго бѣшенаго коня, но не обуздаетъ языка своего.„ Все это было изображено по старинному обычаю отчасти въ лицахъ; на примѣръ, вмѣсто слова *человѣкъ*, былъ онъ живописанъ, вмѣсто *коня*, написана лошадь, а вмѣсто *языка*, большой ротъ съ висячимъ замкомъ. Признаться должно, что такія картины не могли внушить утѣшительной надежды, и онѣ подлинно произвели совсѣмъ различное во мнѣ расположеніе: пасмурно стало въ душѣ моей.

Теперь позвали провожатаго мо-

его къ Губернатору, а я остался одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ вышли оба. Губернаторъ принялъ меня съ примѣтнымъ замѣшательствомъ; однакожъ очень ласково вспомнилъ наше давнее знакомство и сказалъ: что онъ читалъ всѣ мои сочиненія и охотно читалъ; что они кой-гдѣ не много *остро* писаны, однакожъ онъ всегда находилъ въ нихъ удовольствіе.

Теперь мнѣ не до того было. Я увѣрялъ его, что почитаю себя счастливымъ, что могу въ глазахъ его оправдать мою невинность и просилъ, какъ можно скорѣе разсмотрѣть мои бумаги.

„Мнѣ совсѣмъ не поручено, возразилъ онъ, разсмотрѣніе ихъ. Мнѣ только велѣно, запечатавъ ваши бумаги, отправить ихъ въ Петербургъ и вы сами должны немедленно туда ѣхать.„

Я крайне встревожился, но тотчасъ скрѣпясь, просилъ только о

позволеніи взять съ собою жену мою, какъ мы еще никогда не разлучались и не можемъ жить другъ безъ друга. Съ начала онъ хотѣлъ было на это согласиться; но послѣ тайнаго напамятованія Секретаря его, совершенно въ томъ отказалъ. Когда я сказалъ ему, что не могу отвѣчать за то, чтобъ плачущая жена моя не прибѣжала сама къ нему и не отстанетъ отъ него, пока онъ согласится на эту прозьбу, то отвѣчалъ онъ съ чувствительностью: избавте меня отъ такого зрѣлища! я самъ отецъ и мужъ, и совершенно чувствую ужасное ваше положеніе; но я не могу помочь, а долженъ во всей строгости выполнить долгъ мой. Поѣзжайте въ Петербургъ, оправдайтесь; и много что черезъ двѣ недѣли вы будете опять въ объятіяхъ вашего семейства. Между тѣмъ жена ваша будетъ здѣсь въ хорошихъ рукахъ; мы будемъ для нее все дѣлать, чего

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина

требуетъ человѣколюбіе и наше собственное сердце."

При этихъ словахъ попросилъ онъ меня войти въ его комнату, и оставилъ меня, чтобъ отдать разныя приказанія, къ сожалѣнію очень до меня касавшіяся.

Въ его комнатѣ не нашелъ я никого, кромѣ молодой женской особы пріятнаго лица, конечно дочь его. Она занималась женскою работою, ласково поклонилась мнѣ, но не говорила, а только иногда отъ работы взглядывала на меня. Въ пріятныхъ взорахъ ея не находилъ я любопытства, а только состраданіе, и кой-когда вырывался у нее вздохъ. Легко понять можно, какъ мало все это могло меня упокоить.

Губернаторъ скоро воротился. Онъ увѣрялъ меня,, что нынѣ не такъ какъ прежде въ Россіи, а строго исполняется правосудіе. — По этому я могу быть покоенъ, отвѣчалъ я. — Онъ дивился, что я своею охотою

возвратился въ Россію; также мудрено для него было, что я все мое семейство привезъ съ собою. Конечно человѣкъ, съ опасными замыслами отправляющійся въ путь, не возметъ съ собою жену, троихъ малыхъ дѣтей, семидесятилѣтнюю няньку, горничную и двоихъ слугъ. Надѣясь на мою совѣсть воротился я самъ своею охотою.

Тутъ вошелъ человѣкъ въ Петербургскомъ статскомъ мундирѣ. — Вотъ Г. Надворный Совѣтникъ Щ—нъ, сказалъ Губернаторъ: отмѣнно честной человѣкъ; онъ съ вами поѣдетъ и вы у него будете въ хорошихъ рукахъ.

Говоритъ ли онъ по Нѣмецки или по Французски?

„Ни то, ни другое."

Жаль; по тому что я по Руски почти совсѣмъ забылъ.

Губернаторъ рекомендовалъ насъ другъ другу; я объяснился по Руски какъ умѣлъ, и чего словами выразить

не могъ, то замѣнялъ знаками: я взялъ Надворнаго Совѣтника за руку, пожалъ ее съ чувствительностію и просилъ о его дружбѣ. Онъ ласковою усмѣшкою отвѣчалъ на мою прозьбу.

„Постарайтесь, сказалъ Губернаторъ, какъ можно поскорѣе достать покойную повозку, потому что вамъ тотчасъ должно ѣхать.„ — Я просилъ отсрочки, по крайней мѣрѣ до завтрева, какъ я въ послѣднія три ночи совсѣмъ не спалъ, четыре недѣли все въ дорогѣ, и три дни въ сильномъ душевномъ беспокойствѣ былъ; но въ этой прозьбѣ мнѣ должно было отказать. Губернаторъ пригласилъ меня къ обѣду у него, а тамъ совѣтовалъ спѣшить какъ можно отъѣздомъ. Я отклонилъ приглашеніе и пошелъ съ Губернаторскимъ Секретаремъ въ свой гербергъ. Этотъ молодой человѣкъ при холодной своей физіономіи, по видимому принималъ участіе въ судьбѣ моей. Онъ жалѣлъ обо-

мнѣ и увѣрялъ, что Губернаторъ при всемъ своемъ желаніи не можетъ ничего болѣе для меня сдѣлать.

Мы вошли въ мою комнату. Милая, любезная жена моя, проведя страшной часъ безъ меня, встрѣтила меня съ прискорбнымъ ожиданіемъ въ глазахъ. Я принуждалъ себя казаться покойнымъ и веселымъ. Со всевозможною осторожностію сказалъ я ей, что долженъ ѣхать въ Петербургъ и безъ нее. Къ этому извѣстію прибавилъ я столько утѣшеній и надеждъ, сколько встревоженная душа моя позволяла мнѣ найти; да и Секретарь увѣрялъ, что все дѣло не можетъ продлиться болѣе двухъ недѣль. Но все было напрасно! Христина моя зарыдавъ бросилась на постель и предалась неописанной горести. Она непремѣнно хотѣла со мною ѣхать; хотѣла рѣшительно оставить милыхъ дѣтей; хотѣла по крайнѣй мѣрѣ доѣхать со мною до

находящейся не далеко отъ Нарвы дачи моей Фриденталь, откуда до Петербурга съ небольшимъ тридцать верстъ. Тщетно! Во всѣхъ этихъ прозьбахъ ей, по обьяснившимся послѣ причинамъ, отказали. И объ ней должно было напередъ отписать и донести въ Петербургъ: ибо о ней никакихъ повелѣній получено не было; должно было освѣдомиться еще, позволено ли будетъ ей ѣхать домой къ родственникамъ своимъ. До полученія отвѣта (и такъ по меньшей мѣрѣ недѣли двѣ) должно ей ждать въ этомъ ей совсѣмъ незнакомомъ мѣстѣ — въ дорогомъ гербергѣ, безъ мужа, съ одною горестью своею; однакожъ по истеченіи сего времени не сомнѣвались, что въ ея волѣ будетъ ѣхать куда угодно.

О, естьлибъ я исполнилъ уже горестное дѣло описанія страшныхъ часовъ до моего отъѣзда! Бѣдная жена моя то съ горькими слезами

висла на шеѣ моей, то почти въ безпамятствѣ и рыдаючи лежала на постелѣ. Старшая дочь моя, дѣвочка пяти лѣтъ, добрая моя Эмми, крайне ко мнѣ привязанная, поминутно подходила ко мнѣ и маленькими ручонками своими обнимала меня. Другая трехлѣтняя дочь моя не знала, что дѣлается и плакала о томъ, что ею не занимаются какъ всегда. Меньшой мой сынъ одиннатцати мѣсяцовъ беззаботно улыбался на рукахъ своей няньки. Люди мои въ горести бѣгали взадъ и впередъ. Въ комнатѣ много было тревоги. Щ—нъ явился; Сенатской курьеръ сталъ въ углу; Секретарь распечаталъ сундуки мои, еще разъ все пересмотрѣлъ и принялъ мои бумаги. Я былъ въ крайнемъ оцѣпенѣніи, изъ котораго по временамъ силою опамятовался. Я не заботился ни о чемъ, что дѣлалось въ комнатѣ, но сѣлъ на постель къ плачущей женѣ моей, съ жаромъ искреннѣйшей любви обнялъ

ее и умолялъ, скрѣпиться и надѣяться на мою невинность и правосудіе Императора. Мы прожили вмѣстѣ, говорилъ я, столько счастливыхъ дней; станемъ теперь переносить и нещастіе съ твердостію. Оно не можетъ быть продолжительно. Губернаторъ сказалъ мнѣ, что когда я оправдаюсь, то черезъ двѣ недѣли возвращусь въ объятія моей семьи. Теперь, моя милая, докажи, что ты не обыкновенная женщина. Вопль и слезы тутъ ничего не помогутъ. Вѣрной, любящей женѣ должно съ твердостію терпѣть и только развѣ употреблять всѣ въ ея власти находящіяся средства къ избавленію.

Потомъ назвалъ я нѣкоторыхъ особъ въ Петербургѣ, къ которымъ бы она могла писать, и поручилъ ей, какъ можно осторожнѣе сообщить старой моей матери ужасную эту вѣсть. И Секретарь Вейтбрехтъ о-

бѣщалъ мнѣ уже прежде, увѣдомить мать мою о моей участи (•).

Наконецъ удалось мнѣ ласками моими уговорить такъ жену мою что она опять нѣсколько оправилась. Она встала, поклонилась Щ — ну, подала ему руку, и съ тихими слезами просила его, имѣть дорогою попеченіе о немощномъ ея мужѣ. (Она уже слышала, что мнѣ не льзя было даже взять съ собою ни одного слуги.) О! естьлибъ тысячи видѣли въ эту минуту отмѣнную жену, какъ мило она просила, какъ прекрасна была въ горести, какъ трогательна въ слезахъ своихъ; конечно! ни единое сердце не было бъ нечувствительно, изо всѣхъ глазъ полились бы слезы. Щ — нъ учтиво улыбался и обѣщалъ все исполнить, чего просящая требовала.

Не одинъ разъ спрашивалъ меня Секретарь очень усильно: *довольно*

(•) Онъ того не исполнилъ.

ли у меня денегъ? — У меня было съ небольшимъ сто фридрихсдоровъ, съ пятьдесятъ червонцовъ и сотни двѣ талеровъ Саксонскими деньгами, которыя я взялъ изъ Лейпцига для того, что они ходятъ въ Курляндіи. Онъ совѣтовалъ мнѣ обмѣнять всѣ на Русскія ассигнаціи и взять съ собою. Я счелъ это не нужнымъ; много ль могъ я издержать отъ Митавы до Петербурга? Мнѣ же должно было ѣхать черезъ Фриденталь, гдѣ я увѣренъ былъ въ нужномъ случаѣ найти деньги. Въ Петербургѣ же были у меня друзья и я могъ надѣяться на помощь ихъ. Напротивъ женѣ моей нужны были деньги, и я хотѣлъ всѣ оставить ей. Я сказалъ это Секретарю; однакожъ онъ съ такимъ особымъ видомъ убѣждалъ меня послушаться его совѣту, что я наконецъ, хотя не совсѣмъ, согласился на то. Онъ самъ по благосклонности потрудился обмѣнять деньги, и по скорости, съ каковою все дол-

жно было дѣлать, доставилъ изрядную цѣну за мое золото.

Изъ большихъ тяжелыхъ сундуковъ кареты моей не могъ я ни одного взять съ собою; для того велѣлъ я, чтобъ слуги мои дали мнѣ свой до половины изорванный чемоданъ, а горничная жены моей старалась уложить въ него бѣлья моего на нѣсколько недѣль. Сенатской курьеръ стоялъ при томъ; и такъ же усильно, какъ Секретарь уговаривалъ меня по болѣе денегъ съ собою взять, совѣтовалъ горничной, гораздо болѣе бѣлья накласть въ чемоданъ. Она почла это совсѣмъ не нужнымъ, и напротивъ положила не много. Какъ его въ бѣльѣ не послушали, то онъ настоялъ, что по крайнѣй мѣрѣ постель надобно было взять. Я почелъ это еще ненужнѣе, а онъ пожалъ плечьми.

Соображая теперь хладнокровно всѣ эти обстоятельства, не понимаю я, какъ ни малѣйшее подозрѣніе

не возродилось въ душѣ моей, что можетъ быть мнѣ должно гораздо далѣе ѣхать. Но я былъ въ смущенномъ оцѣпенѣніи и не могъ ясно мыслить. Въ разсужденіи денегъ помню я только, что темно вздумалъ, что онѣ могутъ мнѣ нужны быть въ Петербургѣ, когда станется въ первые дни мнѣ не позволено будетъ видѣть никого изъ моихъ друзей. Я почти не примѣчалъ укладки бѣлья и едва слышалъ то, что о томъ говорили.— Ахъ! вся душа моя занята была женою и дѣтьми! Я ходилъ отъ этихъ къ той, отъ той къ этимъ, и попеременно прижималъ ихъ къ груди моей: утѣшалъ тутъ, ласкалъ тамъ.

У курьера, увидѣвшаго горячность мою къ семейству, навернулись слезы на глазахъ. Тутъ только замѣтилъ я его и ласково взглянулъ на него; онъ отвѣчалъ мнѣ такимъ же ласковымъ взглядомъ. Женатъ ли ты? спросилъ я его. Онъ мигнулъ слезящими глазами.

,,И у меня трое малыхъ дѣтей! отвѣчалъ онъ.

Ну, такъ ты меня понимаешь!— Онъ кивнулъ головой и вздохнулъ.

Какъ этотъ человѣкъ имѣлъ великое вліяніе на тогдашнюю, а можетъ быть и на будущую судьбу мою (•), то да позволено мнѣ будетъ здѣсь описать его. Александру Ш... ..ну было лѣтъ тритцать отъ роду. Совершенно необразованный, но добродѣтельный человѣкъ. Лицо его было калмыковато: широкая, круглая рожа, сплющенный носъ, высокія скулы, маленькія узенькія глаза, очень низкой лобъ, черные волосы; болѣе малаго, нежели высокаго росту, широкая грудь и широкія плеча. На лѣвой груди была у него бѣлая, круглая гербовая бляха Сенатскихъ курьеровъ, а около тѣла курьерская сумка съ такимъ же гербомъ. Въ ѣдѣ и питьи находилъ онъ крайнее свое блаженство; но онъ былъ не-

(•) Въ этомъ я ошибся.

разборчивъ; онъ ѣлъ и пилъ все, что ему попадалось; и по его ухваткѣ въ томъ тотчасъ видно было, что онъ это почиталъ главнымъ дѣломъ жизни своей. Когда онъ на примѣръ ѣдалъ похлѣбку, то закидывалъ не много голову, совалъ ложку до самой ручки въ ротъ, выливалъ похлѣбку, вмѣсто чтобы въ ротъ, прямо въ въ глотку, смотрѣлъ притомъ въ потолокъ и стягивалъ лобъ въ премножество горизонтальныхъ морщинъ, такъ что каждый волосъ на головѣ его шевелился. Тоже самое дѣлывалъ онъ съ мясомъ. Онъ не клалъ его въ ротъ, а швырялъ въ горло. Я иногда оставлялъ кости отъ телячьяго жаркаго; онъ тотчасъ прибиралъ ихъ и какъ самая большая меделянская собака грызъ все, что въ нихъ хотя не много мозговато или жиловато было. Развѣ уже слишкомъ велика была рюмка водки, естьли онъ не разомъ выливалъ ее въ глотку. Онъ могъ чрез-

вычайно много пить водки, и не быть отъ того пьянымъ; также безъ вреда могъ мѣшать самые противныя напитки. Я часто видалъ, какъ онъ по утрамъ пивалъ чай съ молокомъ, по томъ большую рюмку водки; тамъ кофе, оставшійся послѣ меня; тамъ стакана два пуншу, а въ заключеніе ковша два квасу, и все это въ одну четверть часа. Также легко, какъ онъ во всякое время дня и ночи ѣлъ и пилъ, могъ онъ и спать, когда только вздумывалъ.

Впрочемъ Александръ Ш. . . . нъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ, въ разсужденіи нравственнаго образованія имѣлъ преимущество передъ Щ — нымъ. Въ немъ было чувство, хотя не глубокое, но быстрое и сильное, которое иногда какъ бы трясло его и тотчасъ опять опускало. Онъ же зналъ кой-что, а Щ — нъ совсѣмъ ничего. Такъ помню я, что онъ однажды увидѣвъ кукушку, рав-

сказывалъ гну Щ --- ну, что эта птица кладетъ свои яйца въ чужіе гнѣзда, и никогда сама ихъ не высиживаетъ. Щ -- нъ смѣялся ему въ глаза, что онъ такъ глупъ и вѣритъ такимъ пустякамъ. Ш .... нъ сослался на меня и я утвердилъ сказанное имъ; но гнъ Щ --- нъ презрительно взглянулъ на насъ обоихъ. - Что еще бы можно было сказать о Александрѣ Ш ..... нѣ, то встрѣтится въ продолженіи исторіи.

Возвращаюсь къ моимъ страданіямъ. Въ послѣдніе два часа наѣхало на дворъ нѣсколько дорожныхъ колясокъ, чтобы я одну выбралъ изъ нихъ и купилъ. Хотя мнѣ и должно было купить ее за свои деньги, но все это была великая милость, что я могъ доставить себѣ покойную коляску, вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ кибиткѣ, какъ обыкновенно въ ссылку отправляли. Вообще долженъ я сказать, что и впередъ оказываны мнѣ были разныя уваженія, которыя однакожъ не

могу приписать чувствительному сердцу Гна Щ — на, но они конечно свыше были предписаны; ибо провожатый мой вѣрно бы ни на волосъ не отступилъ отъ буквы своей инструкціи.

Предполагая Петербургъ цѣлію поѣздки моей, купилъ я легкую коляску хорошей работы, которая хотя была на ресорахъ и очень покойна для недальней дороги, но въ прочемъ ни какихъ удобностей не имѣла. Однакожъ мнѣ должно было заплатить за нее 500 рублей.

Жена моя также утѣшалась тѣмъ нѣсколько, что меня не какъ преступника потащутъ. Она спросила Щ — на: могу ль я къ ней писать съ дороги. — Какъ онъ, такъ и Секретарь, увѣряли оба, что въ томъ никакого препятствія не будетъ.

Въ вечеру, около семи часовъ, все было готово въ отъѣзду. — Рука моя дрожитъ — сердце бьется — слезы выступаютъ на глаза. И теперь

еще не могу я безъ жестокой горести вспомнить о той ужасной минутѣ. Да отпустятъ инѣ описаніе ея! У меня не было слезъ, такъ же какъ и у жены моей; сердца наши какъ будто судорогами были стянуты; только моя Эмми и горничная плакали. Я попеременно прижималъ дѣтей своихъ къ груди моей и усердно благословлялъ ихъ. Жена моя безъ памяти упала на постель. Я наклонился къ ней и осыпалъ ее послѣдними моими поцѣлуями. По сіе время казался Секретарь хладнокровнымъ зрителемъ; и я не одинъ разъ чуть было не изъявилъ моей досады о пустыхъ его утѣшеніяхъ: что должно покориться тому; горесть тутъ ни чего не поможетъ и проч. Но теперь и онъ не слезами залился, а зарыдалъ. О естьлибъ Императоръ, чувствительный Императоръ былъ Самъ при этомъ: Онъ бы въ мигъ однимъ словомъ кончилъ все это бѣдствіе!

Бѣдная жена моя не въ силахъ была отвѣчать на мои ласки; она тихо рыдала закрывъ глаза свои. Я поцѣловалъ еще — ахъ! можетъ быть въ послѣдніе! блѣдныя ея губы и бросился изъ дверей. Люди мои пособили мнѣ сѣсть въ коляску и растроганные простились со мною. Я не слыхалъ и не видалъ ничего болѣе. Много любопытныхъ собралось въ сѣняхъ; Секретарь разогналъ ихъ. Коляску ввезли на дворъ, дабы не надѣлать на улицѣ сборища. Я повалился въ нее ... и мы поскакали! —

Тотъ, кто знаетъ человѣка, пойметъ меня, когда я признаюсь, что я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ груди, когда миновалась ужасная разлука съ моими домашними, когда коляска все скорѣе катилась далѣе и каждой мигъ болѣе удалялъ меня отъ нихъ. Я могъ опять обратить мысли свои на будущее: оно по сіе время еще ни-

чего страшнаго мнѣ не представляло. Слѣдствіе въ Петербургѣ, разсмотрѣніе невинныхъ бумагъ моихъ, безпорочной моей жизни предъ лицемъ правосуднаго Государя, неосуждающаго безъ выслушанія; вотъ что ожидало меня? вотъ что только могло случиться со мною. -- Можетъ быть кой-какія непріятности и недовольное знаніе Рускаго языка могли бы иногда привести меня въ затрудненіе. Но мнѣ дадутъ, думалъ я, переводчика. Можетъ статься, что я на нѣсколько недѣль не буду имѣть привычнаго покоя; ну, это еще не большая бѣда. -- Припадки закоснѣлой болѣзни, двенатцать лѣтъ меня мучащей, могутъ сдѣлаться жесточѣе; но и въ Петербургѣ есть хорошіе врачи. По какимъ же причинамъ могъ я почитать себя нещастнымъ? Конечно было это непріятной, но по всей вѣроятности только скоропреходящій случай. Я ѣхалъ въ

Петербургъ въ покойной коляскѣ; тамъ надѣялся увидѣть двоихъ сыновей, друзей моихъ: а это и безъ того было предметомъ моего путешествія. Конечно оно стало мнѣ теперь не много дороже, нежели я думалъ; но я никогда не прилѣплялся къ деньгамъ. --- Такъ всѣ эти разсужденія мало по малу совершенно возвратили мое спокойствіе. Человѣколюбивый Губернаторъ Курляндской обѣщалъ мнѣ въ недолговременное отсутствіе мое имѣть попеченіе о моемъ семействѣ, и сердце его было мнѣ порукою въ его словѣ.*)

Отъ Митавы до Риги только семь небольшихъ Нѣмецкихъ миль. Темно уже было, какъ мы пріѣхали къ берегамъ Двины, на которой лежитъ прекрасной, гостепріимной этотъ городъ. По причинѣ полой воды, судовой мостъ не былъ еще опять наведенъ и нѣсколько часовъ

(*) Послѣдствіе покажетъ, что я въ этомъ ошибся.

прошло, пока насъ перевезли. Въ полночь пріѣхали мы къ городскимъ воротамъ, гдѣ курьеръ сошелъ и долго пробылъ въ караульнѣ, о чемъ я ни мало не безпокоился. Отъ воротъ поѣхали мы, минуя настоящій городъ, узкими кривыми улицами къ почтовому двору, гдѣ намъ тотчасъ дали свѣжихъ курьерскихъ лошадей. Подорожная наша была на три лошади за указные прогоны. По большой части припрягали намъ еще одну безъ прогоновъ; но гдѣ Почтмейстеры не давали лишней лошади и настояли на почтовомъ установленіи, тамъ долженъ я былъ платить за четвертую изъ моего кармана.

Мы оставили Ригу около часа или двухъ въ самую холодноватую ночь. Истощенная природа потребовала права своего; меня очень сонъ клонилъ, я опустилъ стекло, прижался въ уголъ и заснулъ. Хотя на первой станціи я проснулся и видѣлъ,

что уже разсвѣло, болѣе ни о чемъ не заботился и старался опять сомкнуть глаза.

Но какая кисть изобразитъ мое удивленіе, ужасъ мой, когда я часъ спустя ободрился и примѣтилъ, что мы совсѣмъ не по извѣстной мнѣ Петербургской столбовой, но по другой большой, мнѣ совсѣмъ незнакомой дорогѣ, все по Двинѣ ѣдемъ! на силу я удержался, что не вскрикнулъ громко. Но особое внушеніе побудило меня молчать и притвориться. Не могу описать того, что во мнѣ происходило. — „Куда меня везутъ? — Что намѣрены дѣлать со мною? Гдѣ хотятъ разсматривать мои бумаги? и кому это поручено? "— Эти вопросы беспрестанно толпились въ головѣ моей.

Пріѣхавъ на станцію, потребовалъ я кофе, чтобъ только выиграть время. Кофе тотчасъ заказали; а я между тѣмъ въ ужасномъ смятеніи духа ходилъ взадъ и впередъ по ком

нать. Щ — нъ разговаривалъ на дворѣ у коляски съ почтмейстеромъ. Курьеръ стоялъ у окна, примѣчалъ его, и вдругъ тайкомъ сказалъ мнѣ: „Федоръ Карловичь, мы не въ Петербургъ ѣдемъ, а далѣе.„ Едва стало у меня духу спросить: куда же?— „Въ Тобольскъ— На силу устоялъ я на ногахъ. Ни одной жилы не было въ тѣлѣ моемъ, которая не была бы потрясена. — „ Умѣете ли вы читать по Руски? продолжалъ онъ, присматривая все за Щ — нымъ. — Умѣю. — „Ну, такъ прочитайте подорожную — Я читалъ: „ По указу Его Императорскаго Величества и проч. Отъ Митавы до Тобольска, Гну Надворному Совѣтнику Щ — ну съ будущимъ при Сенатскомъ курьерѣ, по казенному дѣлу.“ и проч.

Я самъ не могу себѣ вообразить теперь тогдашнихъ чувствованій моихъ; я былъ *истребленъ*. — „ Мнѣ очень хотѣлось, говорилъ курьеръ,

сказать вамъ это еще въ Митавѣ, но за нами слишкомъ примѣчали. Мнѣ васъ тотчасъ жаль стало, какъ я увидѣлъ вашу фамилію; у меня тоже есть жена и дѣти." — Я поблагодарилъ его половинными словами. Онъ просилъ меня, не давать замѣтить Щ — ну, что онъ мнѣ открылъ, куда меня везутъ, потому, что онъ де суровой, дурной человѣкъ. — Я успокоилъ его.

Щ — нъ опять вошелъ. Къ щастію онъ также мало зналъ лица человѣческія, какъ кукушкины яйца, а то бы непремѣнно замѣтилъ смертную блѣдность лица моего и судорожное содроганіе всего моего тѣла. Онъ выпилъ рюмку водки и ничего не замѣтилъ. — Кофе подали. Натурально, что мнѣ невозможно было выпить ни капли. Я сказалъ, что не здоровъ — ахъ! я болѣе нежели не здоровъ былъ! — Я заплатилъ за кофе, а Щ — нъ его выпилъ.

Мы поѣхали далѣе. Отъ тряски коляски я опять не много опомнился, и тогда пробудилась во мнѣ *первая мысль о побѣгѣ*. — Въ Сибирь везутъ тебя безъ слѣдствія, безъ допроса, даже не говоря тебѣ, за что? — И такъ не бумаги мои виною моего ареста; а то бы ихъ разсмотрѣли прежде осужденія меня къ ужаснѣйшему наказанію. Долженъ быть другой важной доносъ на меня, которой какой нибудь клеветникъ представилъ Императору какъ совершенно уже доказаннымъ. Въ Сибири я буду за живо погребенъ; изъ Сибири не проникнетъ голосъ мой до береговъ Бальтійскаго моря: оттуда не могу я оправдать себя; а естьлибъ и смѣлъ, то не знаю, въ чемъ. — Такъ не чего болѣе остается мнѣ, какъ *бѣгство*." — Эта мысль утвердилась у меня и мало по малу стало намѣреніемъ.

Передъ ближайшею станціею Ко-

кенгузенъ, лежатъ на холмѣ при Двинѣ живописныя развалины стараго замка. Онѣ и теперь еще весьма пространны, а прежде были, естьли не ошибаюсь, укрѣпленною резиденціею Ливонскаго Князя, которой тутъ долго защищался отъ Христіанской разбойничей сволочи, и на послѣдокъ тамъ съ подданными своими крестился. Взглядъ на эти развалины возбудилъ во мнѣ первую темную мысль, скрыться подъ старыми сводами и лучше тамъ умереть съ голоду, нежели ѣхать въ Сибирь. Къ этой мысли присоединилось еще темное воспоминаніе, что теперешняя дача Кокенгузенъ принадлежитъ Барону Левенштерну, съ которымъ я за три года познакомился въ Лейпцигѣ, какъ съ благороднымъ самымъ человѣкомъ, каковымъ еще до того почиталъ его по слуху. Въ крайней нуждѣ, думалъ я, можешь ты *ему* открыться; онъ не выдастъ тебя.

Теперь остановились мы у почтоваго двора. Я всматривался въ лица Почтмейстера и всей его семьи; по физіономіи ихъ судя были это вѣроятно добрые и сострадательные люди. Пока запрягали лошадей, то я пользовался каждою минутою, когда Щ — нъ отходилъ и по Нѣмецки обо всемъ освѣдомлялся: — Чье это помѣстье?

„Барона Левенштерна?

Гдѣ же господской домъ?

„Тамъ." — Мнѣ указали его не очень далеко.

Тутъ ли онъ теперь?

„Нѣтъ; онъ у своего тестя, четырнатцать верстъ отсюда, въ Штокмансгофѣ. „

Тамъ ли и фамилія его? (я зналъ супругу его, какъ преотмѣнную женщину, а дѣтей его, какъ достойныхъ своихъ родителей.)

„Тамъ. „

На большой ли дорогѣ Штокмансговъ?

„Да; вы мимо поѣдете.„

Далеко ли Дерптъ отсюда?

„Миль съ шестнатцать. „ —

Болѣе не могъ я разспросить; лошади были впряжены и мы поѣхали. Отъѣхавъ верстъ шесть, встрѣтился случ й, очень мнѣ пріятной. Одна лошадь у насъ зартачилась и не шла съ мѣста. Ямщикъ, Ливонецъ, напрасно всячески старался, чтобъ она тронулась. Курьеръ бранился, а Щ — нъ ругался; оба самыми скверными словами честили Ливонцовъ. Напослѣдокъ курьеръ, сидѣвшій на ресорныхъ козлахъ прямо противъ ямщика, кулакомъ началъ немилосердно оплеушить его и тузить въ голову. Невиноватый ямщикъ соскочилъ и говорилъ: что онъ не поѣдетъ далѣе, когда съ нимъ такъ поступаютъ. Отъ того взбѣсился Щ — нъ. Онъ вышелъ изъ коляски, сломилъ

претолстую вѣтвь отъ ближняго дерева, схватилъ ямщика за грудь, свалилъ его на-земь и безъ пощады билъ его. Послѣ такого благороднаго дѣла, строго запрещеннаго законами, приказалъ онъ ему садиться и ѣхать. Но ямщикъ воспользовался минутою, какъ курьеръ сажалъ Щ — на въ коляску, и вдругъ побѣжалъ черезъ поле къ ближнему кустарнику. Курьеръ хотя старался догнать его; но тотъ былъ проворнѣе на ногахъ и такъ мы къ моему удовольствію стали посереди дороги съ норовистою лошадью безъ ямщика.

Что дѣлать? Должно было воротиться и какъ нибудь доѣхать назадъ въ Кокенгузенъ. Курьеръ взялся править; но онъ совсѣмъ не умѣлъ ѣхать: все шло криво, косо и медленно, при чемъ несчетныя ругательства доставались бѣдному Ливонскому народу. Когда говорю *ругательства*, то разумѣю только одно часто

повторяемое; ибо у Рускихъ по настоящему *одно* только ругательное слово, которое однако такъ сильно, что стоитъ сотни Нѣмецкихъ.

Возратясь въ Кокенгузенъ, Щ — нъ сталъ жестоко жаловаться на убѣжавшаго ямщика, но притомъ остерегался упоминать при томъ о побояхъ и собственномъ своемъ убѣжавшемъ разсудкѣ. Почтмейстеръ легко дополнилъ этотъ недостатокъ. „Онъ у меня изъ лучшихъ людей, сказалъ онъ, и вы конечно очень дурно съ нимъ поступали. „ Въ этомъ заперлись. Почтмейстеръ взглянулъ на меня и я непримѣтно кивнулъ головой.

Извѣстно, что простова человѣка ничто не можетъ болѣе разгорячить, какъ когда онъ чувствуетъ, что неправъ. Это самое было и съ Щ — нымъ: онъ бранился и грозилъ, Какъ почтмейстеру по законамъ нечего было дѣлать, какъ отрапортовать начальству въ Ригѣ, а между тѣмъ безъ задержанія отправить

курьера; то впрягли другую лошадь и послали за другимъ ямщикомъ. Однакожъ это по желанію моему, не много промедлилось.

Я не выходилъ изъ коляски. Въ минуту, какъ Щ — нъ пошелъ въ домъ, подступилъ почтмейстерской братъ къ коляскѣ и сказалъ мнѣ съ видомъ сомнительнымъ: „Ваше имя не означено въ подорожной.„ — Я на это не могъ ничего отвѣчать. Естьлибъ я зналъ тогда, что послѣ свѣдалъ, что новѣйшимъ закономъ строжайше повелѣно было каждаго ѣдущаго въ подорожной *именно* прописывать, а не глухо *будущимъ* означать, и что того не сдѣлано, а потому почтмейстеръ имѣлъ право, да и обязанъ былъ, не давать лошадей: то бы тотчасъ выскочилъ изъ коляски, и побудилъ бы его поступить по тому праву. Что бы сдѣлалъ Щ — нъ безъ лошадей? Ему бы должно было допустить, чтобъ напередъ отнеслись о

томъ въ Ригу; Губернаторъ Рижской, ничего того не вѣдавшій, освѣдомился бы опять у Митавскаго Губернатора. Тутъ бы выиграно было время, а *выигрышъ времени*, по старой пословицѣ, *есть великой выигрышъ*. Но я молчалъ по невѣдѣнію закона, и такъ мы послѣ обѣда безъ препятствія поѣхали далѣе.

Дорогою примѣчалъ я какъ можно лучше всю страну, особливо положеніе прекрасно выстроенной дачи Штокмансгофъ, мимо которой мы очень близко проѣхали. Въ правѣ у насъ все еще была Двина, а въ лѣвѣ почти непрерывно лѣсистые холмы. Часовъ въ шесть прибыли мы на первую станцію, лежащую уже на границѣ Лифляндской Губерніи, и гдѣ, естьли не ошибаюсь, начинается Витебская.

„Теперь или никогда!" думалъ я про себя. Когда уже выѣдешь изъ Лифляндіи, то не найдешь ни зна-

комаго, ни пріятеля, ниже человѣка, которой бы разумѣлъ языкъ твой. Теперь время къ побѣгу, или никогда!" — Для того сказалъ я, хотя еще довольно рано было, что сего дня далѣе не поѣду, потому, что мнѣ нуженъ покой. Мое желаніе показалось Щ — ну очень не любо; но онъ безъ прекословія согласился на оное: новое доказательство, что предписанія ему данныя были снисходительнѣе его сердца.

Надобно было сдѣлать приготовленія къ ночеванью, а напередъ къ ужину. Но почтовой дворъ былъ такъ несказанно скверенъ, и комната такъ гадка отъ множества куръ и свиней, что я настоялъ, чтобъ ѣхать въ каменную корчму, замѣченную мою въ недальнемъ разстояніи, которая по видимому обѣщала болѣе удобностей. Настоящая же причина моя была та, что я тамъ надѣялся легче уйти; ибо я однимъ взглядомъ

усмотрѣлъ, что почтовой дворъ совсѣмъ негодился къ сему намѣренію.

По неоднократному, усильному требованію моему пошли мы въ корчму едва на нѣсколько сотъ шаговъ отдаленную, которая находилась еще на Лифляндской землѣ, принадлежала къ Штокмансгофу и была на откупу Еврея. Она передомъ стояла къ проѣзжей дорогѣ, идущей между ею и Двиною. Въ немногихъ шагахъ отъ корчмы начинались лѣсистые холмы, на которые я болѣе надѣялся.

Курьеръ теперь очень усердно дѣлалъ приготовленія къ ужину. Онъ хвалилъ поваренное свое искусство, закололъ курицу, и обѣщалъ мнѣ отмѣнный супъ. Я притворился, какъ будто радуюсь сему ожиданію и между тѣмъ вмѣстѣ съ Щ—нымъ прохаживался взадъ и впередъ передъ корчмою, какъ будто смотря на берегъ Двины и лежащіе тамъ плоты, а въ самомъ дѣлѣ желая лучше заприметь.

шить тамошнія мѣста. Кой-когда входилъ я опять въ корчму; и бывъ на минуту одинъ, пытался, можно ли отворить безъ труда и тихонько окно. Къ радости моей было оно привязано только ленточкой къ гвоздю и отворялось безъ всякаго шуму.—Щ - нъ передъ тѣмъ разбиралъ свои бумаги и оставилъ на столѣ съ полдести бѣлой бумаги; изъ нее вялъ я въ торопяхъ листъ и тотчасъ сунулъ его въ карманъ, не зная подлинно, за чемъ и на что я это дѣлаю.

Часовъ въ девять курьеръ подалъ невкусную свою куриную похлѣбку, вынулъ также большую Италіанскую колбасу, купленную мною еще въ Кенигсбергѣ и бутылку ликеру, привезенную мною изъ Гданска; и ту и другую горничная безъ моего вѣдома въ запасъ положила въ коляску. Я принудилъ себя проглотить нѣсколько ложекъ похлѣбки и притворялся даже весе-

лымъ. Въ этомъ удалось мнѣ лучше, нежели съ ѣдою: душа послушнѣе была тѣла; я при всемъ подчиваніи никакъ не могъ проглотить болѣе немногихъ ложекъ и извинился усталостію.

Тотчасъ стали готовить все для спанья. Въ комнатѣ была только одна кровать, которую преимущественно мнѣ хотѣли предоставить. Но какъ она стояла въ дальнемъ углу, то сказалъ я, что она для меня очень не чиста, и боюсь гадины; а для того просилъ сдѣлать мнѣ постѣль у самаго окна на стулъяхъ. Тотчасъ согласны были на то. Принесли стульевъ, наклали на нихъ сѣна, послали сверхъ того мой шлафрокъ и положили шинель мою вмѣсто одѣяла. Я хотѣлъ лечь совсѣмъ не раздѣвшись, но долженъ былъ по крайней мѣрѣ позволить курьеру стянуть сапоги мои. По щастію поставилъ онъ ихъ близко ко мнѣ.

Тогда бросился я на жесткую свою постель и притворился, будто отъ усталости тотчасъ заснулъ. Можно себѣ представить, сколь далеко былъ сонъ отъ меня.

Провожатые мои еще по тѣхъ поръ не ложились, пока оставалось что ѣсть и пить; а тамъ и они пошли спать. Щ — нъ легъ на шагъ отъ меня на лавкѣ; между нами стоялъ столъ, а надъ столомъ было извѣданное мною окно. Курьеръ спалъ на дворѣ, въ коляскѣ стоявшей подъ самымъ окномъ.

Скоро удостовѣрился я, что Щ — нъ спитъ. Теперь было часовъ одиннатцать. Тогда былъ полный мѣсяцъ, но небо было облачно. Минута была благопріятна, и я готовился приступить къ выполненію моего намѣренія, какъ вдругъ совсѣмъ непредвидѣнное препятствіе помѣшало мнѣ. Именно къ нещастію моему была тогда ночь съ пятницы

на субботу. Суббота какъ извѣстно есть у Евреевъ шабашный день, и хозяину конечно для приготовленій къ сему дню, такъ часто и такъ много было дѣла въ смежной каморкѣ, такъ часто съ женою и дѣтьми со свѣчьми бѣгали черезъ нашу горницу, а въ другой возлѣ насъ такъ много бормотали и пѣли, что Щ — нъ отъ того поминутно просыпался. Я самъ притворился, будто и мнѣ также спать мѣшаютъ и вмѣстѣ съ нимъ сильно ругался. Между тѣмъ, конечно къ моей бѣдѣ, продолжался шумъ до двухъ часовъ, а тогда наконецъ въ домѣ все успокоилось.

Теперь я по не многу приподнялся на колѣни, распуталъ ленточку у окна и благополучно открылъ его. Открывъ его, услышалъ я, что курьеръ въ коляскѣ храпѣлъ. Я щупалъ въ потьмахъ около себя, искалъ сапогъ моихъ и шляпы, и нашелъ ихъ. Шляпу я надѣлъ, сапоги взялъ въ

лѣвую руку, а шинель накинулъ на руку. Потомъ сталъ какъ можно тише на столъ, удерживая духъ свой и пріостанавливаясь, когда казалось мнѣ, что Щ — нъ шевелится. Тамъ высунулъ я правую ногу изъ окна и искалъ найти, гдѣ опереться ею на бревна; но тщетно. До земли я еще меньше того могъ скоро достать; ибо окно было почти въ вышину человѣка отъ земли. Высунуть другую ногу, не держась за что нибудь обѣими руками, также было не возможно; но у меня только одна рука была свободна, когда въ лѣвой держалъ я необходимо нужные сапоги. По тому мнѣ должно было рѣшиться бросить въ низъ шинель и сапоги, не смотря на опасность, что естьли Щ — нъ проснется прежде нежели я самъ выскочу, то намѣреніе мое по выброшеннымъ вещамъ явно откроется. — Однакожъ нечего было мѣшкать. Я полегоньку спустилъ

шинель; сапоги тихохонько скатились на нее. Теперь свободны были у меня обѣ руки; я выскочилъ, одною ногою сталъ на колесо, а другою благополучно на-земь. Курьеръ все храпѣлъ; по тому я не оставилъ опять тихонько прислонить окно, дабы сквозной вѣтеръ не разбудилъ Щ — на, схватилъ тотчасъ шинель и сапоги, забѣжалъ за корчму и былъ на свободѣ.

Немедленно надѣлъ я сапоги, закутался въ шинель, отбѣжалъ далѣе отъ корчмы по мокрому лугу и скоро опять очутился на проѣзжей дорогѣ. Намѣреніе мое было, итти назадъ въ Кокенгузенъ и склонить почтмейстера, чтобъ онъ скрылъ меня. Надежда моя на этова человѣка и его семейство, основывалась отчасти на человѣколюбивой его физіономіи, отчасти на досадѣ, причиненной ему вчера Щ — нымъ, которая вѣроятно расположила его благо-

склонно ко мнѣ; а наконецъ большею частію на знатной суммѣ денегъ, которую хотѣлъ дать ему. Естьлибъ въ домѣ его не было скрытнаго мѣста, то я намѣренъ былъ оставаться въ развалинахъ стараго Кокенгузенскаго замка, когдабъ онъ только доставлялъ мнѣ пищу туда. По томъ хотѣлъ я черезъ него увѣдомить Барона Левенштерна о пребываніи моемъ; а Баронъ бы сообщилъ о томъ подъ рукою женѣ, а она нѣкоторымъ извѣданнымъ друзьямъ; словомъ я сдѣлалъ такой планъ, коего выполненіе отнюдъ не казалось несбыточнымъ, но большее его объясненіе я здѣсь по важнымъ причинамъ долженъ оставить.*)

Конечно надѣялся я, что еще въ туже ночь дойду до Кокенгузена, какъ необходимо нужно было, чтобъ

(*) Какъ причины сіи теперь не важны, то я ниже объясню мой планъ.

Щ — нъ не предупредилъ меня; но Еврей набожностію своею испортилъ расположеніе мое. Теперь было почти три часа и еще ночь, слабо освѣщаемая закрываемымъ облаками мѣсяцомъ; но мнѣ по крайней мѣрѣ надобно было четыре или пять часовъ, чтобъ перейти три Нѣмецкія мили, и должно было ожидать, что Щ — нъ рано встанетъ, хватится меня, погонится за мною и настижетъ. Но положимъ, что онъ и долѣе проспитъ и не такъ скоро узнаетъ о моемъ побѣгѣ; то все не могъ я отважиться середи дня показаться въ Кокенгузенъ. Не можетъ ли какой крестьянинъ замѣтить тогда меня, и даже увидѣть, какъ я войду къ почтмейстеру или къ развалинамъ взбираться стану! а Щ — ну непремѣнно надобно будетъ развѣдывать, да и за всякое показаніе обѣщать изрядное награжденіе. Слѣдовательно все зависѣло отъ того, чтобъ ни кто не видалъ меня, кромѣ того кому

должно видѣть; для того перемѣнилъ я планъ свой въ томъ, что рѣшился, пока еще темнота благопріятствовала мнѣ, итти безостановочно, а какъ скоро настанетъ измѣняющій день, скрыться на лѣсистыхъ холмахъ, и не прежде слѣдующей ночи продолжать путь свой.

Съ такимъ намѣреніемъ шелъ я далѣе; но уклонялся съ проѣзжей дороги, когда только позволялъ то прилежащій къ ней лугъ и придерживался оной въ недальнемъ разстояніи. Я не далеко еще отошелъ, какъ сквозь томный лунный сумракъ увидѣлъ домъ, которой я вчера призналъ такъ называемымъ квартирнымъ домомъ. Въ Лифляндіи и Эстляндіи находятся много такихъ домовъ по разнымъ мѣстамъ, въ которыхъ живутъ Офицеры, когда полки стоятъ въ той странѣ, и домы сіи запираются и бываютъ пусты, когда полки выступаютъ. Проѣзжая на канунѣ ввечеру

мимо этого дома, я его очень заприметилъ и усмотрѣлъ при томъ, что какъ дверь, такъ и всѣ оконничные ставни были затворены, и возлѣ того стоящая будка также была пуста; я заключилъ изъ того, что теперь ни кто тутъ не живетъ. Въ такомъ удостовѣреніи и какъ онъ только на нѣсколько сотъ шаговъ былъ отъ проѣзжей дороги, хотѣлъ я пройти у самаго дома; но какъ испугался я, какъ вдругъ громовой голосъ изъ будки закричалъ мнѣ: *кто идетъ?* — Я тотчасъ спохватился и отвѣчалъ по обыкновенію: *здѣшній.*

„Что жъ ты тутъ за дорогу нашелъ? куда ты идешь?“ —

Я иду въ Шпокмансгофъ.

„Да вонъ тамъ дорога!“

Я въ темнотѣ сбился съ нее. —) Тутъ хотѣлъ я поспѣшно удалиться.) — „Стой! кто ты таковъ?“ закричалъ часовой гораздо громче.

Тише, братъ! я учитель въ Штокмансгофѣ и ходилъ ночью къ хорошенькой Жидовской дѣвкѣ. Не сказывай никому, что ты меня видѣлъ. — При томъ сунулъ я ему денегъ въ руку и тотчасъ пошелъ на дорогу. Я слышалъ, что часовой въ слѣдъ мнѣ что-то бормоталъ, но пустилъ меня, усмирясь выдумкою моею или деньгами. — Это неважное приключеніе такъ меня напугало, что я рѣшился теперь лучше итти по большой дорогѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ не странно казалось встрѣтить пѣшеходца, и по которой я сверхъ того, какъ она была ровна, могъ гораздо скорѣе итти.

Едва отошелъ я опять нѣсколько верстъ, какъ очень далеко за собою услышалъ обыкновенную по селамъ тревогу. Во всей Россіи по деревнямъ и въ отдаленныхъ городскихъ частяхъ, вѣшаютъ толстую доску промежду двухъ шестовъ и

когда надобно сбирать слугъ къ ѣдѣ, или бить часы, или вдругъ какую тревогу сдѣлать, то колотятъ по ней большимъ деревяннымъ биломъ изо всей силы и очень часто; такое колоченье очень далеко слышно. Оно потрясло теперь всѣ члены мои.“ Это не можетъ быть для сбору людей на какомъ нибудь близкомъ барскомъ дворѣ, думалъ я про себя; ибо завтракать еще слишкомъ рано. Также и не часы это бьютъ, по тому, что тогда послѣ частыхъ ударовъ, колотятъ гораздо рѣже; а теперь не перестаютъ барабанить по доскѣ. По всему видно, что Щ—нъ хватился меня, и дѣлаетъ эту тревогу, или прибывъ уже къ квартерному дому, тамъ узналъ, что я прошелъ мимо, и бросясь тотчасъ за мною въ погоню велѣлъ часовому прибаранить всѣхъ крестьянъ.

Я никогда не свѣдалъ, справедливо ли было мое чаяніе, по тому что

по легкоугадываемымъ причинамъ по томъ ни когда не могъ говорить объ этомъ приключенiи. Довольно, что это колоченье мнѣ показалось очень подозрительно и я въ мигъ своротилъ съ большой дороги и пошелъ въ самой густой кустарникъ. Я уже не держался долѣе паралельно съ нею, а старался сколько можно далѣе отъ нее отойти.

Съ начала попадалъ я по временамъ на малыя площади, или и большiе покосы, черезъ которые опрометью пробѣгалъ, ища крова подъ деревами. Мало по малу кустарникъ становился чаще. Мнѣ оставалось около тысячи шаговъ до лѣсистаго холма, до котораго мнѣ хотѣлось добраться; я пошелъ прямо къ нему, не смотря на то, что земля подо мною все влажнѣе становилась; но вдругъ очутился я середи болота и на каждомъ шагу по колѣни увязалъ въ тинѣ. Черезъ полчаса, въ которой я очень

утрудился, такъ обезсилѣлъ, что принужденъ былъ въ самой тинѣ отдохнуть. Между тѣмъ насталъ день, но не принесъ мнѣ ни какого утѣшенія, какъ густые кусты и множество около лежащихъ сосенъ съ торчащими ихъ сухими вѣтвями не допускали мнѣ видѣть впередъ и на десять шаговъ. Однакожъ я рѣшился, скорѣе погибнуть въ этомъ болотѣ, нежели искать дороги назадъ.

Отдохнувъ не много, я съ нова изо всѣхъ силъ сталъ пробираться далѣе, и черезъ цѣлой мучительной часъ наконецъ дошелъ до подошвы холма. Я вскарабкался на него, но онъ показался мнѣ еще очень рѣдокъ и потому я съ холма на холмъ таскался далѣе. Мнѣ все казалось, будто въ дали въ лѣвѣ слышу плескъ Двины и этотъ шумъ поставилъ я себѣ въ примѣту, чтобы не слишкомъ отдалиться отъ большой доро-

ги. Часто находилъ я не большія крестьянами проложенныя въ лѣсу дорожки, идущія иногда къ малымъ, среди самаго лѣсу лежащимъ пашнямъ; тогда я тотчасъ сворачивалъ, и такъ часто и такъ разно, что я наконецъ, особливо какъ небо было облачно, совсѣмъ не зналъ, въ которую сторону мнѣ ввечеру повернуть. Только тотъ шумъ утѣшалъ меня въ этомъ страхѣ, и послѣ двадцати, то принятыхъ, то опять отвергнутыхъ выборовъ убѣжища, наконецъ усмотрѣлъ я густой, самой темной еловой кустарникъ, въ которомъ стояли двѣ изъ одного пня выростшія и между собою сплетшіяся березы. Эти березы возвратили мнѣ первое сладостное чувствованіе: я сталъ опять думать о доброй женѣ моей; думалъ, что подъ этими березами не можетъ случиться мнѣ бѣда и потому спокойно избралъ ихъ жилищемъ моимъ на нынѣшній день.

Теперь было часовъ шесть. Прежде десяти часовъ вечера я не могъ подумать оставить свое убѣжище; и такъ мнѣ довольно времени было размыслить о моемъ положеніи и о томъ, что для меня можетъ выгоднѣе быть. Напередъ очистился я отъ тины, какъ могъ. Хотѣлось бы мнѣ и обсушиться; но земля, гдѣ я стоялъ, была очень влажна и воздухъ того дня очень холоденъ. Также не могъ я ходить взадъ и впередъ потому, что дерева были очень часты; и такъ я закутался въ шинель, сѣлъ и прислонился спиною къ березамъ. Вокругъ меня составляли ели частой заборъ. Прошедъ сквозь оныя тритцать или сорокъ шаговъ, находился мокрой покосъ, не великъ въ ширину и ограничиваемый голымъ холмомъ. Сквозь вѣтьви мнѣ видно было, естьли кто бы проходилъ покосомъ или съ холма. Съ обѣихъ сторонъ у меня и за мною, такъ далеко,

какъ только глазами обнять можно, былъ все лѣсъ.

Тогда я разсуждалъ такъ: Штокмансгофъ долженъ находиться не далеко отсюда. Помѣщикъ этой дачи есть Камергеръ Бееръ, тесть Барона Левенштерна. Мнѣ хвалили его благороднымъ человѣкомъ; да и дочь его едва ли бы могла быть такая отмѣнная жена, естьлибъ не обязана была своимъ воспитаніемъ самымъ благородномыслящимъ родителямъ. И такъ я въ нужномъ случаѣ сего дня ввечеру могу отнестись и къ Камергеру и по его расположенію могу ожидать отъ него, естьли не помощи, то хотя пощады, а можетъ быть и хорошаго совѣта. Но — эту мысль оспоривали опять разныя причины. Не поѣдетъ ли Щ — нъ тотчасъ на эту дачу, и не потребуетъ ли какъ отъ помѣщика, такъ и отъ крестьянъ именемъ Государя, чтобъ искали меня, или когда я самъ со-

бою туда явлюсь, чтобъ взяли меня? — Могуль я дойти до Господина Беера, не продравшись на передъ сквозь толпу слугъ, которые всѣ меня увидятъ и потому уже господину своему невозможнымъ сдѣлаютъ принять меня подъ свою защиту? — При томъ Камергеръ такой человѣкъ, котораго собственное его сердце должно убѣдить, и я не смѣю надѣяться склонить его на свою сторону ожиданіемъ какого нибудь прибытка. — И такъ лучше остаться мнѣ при первомъ моемъ планѣ, добраться до Кокенгузенскаго почтоваго двора; ибо хотя и тамъ Щ — нъ сдѣлаетъ тревогу и упредитъ, то я однакожъ увѣренъ, что тамъ еще болѣе радоваться будутъ его заботѣ и мнѣ охотнѣе помогутъ, особливо, когда я сумму, которую онъ будетъ обѣщать за пойманіе меня, удвою, чтобъ напротивъ меня не брали. — Между тѣмъ имѣя теперь цѣлой день

времени, не худо будетъ, естьли я приготовлюсь на всѣ возможные случаи.

Послѣ сего мысленнаго совѣтованія вынулъ я изъ кармана листъ бумаги, которой въ прошедшій вечеръ взялъ съ собою, разодралъ его на разныя части, и карандашемъ на колѣнѣ, мокрыми, почти окостѣнѣлыми пальцами написалъ письмо къ господину Беeру, другое къ женѣ моей и еще нѣсколько записочекъ, о содержаніи коихъ теперь еще не могу упомянуть. Въ этомъ дѣлѣ помѣшала мнѣ возстающая гроза, которая съ сильными ударами все ближе подходила и прямо надъ моею головою мимо шла. Хотя я очень зналъ, что во время грозы опасно останавливаться подъ высокими деревами, однакожъ я совсѣмъ не думалъ уйти изъ моего убѣжища; да и признаюсь еще, что не одинъ разъ отъ всего сердца желалъ, чтобъ благодѣтель-

ный ударъ громовой прекратилъ мою жизнь. Я безъ того всегда представлялъ себѣ такую смерть самою желательнѣйшею, а въ теперешнемъ положеніи моемъ она мнѣ вдвое люба была. — Желаніе мое не исполнилось. Гроза прошла мимо съ ужаснымъ градомъ, которой мало по малу сталъ проливнымъ дождемъ.

По тѣхъ поръ только ноги мои до колѣнъ были мокры; а теперь и прочія части тѣла промокли до кости, и сверхъ того земля такъ была мокра, что я не могъ долѣе сидѣть на ней. Однакожъ этотъ дождь доставилъ мнѣ крайнее услажденіе по тому, что пересохшій языкъ мой прильнулъ во рту. Я подставлялъ ротъ подъ каждую еловую иглу, гдѣ только висѣла капелька и жадно всасывалъ ее. Никогда не чувствовалъ я болѣе, какъ сильно начертано библейское изображеніе богача во адѣ, когда онъ только капли воды на

языкъ свой проситъ. — Обсосавъ всѣ капли вокругъ, отважился я на нѣсколько шаговъ далѣе и вездѣ слизывалъ дождь, гдѣ только могъ языкомъ достать. Но и это надобно было съ великою осторожностью дѣлать; ибо часто, когда манила меня капелька на вѣткѣ и я съ алчностію только неосторожно приближался, то упадала она, когда еще я не подставилъ рта, чтобъ она могла попасть. Такъ я съ начала много капель потерялъ; однакожъ скоро примѣтилъ, какъ мнѣ снаровляться, чтобъ отвратить такую неудачу, и послѣ у меня немного ихъ пропадало. Но къ нещастію скоро безъ зову явилось солнце ко мнѣ въ гости: оно показалось и отняло у меня скуднее мое питье. Около полудня ни одной уже капли не видать было, и слѣды ихъ на вѣтвяхъ засохли.

До селѣ ухо мое не слыхало ника-

кого отъ человѣка происходящаго движенія, кромѣ нѣсколько разъ скорой ѣзды по недальней дорогѣ, которую я почиталъ большею дорогою, и потому воображалъ, что Щ — нъ разъѣзжаетъ въ моей коляскѣ. Теперь (это было около полудни) вдругъ испугалъ меня звукъ, которой для меня страшнѣе грома былъ; я услышалъ лошадиный топотъ. Тогда задержалъ я духъ въ себѣ и прислушивался. По лугу вдоль и поперегъ скакалъ крестьянинъ, оглядывался вездѣ, взъѣхалъ на голой холмъ, съѣхалъ опять, и смотрѣлъ по всѣмъ кустамъ. Наконецъ проѣхалъ онъ и возлѣ самаго убѣжища моего; но закрывающія вѣтви составляли непроникаемый заборъ передо мною: онъ не замѣтилъ меня и поскакалъ далѣе. Какъ по прежнему моему удостовѣренію не было дороги черезъ этотъ покосъ, то крестьянинъ конечно былъ изъ тѣхъ, которыхъ разослали за мною въ погоню.

Съ полчаса послѣ того показался другой крестьянинъ въ телѣжкѣ на томъ же самомъ покосѣ, но проѣхалъ только поперегъ черезъ него и не оглядывался такъ, какъ прежній. Каждый разъ бросался я на-земь и только голову не много приподнималъ, дабы промежду пней видѣть всѣ движенія.

Послѣ полудня замѣтилъ я, что лѣсъ за мною не такъ далеко простирался, какъ я съ начала думалъ; потому что я часто слыхалъ проѣзжающихъ довольно близко и одинъ разъ голоса трехъ или четырехъ рѣзвящихся крестьянскихъ дѣвокъ. Какъ онѣ конечно не изъ числа ищущихъ меня были, то я удостовѣрился, что подлинно должна быть не далеко дорога черезъ лѣсъ.

Пять часовъ вечеру уже было, какъ я напугался несравно болѣе прежняго: именно я услышалъ съ начала въ дали, а тамъ все ближе, гончихъ собакъ, ищущихъ съ громкимъ лаемъ,

и между тѣмъ, какъ онѣ переставали, голосъ побуждающій ихъ. Я вспомнилъ Іосифа Пиньяту, котораго также послѣ побѣга его изъ Инквизиціонной тюрьмы травили гончими собаками. Конечно я зналъ, что въ Лифляндіи не травятъ людей собаками, что собаки не моего слѣда ищутъ: но заяцъ, или лисица, за которою онѣ гонятся, легко могла бы побѣжать черезъ самой тотъ кустарникъ, гдѣ я лежалъ; собаки могли бы меня найти, залаять на меня (каковой лай, какъ я, будучи самъ охотникъ, изъ опыту зналъ, совсѣмъ отличенъ отъ того, когда собаки ищутъ) и тогда натурально скачущіе за ними люди найдутъ меня. Одинъ разъ собаки подлинно не далѣе какъ на двѣсти шаговъ отъ меня были. Я сѣлъ на-земь, закутался въ шинель, и предался моей участи; но по щастію звѣрь повернулъ въ другую сторону: лай удалился и не слыхать уже было его

такъ близко. По сіе время не знаю, не для меня ли затѣяна была эта охота, но не безъ основанія думаю, что какъ объ эту пору еще не травятъ зайцовъ, а на противъ для молодыхъ всячески удерживаютъ собакъ, то вѣрно тогда на охоту выѣхали ради меня. Станется, что это и пастушьи собаки были, которыя въ Лифляндіи, особливо весною, много вреда причиняютъ дичи.

Кромѣ страху отъ подлинныхъ вещей я долженъ былъ преодолѣвать и разныя мечты воображенія моего Черный обгорѣвшій пень, въ вышину человѣка, торчавшій на покосѣ шагахъ въ двухъ стахъ отъ меня, почиталъ я разъ двадцать за человѣка; а какъ начало смеркаться, то воображеніе мое еще гораздо хуждшую шутку сыграло со мною. Мнѣ почудился шагахъ въ осмидесяти въ кустарникѣ дородной человѣкъ въ зеленой лѣтней шляпѣ на головѣ и будто ружьемъ прицѣлился на меня. Я

видѣлъ не только фигуру, платье; но различалъ явственно и черты лица, пріятныя, дружелюбныя. Почитавъ нѣсколько минутъ мечтаніе воображенія моего подлинностію, и думая, что тотъ человѣкъ принимаетъ меня за звѣря: я всталъ, скинулъ шинель, трогался съ мѣста на мѣсто, дабы его вывесть изъ заблужденія; пока я самъ наконецъ выведенъ былъ изъ своего собственнаго.

Вообще думаю я, что естьлибъ еще долѣе пробылъ въ лѣсу, то нѣкоторымъ образомъ сдѣлалось бы разстройство въ разсудкѣ моемъ, естьли не назвать это сумасшествіемъ. Голова у меня горѣла, въ ушахъ у меня шумѣло и въ глазахъ искры сверкали; при томъ руки и ноги были у меня какъ ледъ холодны, все мое тѣло мокрехонько, и пульсъ бился какъ въ судорогѣ. Я очень чувствовалъ, что не здоровъ, очень не здоровъ; и — сказать ли, что

подкрѣпляло меня при всѣхъ этихъ страданіяхъ тѣла и души? Мысль о женѣ, доброй, любезной женѣ моей — Когда только хотѣла потухнуть послѣдняя искра силъ моихъ, тогда всякой разъ вспыхивала она отъ имени жены, которое я тихонько между губами лепеталъ. Иногда бормоталъ я при томъ еще имя моей Эмми, и каждой разъ ободрялся унывающій духъ мой. Но конечно эти милыя имена были только талисманъ для души; а изтощенное тѣло жестоко требовало пищи. —

Теперь былъ вечеръ субботы. Въ среду послѣ обѣда, на послѣдней станціи передъ Митавой, я въ послѣдніе съѣлъ съ кофѣ хлѣба съ масломъ, а на другое утро въ Митавѣ только сухарь. Во весь четвертокъ и пятницу я кромѣ ложекъ двухъ плохой курьерской похлебки ничего не ѣлъ, да и севодня еще, выключая немногія дождевыя капли, со-

всѣмъ былъ тощъ. Я чувствовалъ, что непремѣнно долженъ въ скоромъ времени подкрѣпить себя пищею, чтобъ не свалиться тутъ или на дорогѣ безъ силъ. — Какая пустая вещь деньги! Со мною было рублей около семи сотъ, и я не могъ себѣ ни куска хлѣба купить! — Къ тому прибавить еще должно, что съ середы у меня и сна не было; ибо короткой безпокойной сонъ въ коляскѣ не укрѣпилъ меня. —

Когда темнѣе стало, то пролетѣлъ надо мною бекасъ. Скрипъ и свистъ его произвелъ во мнѣ крайне прискорбное чувство. Весною всегда самая лучшая моя забава была ходить за бекасами; въ Германіи ихъ не много бываетъ, и по тому я давно уже радовался тому, что прибывъ въ Лифляндію, съ нѣсколькими пріятелями буду провождать веселые весенніе вечера на сторожѣ. Къ сему воспоминанію такъ жестоко

разрушившейся надежды, съ быстротою молніи присоединились еще разныя другія и я со вздохомъ смотрѣлъ бекасу въ слѣдъ. Впрочемъ онъ напомнилъ мнѣ, что онъ ни когда ранѣе солнечнаго закату не перелетаетъ и потому пора мнѣ было выйти изъ моего убѣжища.

Я пошелъ въ ту сторону, гдѣ почиталъ прямѣе выйти на большую дорогу. Мнѣ должно было перейти лѣсную дорогу, и я только что ступилъ на нее, какъ вдругъ показался длинный рядъ порожжихъ крестьянскихъ телѣгъ, ѣдущихъ скорою рысью. Я только что успѣлъ отскочить въ рѣдкой кустарникъ едва ли на десять шаговъ отъ дороги, броситься на-земь и предоставить судьбѣ, замѣтятъ ли меня крестьяне. Они проѣхали мимо, а я продолжалъ путь свой въ предположенную сторону, но скоро узналъ, что я не только далѣе въ лѣсъ уходилъ, но что и

шумъ, который я доселѣ почиталъ за волненіе Двины, былъ только шорохъ древесныхъ вершинъ, слышный мнѣ теперь со всѣхъ сторонъ. — Что дѣлать? итти ли въ темнотѣ по болотистой, непроложенной дорогѣ? Навѣрное предполагать я могъ, что естьли еще разъ въ тинѣ увязну, какъ по утру, то недостанетъ моихъ силъ выбиться изъ нее. Тогда долженъ я умереть съ голоду, холоду и ослабленія, и тѣло мое будетъ кормомъ волковъ. И такъ старался воротиться назадъ на лѣсную дорогу, съ которой я свернулъ испугавшись крестьянскихъ телѣгъ. Но и это теперь не легко было, какъ уже очень темно стало, и не прежде какъ черезъ добрые горестные полчаса удалось мнѣ попасть на нее.

Я со спѣхомъ пошелъ по дорогѣ. Мнѣ казалось, какъ будто я по ней слишкомъ въ сторону сбиваюсь; и подлинно такъ было: ибо какъ я на-

конецъ послѣ многихъ извилинъ дошелъ до большой дороги и на первой верстѣ въ темнотѣ кой-какъ разобралъ число, то увидѣлъ, что я едва въ трехъ верстахъ отъ корчмы, гдѣ оставилъ моихъ провожатыхъ. Такъ мнѣ еще надобно было итти добрыхъ четыре часа съ половиною, чтобъ добраться до Кокенгузена. Безъ подкрѣпленія это совсѣмъ не возможно было. Двина, шумѣвшая теперь дѣйствительно у ногъ моихъ, призывала меня; я соскочилъ въ нее, почерпнулъ воды шляпою, и утолилъ палящую мою жажду съ нѣкоторою неосторожностію. Скоро почувствовалъ я ужасный рѣзъ въ животѣ и горло мое такъ болѣло и опухло, что я на силу могъ глотать. Но движеніемъ ходьбы надѣялся я однакожъ все это перемочь. Я шелъ; но по большой дорогѣ еще показывались люди и я не могъ продолжать безпрепятственно путь мой. То должно было мнѣ вдругъ сворачивать въ бли-

жній кустарникъ, чтобъ скрыться отъ встрѣчающихся; то обходить далеко кругомъ, чтобъ миновать корчму, въ которой слышалъ шумящихъ крестьянъ. Часто сторожкая собака, почуявъ меня, издали на меня лаяла и принуждала сворачивать гораздо въ сторону; ибо не только по лаю могли меня найти, но и у меня для обороны отъ лихой крестьянской собаки ничего не было кромѣ маленькихъ ножницъ, которыя нечаянно нашелъ въ карманѣ. Правда я уже въ лѣсу вздумалъ отломить себѣ толстую дубину; но силъ у меня на то не было. Я надѣялся было на случай итти по берегу Двины; но весь берегъ занятъ былъ большими плотами, на которыхъ горѣли огни и ходили люди. Въ такихъ обстоятельствахъ мнѣ должно было то прокрадываться по большой дорогѣ, то пользти кустарникомъ, то карабкаться по берегу; и такъ прибылъ я наконецъ съ трудомъ въ дачу

Штокмансгофъ. Она лежитъ на холмѣ, по которому простирается садъ съ террасами до большой дороги, куда выходятъ рѣшетчатыя садовыя ворота. Въ домѣ на холмѣ видѣлъ я еще кой-гдѣ огонь; но въ верхнемъ жильѣ онъ скоро погасъ совсѣмъ, а въ нижнемъ оставалось только нѣсколько освѣщенныхъ оконъ. —

Я попытался отворить защелку у воротъ; онѣ отворились. Теперь стоялъ я въ нерѣшимости. Я чувствовалъ что едва ли дойду до Кокенгузена: ибо я уже не не шелъ, а шатался только какъ хмѣльной; боль въ животѣ также не унялась, и опухоль въ горлѣ почти задушала меня. — Наконецъ я вошелъ въ садъ, гдѣ аллея между высокими кустами шла прямо къ дому. Я въ дали увидѣлъ бѣлую фигуру. Станется думалъ я, что это прогуливающаяся женщина. Для меня бы теперь всего лучше было встрѣтиться съ нею;

ибо въ женщинахъ обыкновенно состраданіе гораздо сильнѣе, и онѣ скорѣе помогаютъ, не взвѣшивая напередъ холодносердечно каждое *но*. Я пошелъ прямо на эту фигуру; — это былъ каменный Нептунъ въ бассейнѣ.

Тутъ я опять сталъ и размышлялъ. Снова представились мнѣ всѣ причины, которыя я по утру приводилъ себѣ противъ убѣжища въ этомъ домѣ. Я опять собрался съ силами, поспѣшно вышелъ изъ саду, и продолжалъ путь свой. Съ полверсты еще упорствовала душа моя противъ тѣла; но теперь вопіющая потребность его преодолѣла и я не могъ далѣе брести. Изнуренный голодомъ, изнеможеніемъ и болью, бросился я на песокъ и едва не предался отчаянію. Признаюсь что тогда въ первые представилась въ душѣ моей мысль о самоубійствѣ; и естьлибъ вмѣсто маленькихъ ножницъ,

былъ у меня кинжалъ, которой прежде обыкновенно у меня въ дорогѣ въ карманѣ бывалъ: то можетъ быть что я бы самовластно прекратилъ жизнь свою. Но этотъ кинжалъ я прощаясь съ женою отдалъ ей, думавъ тогда, что естьли въ Петербургѣ его у меня примѣтятъ, то — Богъ знаетъ, что подумаютъ. Того бы можетъ быть никакъ не повѣрили, что я имѣлъ его для обороны, когда часто на цѣлыя мили уходилъ впередъ отъ своей кареты и когда злыя собаки легко могли напасть на меня. И такъ одна дальновидная предосторожность побудила меня вручить кинжалъ женѣ моей; и теперь еще благословляю я эту предосторожность: " ибо мудрый, говоритъ Сенека, не долженъ *торопливо* оставлять свѣтъ, хотя бы разумъ и повелѣвалъ умереть; онъ не убѣгаетъ, а отступаетъ. ,,

Но — о Боже! — съ какими по ви-

димому не важными бездѣлицами сопряжена судьба наша! — Естьлибъ я по утру, въ ту минуту, какъ вылѣзалъ изъ окна, протянулъ только руку и взялъ лежавшій еще на столѣ хлѣбъ, то конечно онъ бы подкрѣпилъ меня къ выполненію перваго моего намѣренія. Теперь оставались мнѣ двѣ дороги: или на всякую опасность спастись на дачу Штокмансгофъ; или до слѣдующаго утра опять искать убѣжища въ лѣсу. Послѣднѣе совсѣмъ невозможно было; ибо откуда бы я на другой вечеръ безъ всякаго подкрѣпленія взялъ болѣе теперешняго силъ? и такъ оставалось мнѣ только первое отчаянное средство; и отдохнувъ не много, потащился я съ трудомъ назадъ къ садовымъ воротамъ.

Огонь еще сверкалъ въ нижнемъ этажѣ на лѣво. Я пошелъ черезъ садъ, и взошедъ на двѣ терасы былъ у другихъ воротъ, ведущихъ на дорогу

между домомъ и садомъ, которыя также только защелкою съ засовкою заложены были. Отворивъ ихъ тихонько, очутился я въ трехъ шагахъ отъ лѣстницы и сѣнныхъ дверей. Я взошелъ на лѣстницу, поворотилъ къ окну въ лѣво и посмотрѣлъ въ покой, откуда свѣтился огонь. Я увидѣлъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, конечно горничныхъ, которыя готовили свои постели. Разъ съ десять изгибалъ я пальцы свои, чтобъ постучать въ окно, и разъ десять опять отнималъ ихъ. Однакожъ наконецъ преодолѣло чувство совершенной безпомощности моей; я постучался: дѣло было уже сдѣлано. —

Одна изъ дѣвушекъ вышла со свѣчею, отворила сѣнныя двери и спрашивала, что мнѣ надобно? — Я охриплымъ голосомъ просилъ у нее куска хлѣба. — Она съ удивленіемъ на меня смотрѣла. Она была пригожая дѣвушка, съ доброжелательнымъ

лицомъ; но весь мой видъ и робость натурально внушали ей подозрѣніе. Она сказала: что уже поздно; господа почиваютъ, и всѣ мущины изъ слугъ спятъ уже, и потому она не можетъ мнѣ теперь достать хлѣба. — "Сжалься, моя милая!" отвѣчалъ я; я весь день пробылъ въ лѣсу, не ѣлъ и не пилъ ничего и никакъ не могу итти далѣе!

Боже мой! въ лѣсу? въ такую погоду? а за чемъ? — При этихъ словахъ она окинула меня съ головы до ногъ и потомъ съ робостію поотступила.

Я угадалъ ея мысли. "Не бойся ничего, сказалъ я; я не разбойникъ, не нищій. Вотъ, у меня довольно денегъ; (я вынулъ кошелекъ мой изъ кармана и показалъ ей золотую мою часовую цѣпочку.) — Но участь моя плачевна; мнѣ надобно поговорить съ твоимъ господиномъ."

Онъ почиваетъ.

„Здѣсь ли Баронъ Левенштернъ?„

Нѣтъ, онъ въ Кокенгузенѣ и завтра только пріѣдетъ.

"Но фамилія его?"

Почиваетъ вверху.

„Здѣсь ли и дѣвица Платеръ? — (Эта дѣвица Платеръ прелюбезная молодая дама, живущая у Левенштернской фамиліи и бывшая съ ними въ Лейпцигѣ.)

Здѣсь.

"Не льзя ли ее разбудить?"

Я не смѣю. — Какъ я ее убѣдительнѣйшимъ образомъ просилъ, то совѣтовала она мнѣ, покамѣстъ итти къ писарю и тамъ пробыть до утра. Но между этимъ разговоромъ я мало по мало пробрался въ комнату. Крайняя нужда заставила меня быть безчиннымъ, и я сказалъ: что съ мѣста не тронусь, и останусь,

на ночь на стоявшей тутъ софѣ. Всѣ три дѣвушки были въ крайнемъ недоумѣніи, ибо между тѣмъ и тѣ обѣ подошли и любопытно осматрили меня.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы еще кончилось это произшествіе, естьлибъ отъ произшедшаго отъ того шуму не проснулись Камергеръ съ своею супругою, спавшіе возлѣ той комнаты на право. Госпожа Беерь позвала дѣвушку. Я тотчасъ хватился въ карманъ, отдалъ ей писанное въ лѣсу письмо и просилъ ее вручить его своему барину. Она пошла, а я въ сомнительномъ ожиданіи бросился на софу.

Черезъ нѣкоторое время дѣвушка пришла назадъ и сказала: чтобъ я не много подождалъ; она скоро достанетъ мнѣ кушанья и баринъ ея тотчасъ самъ будетъ. Она ушла, а я остался опять одинъ на нѣсколько

минутъ: минутъ такихъ, которыя не должно считать по обыкновенному времятеченію.

Наконецъ вышелъ Камергеръ, человѣколюбивый и въ лѣтахъ господинъ, но крайнее затрудненіе примѣтно было на лице его. Я теперь не помню, что насказалъ ему тогда; это были только открывистые слова, а письмо мое увѣдомило его уже обо всемъ. Онъ просилъ меня, быть спокойнымъ, и напередъ укрѣпить себя пищею и питьемъ; а послѣ мы посовѣтуемъ, сказалъ онъ, что можно сдѣлать. Вскорѣ пришла и супруга его. Въ ея лицѣ при первомъ взглядѣ узналъ я черты доброй ея дочери, и это снова меня ободрило. Я въ короткихъ словахъ разсказалъ непонятную судьбу мою и видѣлъ состраданіе ихъ, однакожъ не безъ примѣси удивленія, а можетъ быть и подозрѣнія, что я не совсѣмъ же правъ быть долженъ; ибо

конечно какъ могли добрые, къ законному порядку привычные люди почесть возможнымъ такое теченіе правосудія, безъ важныхъ къ тому причинъ!

Между тѣмъ поставили мнѣ всякаго холоднаго кушанья и я съ жадностію проглотилъ нѣсколько кусковъ. Но какъ скоро первая, самая нудящая потребность утолена была, то возобновилъ я прозьбу мою о помощи и спасеніи, надѣясь получить оное, естьли Камергеръ отошлетъ меня въ дальнія свои деревни, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока можно будетъ взять другія мѣры. Я примѣтилъ ясно, что господинъ Бееръ колебался и сторожекъ у вѣсовъ клонилъ ихъ на мою сторону. На лицѣ супруги его также мелькала надежда для меня, какъ вдругъ вошелъ человѣкъ, о которомъ и теперь еще не могу вспомнить безъ крайняго отвращенія. Мнѣ представили

господина Простеніуса — имя его что-то на это похоже *) — изъ Риги, какъ пріятеля домашняго. Онъ самъ утверждалъ, что прежде знавалъ меня; но я не могъ о немъ вспомнить. Читатель да вообразитъ себѣ его пригожимъ человѣкомъ, съ ласковѣйшею наружностію и самою учтивою холодностію въ лицѣ, который непріятнѣйшія вещи, раздирающія сердце другаго, могъ разсказывать съ равнодушною улыбкою, какъ будто сообщаетъ радостнѣйшія вѣсти.

Теперь свѣдалъ я, что Щ — нъ въ самомъ дѣлѣ въ крайнихъ суетахъ былъ уже здѣсь; что онъ повѣстилъ во всемъ околодкѣ, чтобъ меня поймали; что онъ въ тотъ еще день обѣдалъ на этой дачѣ и тотчасъ отправился въ Ригу, куда вѣроятно

*) Его не такъ звали, какъ я узналъ послѣ; но — за чѣмъ мнѣ его называть?

уже теперь пріѣхалъ. Г. Простеніусъ не знавъ совершенно расположенія къ спасенію моему, обьявилъ, что оно совсѣмъ неудобоисполнимо. Онъ утверждалъ, что Камергеръ подвергнетъ себя опасности и такимъ образомъ отнюдъ мнѣ помочь не можетъ; но — думалъ онъ — я все де довольно времени выигралъ моимъ побѣгомъ, какъ меня теперь должно подъ вѣрнѣйшимъ присмотромъ отправить въ Ригу. Тамошній Губернаторъ ни о чемъ несвѣдущъ; и по тому непремѣнно долженъ будетъ донести обо мнѣ въ Петербургъ, а тамъ можетъ многое перемѣниться.

Тщетно представлялъ я, что при неслыханномъ образѣ, какъ со мною поступлено, ни какъ не льзя будетъ такимъ способомъ перемѣнить что нибудь. Камергеръ, которому Г. Простеніусъ не давалъ по сихъ поръ слова выговорить, а какъ будто предписывалъ ему все, что

ему дѣлать или не дѣлать, теперь для утѣшенія моего перебилъ: да вы можете отсюда написать къ Государю.

Могуль я это? возразилъ я тотчасъ.

О конечно! сказалъ господинъ Беэръ; и я даже беру на себя доставить эту прозьбу черезъ двоюроднаго моего брата, Генерала Ребиндера, теперешняго Коменданта Петербургскаго.

Я сердечно благодарилъ его за его доброе намѣреніе. Любезный Г. Простеніусъ хотя и тутъ думалъ было дѣлать возраженія; однакожъ при томъ осталось.

Но, спросилъ ласковой дѣтинка, чегожъ вы впрочемъ боитесь ѣхать въ Тобольскъ? — Я посмотрѣлъ на него и горько усмѣхнулся. — Не шутя, продолжалъ онъ; туда посылаютъ многихъ честныхъ людей и ска-

зываютъ, что тамъ теперь очень хорошее есть общество.

„Я не требую никакого другаго общества, сказалъ я, кромѣ жены моей и дѣтей. „

Какимъ же образомъ васъ отправили? спросилъ онъ далѣе.

Я отвѣчалъ ему, что Надворный Совѣтникъ изъ Петербурга и Сенатской курьеръ провожали меня.

А другова караула не было? Безъ солдатъ?

„Нѣтъ. „

Ну, изволите видѣть, съ какою честію! чегожъ вы еще хотите?... Надобно покориться этому, продолжалъ онъ увидя, что представленіе такой чести не дѣлало ни какого впечатленія во мнѣ; вить вы Философъ!

„Я мужъ и отецъ! „ отвѣчалъ я

Г. Простеніусъ улыбнулся; у госпожи Беэръ навернулись на гла-

захъ слезы; Камергеръ напомнилъ, что уже поздно и что мнѣ нужно укрѣпиться сномъ, дабы завтра съ новыми силами отправиться обратно въ Ригу. Не знаю, отъ чего мнѣ совсѣмъ не противна была мысль, ѣхать назадъ въ Ригу; по крайней мѣрѣ тогда не зналъ я того. Послѣ конечно чувствовалъ я, что это въ самомъ дѣлѣ было только обольщеніе сердца моего, мечтавшаго быть счастливымъ въ близи жены и дѣтей. По настоящему же все равно было, тутъ ли бы меня тотчасъ выдали Щ—ну, или еще бы опять на показъ послали въ Ригу.

Во флигелѣ, сказалъ Камергеръ, стоитъ готовая постель; пожалуйте извольте на ней почивать.

Я пошелъ. Вышедъ изъ сѣнныхъ дверей примѣтилъ я, что меня около полдесятка крестьянъ провожали на маломъ разстояніи до флигеля. Я

подумалъ, что это было изъ любопытства, и не воображалъ, чтобъ влія[illegible]гна Простеніуса могло склонить благородномыслящаго человѣка сдѣлать тюрьму изъ гостиной своей.

Въ спальной комнатѣ нашелъ я нѣсколько занятыхъ уже постель, гдѣ всѣ крѣпко спали. Не заботясь болѣе объ нихъ, я пошелъ тотчасъ къ назначеной для меня. Раздѣваясь примѣтилъ я, что ставни съ наружи закрывали. Какъ я никогда не могъ терпѣть спать такъ какъ бы въ мѣшкѣ, то просилъ уволить меня отъ этой учтивости; ибо я считалъ, что это потому дѣлается. (Обыкновенно думаютъ затвореніемъ ставней доставить гостямъ продолжительной и покойной утренній сонъ.) Но человѣкъ вышелъ изъ комнаты не отвѣчая мнѣ, а на дворѣ продолжали все затворять, дабы я не выскочилъ въ другой разъ изъ клѣтки.

Сказать ли мысли моего сердца? — Увѣряю честію, что мнѣ совсѣмъ не приходило на умъ опять бѣжать; но также честію увѣряю, что на мѣстѣ господина Беэра, при самыхъ нѣжныхъ понятіяхъ о подданнической обязаности, я бы не простеръ *такъ далеко* предосторожности. Положимъ даже, хотябъ Щ — нъ предъявилъ вышшее повелѣніе везти меня — въ чемъ однакожъ сомнѣваюсь, какъ у него ничего не было кромѣ подорожной, въ которой даже не означено было мое имя *): — то по истинѣ достаточнобъ было поставить караульныхъ только у двери и оконъ. Естьлибъ мнѣ хитростью или по щастію удалось обмануть этихъ караульныхъ, тогдабъ господину Беэру не за что было отвѣчать; ибо какъ можнобъ было отъ него

*) Я ошибся. Онъ подлинно предъявилъ повелѣніе.

требовать, чтобъ онъ въ домѣ у себя имѣлъ въ запасѣ запоры и оковы для Государственныхъ арестантовъ? — Ахъ, Простеніусъ! Простеніусъ! и это было твое дѣло! ты хотѣлъ, чтобъ въ моей спальнѣ также было темно, какъ въ твоемъ безжалостномъ сердцѣ.

Отъ совершеннаго изнуренія я скоро погрузился въ беспокойной, но до пяти часовъ утра продолжавшійся сонъ. Пробудясь я тотчасъ вздумалъ о прошеніи къ Государю. Я всталъ, одѣлся, сѣлъ къ столу, на которомъ нашелъ бумагу и чернила, и писалъ, что внушали мнѣ сердце мое, невинность и возмущенное чувство. Во время писанія принесъ мнѣ слуга завтракъ, и прочіе спавшіе въ этой комнатѣ встали. Я ни о чемъ не заботился; кончивъ прошеніе къ Государю, написалъ письмо къ Графу Палену, третье къ Графу Кобенцлю, Австрійскому Посланнику въ Петер-

бургѣ, и наконецъ четвертое къ милой женѣ моей. Я было началъ уже пятое къ Генералъ-Прокурору, какъ ласковой Г. Простеніусъ съ гладкой рожей вошелъ и улыбаясь увѣдомилъ меня: что верашнее намѣреніе наше послать меня въ Ригу, разрушилось отъ того, что сей часъ явился Щ — нъ и требуетъ меня.

„Такъ меня ему выдадутъ?

Онъ пожалъ плечьми. Что дѣлать?.... Даже и прошеніе къ Государю не можетъ Камергеръ, по лучшемъ обдуманіи, никакъ доставить черезъ брата своего Генерала Ребиндера.

„Но онъ мнѣ это не одинъ разъ самъ собою обѣщалъ!„

Онъ не смѣетъ, чтобъ самому не попасть въ бѣду; онъ долженъ будетъ послать прошеніе къ Рижскому Губернатору, которой доставитъ его куда слѣдуетъ.

„А прочія письма?„

Къ супругѣ вашей письмо пойдетъ также черезъ Губернаторскія руки; а прочія совѣтывалъ бы я вамъ теперь совсѣмъ оставить. — При этихъ словахъ онъ взялъ прошеніе къ Государю и письмо къ женѣ моей и пропалъ. Что съ ними сдѣлано, того и по сей часъ не вѣдаю. Чаятельно, что ихъ подлинно послали къ Губернатору; а онъ можетъ быть опасался отправить, и за лучшее почелъ сожечь ихъ (•). Можетъ быть это къ моему щастію; можетъ быть Г. Простеніусъ жестокосердіемъ своимъ оказалъ мнѣ великую услугу. Прошеніе къ Императору не совсѣмъ было таково, какъ бы надлежало быть къ сему Государю; я въ немъ слишкомъ ссылался на пра-

(•) Читатель увидитъ далѣе, какъ благородно поступилъ Рижской Губернаторъ.

во и невинность. Читая оное, Онъ никакъ бы не могъ быть доволенъ, а это бы могло только вредить мнѣ. Изъ него же свѣдалъ бы Онъ и о побѣгѣ моемъ, и легко бы сталось, чтобъ почелъ это виновною непокоривостію. Правда я въ прошеніи именно прописывалъ: что Губернаторъ Курляндскій, котораго я знаю, именемъ Его Императорскаго Величества увѣрилъ меня, что я поѣду въ Петербургъ; а совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ, не могущій предъявить мнѣ повелѣнія Императорскаго, хочетъ тащить меня въ Сибирь. Комужъ мнѣ вѣрить: Губернатору или Надворному Совѣтнику? Но какъ уже сказано, все это дѣло было слишкомъ запутано, чтобъ я могъ ожидать какого дѣйствія отъ самаго яснаго, самаго убѣдительнаго представленія; оно могло только еще болѣе раздражить, и я послѣ часто желалъ, чтобъ совсѣмъ не писалъ этаго прошенія. Тоже самое было

съ немногими строками къ женѣ моей. Я упомянулъ въ нихъ о горестномъ положеніи моемъ въ лѣсу и говорилъ о вѣчной разлукѣ; добрая жена моя моглабъ умереть отъ того, когдабъ не приготовясь получила письмо. Еще разъ: благодарю человѣка съ гладкой рожей; онъ можетъ быть безъ намѣренія сохранилъ мнѣ то, что для меня всего дороже на свѣтѣ.

Два письма, къ Графамъ Палему и Кобенцлю, остались въ моихъ рукахъ. Я тогда былъ одинъ съ молодымъ человѣкомъ, ночевавшимъ въ той же комнатѣ, и въ чертахъ лица его видѣлъ доброжелательство и состраданіе. Я поспѣшно оборотился къ нему. „ Естьли у васъ человѣческое сердце, говорилъ я, то отдайте эти письма на почту. „ — Онъ оторопѣлъ и какъ будто опасался. „ Письма не запечатаны, продолжалъ я: прочтите сами невинное

ихъ содержаніе, запечатайте сами какою нибудь простою печатью.,, Онъ обѣщалъ мнѣ, что естьли и не тотчасъ это сдѣлаетъ, то когда минуется первая тревога, выполнитъ, что только въ его силахъ будетъ. — Сдержалъ ли онъ слово? Не знаю. Имѣлиль письма какое дѣйствіе? Не знаю; а потому, что не знаю, то и сомнѣваюсь. (•)

Молодой человѣкъ лѣтъ осмнатцати или дватцати, котораго я по лицу его принялъ за сына Барона Левенштерна, вошелъ теперь и наскоро прибралъ со стола бумагу и чернила, для того, говорилъ онъ, что Щ — нъ, котораго по сіе время удерживали, тотчасъ сюда будетъ. Онъ спросилъ меня, не нужно ли мнѣ что на дорогу? я попросилъ не много кремор-тартару. Онъ вышелъ. Тотчасъ за нимъ явился Щ —

(•) Все это объяснится ниже.

нѣ съ курьеромъ. Онъ ласково поклонился мнѣ и никакого упреку не сдѣлалъ. Я сказалъ ему, какъ умѣлъ: чтобъ онъ извинилъ мою недовѣрчивость, что я натурально долженъ былъ повѣрить болѣе Губернатору Курляндскому, нежели ему, совсѣмъ мнѣ незнакомому человѣку. Онъ по видимому доволенъ былъ моимъ извиненіемъ, всю вину слагалъ на неумѣстное человѣколюбіе Губернатора. — Я видѣлъ, что онъ вынулъ записную свою книжку, далъ караулившимъ меня крестьянамъ сто рублей. Естьли вы думаете, сказалъ я, что эти крестьяне меня поймали, то ошибаетесь; я самъ собою пришелъ. — Онъ не удостоивъ меня отвѣта, со вздохомъ отдалъ сто рублей.

Когда онъ потомъ вышелъ для распоряженія всего къ немедленному нашему отъѣзду, то вошла добрая дѣвушка, которая въ прошедшій ве-

черъ первая со мною говорила, и озираясь беспокойно, шепнула что-то господамъ, тутъ еще бывшимъ. Они тотчасъ ушли, а она тогда поспѣшно подала мнѣ отъ имени своей госпожи.) холстинной мѣшечекъ съ двумя длинными тесемками, и просила, чтобъ я тотчасъ обвязалъ около тѣла. Тутъ зашито сто рублей, говорила она. Васъ станутъ обыскивать и отнимутъ всѣ деньги. Съ этими словами она ускользнула въ дверь.

Я не совсѣмъ поняль, чего она хотѣла: однакожъ машинально сдѣлалъ то, что она сказала, и только, что я успѣлъ, какъ Ш — нъ опять вошелъ.

Добрая, благородная, женская душа, толь усердно пособившая мнѣ

(•) Я думалъ тогда, что это было отъ Гжи Беэръ.

въ нуждѣ! По нынѣ еще храню я въ цѣлости этотъ мѣшочекъ, какъ памятникъ твоего человѣколюбія! — Всегда какъ я смотрю на него, омочаются глаза мои слезами, и я съ тихою горестію вспоминаю, что въ самое страшное время жизни моей благородная душа чувствовала сострадание ко мнѣ. Этотъ шовъ, шитый на скоро вспомогательною рукою для поданія хотя нѣкотораго утѣшенія нещастному, распорется ножемъ моимъ только въ самой прекрайней нуждѣ. Я съ тѣхъ поръ часто имѣлъ недостатокъ и лишался всѣхъ привычныхъ удобностей; но никогда не могъ рѣшиться дотронуться до этой священной вещи. Это моя ладонка; съ нею сопряжено благословеніе доброй матери; и я не теряю еще надежды, что нѣкогда возвращу ее въ ея руки. Тогда слезами благодарности заплачу ей проценты за ея вспоможеніе!

Настала минута отъѣзда. Молодой Левенштернъ принесъ мнѣ кромѣ просимаго лекарства, еще тулупъ, суконную шинель, пару бумажныхъ калпаковъ, пару сапоговъ и Богъ знаетъ, что еще. Я обнялъ его и просилъ его только увѣдомить добрую жену мою о моей участи. Онъ мнѣ свято обѣщалъ то. Слезы, навернувшіяся на глазахъ его, ручались мнѣ въ томъ, что онъ сдержалъ слово. Со всѣмъ жаромъ перваго неиспорченнаго чувства и съ полною довѣренностію къ другимъ людямъ, часто толь обманчиво внушаемою симъ чувствомъ, взялъ онъ руку Щ — на, и умолялъ его, поступать хорошо со мною и не мстить мнѣ за покушеніе къ побѣгу. Щ — нъ отвѣчалъ учтивостію, точно такъ какъ онъ отвѣчалъ женѣ моей. — Добродушная горничная, коей лицо незабвенно для меня, стояла у окна и плакала. — Г. Простеніусъ сдѣлавъ свое дѣло, не казался болѣе; по край-

ней мѣрѣ я его болѣе не примѣтилъ; и прочіе жители дачи совсѣмъ не показывались. — Запряженная *телѣга* стояла у флигеля; а коляска моя осталась на станціи.

Теперь посадили меня съ вещьми моими на открытую телѣгу; любопытная толпа зѣвала на меня, и не многіе жалѣли обо мнѣ. — Щ — нъ подсѣлъ ко мнѣ, курьеръ за мною, и черезъ часъ пріѣхали мы опять на станцію на Витебской границѣ.

Тѣмъ кончилось покушеніе къ побѣгу. — Толстая почтмейстерша на пограничной станціи весьма обрадовалась, что меня опять поймали. Она уже, какъ сказывала, отправила нарочнаго къ ближнему квартирующему полку и каждую минуту ждала множество солдатъ, которые бы стали меня отыскивать. Въ передъ совѣтовала она Щ — ну, всегда на ночь нанимать караульщиковъ. — Одна ло-

шадь у нее отъ беспрестанной туда и сюда ѣзды очень надорвалась; она задыхалась и готова была пасть. Теперь только примѣтила это добрая женщина; тогда-то въ сердцахъ напустила она на меня и закидала меня всякими бранными словами, то по Руски, то по Нѣмецки. Можетъ быть въ иное время я бы запретилъ ей ругаться; но теперь брань ея была для меня какъ ужаленіе комара для человѣка на пыткѣ. Иногда только вырывалась у меня горькая улыбка; но это еще болѣе ее бѣсило, и я думаю, что она бы напослѣдокъ и рукамъ дала волю, естьлибъ Щ — нъ въ правду не вступился. Между тѣмъ на ея крикъ набѣжало множество крестьянъ; ихъ было до тритцати, и всѣ тѣснились разиня ротъ въ горницѣ и дѣлали въ ней духоту. Вдругъ Щ — нъ всѣхъ выгналъ, и просилъ также и почтмейстера, оставить его одного со мною. Я изумился; но не пугался: я почув-

ствовалъ какую то рѣшимость, внушаемую только отчаяніемъ.

Когда мы остались одни, то сказалъ онъ мнѣ очень вѣжливо: чтобъ я не погнѣвался, когда онъ теперь со мною нѣсколько строжайшія мѣры употреблять будетъ. Въ ту минуту подумалъ я о цѣпяхъ, и почти безъ памяти хватился рукою за ножницами, чтобъ ударить ими себѣ въ сердцѣ. Но онъ тотчасъ выразился явственнѣе. У меня былъ маленькой кожею оклеенной ларчикъ, въ которомъ находились всякія потребности; ключь отъ него онъ потребовалъ у меня и чтобъ я всѣ мои деньги и что еще у меня въ карманѣ есть, положилъ въ него. Когда только, говорилъ онъ, мнѣ нужда въ деньгахъ будетъ, то онъ безъ отговорочно доставать ихъ мнѣ станетъ; но чтобъ *у меня* ихъ не было.

Я сталъ покойнѣе и повиновал-

ся; опростаніе кармановъ было мнѣ уже не ново. Я охотно отдалъ ключь, деньги, ножницы, карандашикъ, лоскутки бумаги и все, что еще было у меня въ карманѣ, даже и часы; тѣмъ кончилось и это дѣло, и я не проронилъ при томъ ни слова. Гну Щ — ну угодно было самому еще разъ ощупать мои карманы и потомъ заперъ онъ тщательно ларчикъ. Холстинной мѣшокъ на груди моей однакожъ миновалъ его обыску. Теперь только понялъ я намѣреніе моей благодѣтельницы и въ тайнѣ благодарилъ ее.

Между тѣмъ опять все уложили въ мою коляску и мы поѣхали далѣе. Не смѣю описывать, каково у меня на сердцѣ было въ первые дни дороги наши. Я не могъ ни ѣсть, ни пить, ни спать; и вѣроятно я только благодѣтельной тряскѣ коляски обязанъ тѣмъ, что не сошелъ съ ума; ибо когда только мы пере-

мѣняли лошадей или для чего другаго останавливались, дѣлалось со мною каждой разъ оглушающее круженіе головы. Я бывалъ радъ, когда мы опять ѣхали; и на самыхъ неровныхъ дорогахъ, на бревенчатыхъ мостовыхъ и каменныхъ плотинахъ чувствовалъ гораздо больше облегченія. Въ первые два дни я ни десяти словъ не проговорилъ. „ Нѣтъ! „ былъ обыкновенный мой отвѣтъ на всякое предложеніе пищи или питья и тому подобнаго. Прижавшись въ углу коляски смотрѣлъ я пристально впередъ; всѣ мѣста миновалъ я не взирая на нихъ; вѣтру, холоду и дождя не чувствовалъ. Силы мои примѣтно ослабѣвали: я безъ пособія курьера не могъ выходить или садиться въ коляску; и когда я нечаянно взглядывалъ въ зеркало, то пугался своего лица. *) — Щ — нъ по

(*) Здѣсь долженъ я упомянуть о забытомъ обстоятельствѣ. Къ первому обѣду послѣ моей поимки, прислали

видимому сталъ трусить о моемъ состояніи. Сожалѣнія онъ не чувствовалъ, а страхъ, что не выполнитъ совсѣмъ похвальной своей коммисіи и тогда можетъ быть подпадетъ еще отвѣту. Онъ всячески старался успокоить меня; на перерывъ съ курьеромъ описывалъ мнѣ Тобольскъ самымъ прекраснымъ городомъ въ свѣтѣ и тамошнюю жизнь превеселою, препріятною. Курьеро-

---

мы въ мѣстечко, коего названіе теперь я з помнилъ, но только то знаю, что оно принадлежало какому-то старосту К---у, жившему тамъ въ древнемъ з мкѣ. Тамъ не было перемѣны лошадей; однакожъ мы остановились въ его замкѣ. Онъ сошелъ самъ, усильно просилъ Ш----на къ обѣду, приказалъ людямъ своимъ хорошо угостить курьера, а мнѣ не только ни слова не сказалъ, и не предлагалъ ни пищи, ни питья, но еще велѣлъ между тѣмъ, какъ провожные мои пировали, чтобы я подъ крѣпкимъ присмотромъ былъ, з перетъ ворота з мка и окружить коляску безстыдною и безчувственною

ва похвала состояла болѣе всего въ добротѣ и дешевизнѣ всѣхъ съѣстныхъ припасовъ. „ Какая рыба тамъ! „ вскричалъ онъ какъ восхищенный: самыя отмѣнныя стерляди по гривнѣ, за которыя бы лакомцы въ Петербургѣ заплатили по десяти рублей. А осетрина! Какая осетрина-то! — Мяса, хлѣба, вина горячаго, всего очень довольно! „ — Щ — нъ присовокупилъ еще другія доказательства, которыя болѣе убѣдили

толпою, которая безотходно на меня зѣвала и въ глаза смѣялась. Такъ немилосердно былъ я выставленъ на показъ чрезъ цѣлой часъ. Потомъ Г. старостъ самъ проводилъ сытыхъ гостей своихъ до коляски. Палящая жажда преодолѣла раздраженную мою чувствительность; я попросилъ пить. Тогда велѣлъ онъ подать мнѣ стаканъ пива; и мы поѣхали далѣе. Я бы совсѣмъ не упомянулъ о семъ анекдотѣ, естьлибъ не свѣдалъ послѣ въ Ригѣ, что Г. К---ъ хвалился, что онъ угостилъ меня за своимъ столомъ и вообще очень человѣколюбиво принялъ.

меня.„ Какъ скоро вы туда пріѣдете, говорилъ онъ; то вы будете свободны, совсѣмъ свободны, можете ходить и приходить куда и когда вамъ угодно; можете забавляться охотою, можете ѣздить по всей губерніи, говорить и обходиться съ кѣмъ хотите. Изъ Тобольска можете вы писать и къ Государю, къ супругѣ своей и ко всѣмъ: вы можете выписать къ себѣ людей своихъ и все, что вамъ нужно, и жить какъ вамъ угодно. Въ Тобольскѣ бываютъ также балы, маскерады и отмѣнной театръ.

Я по неволѣ усмѣхнулся и спросилъ только: ручается ли онъ мнѣ въ томъ, что переписка тамъ совершенно беспрепятственна? — Онъ клялся въ томъ честію своею; и это увѣреніе подало мнѣ подлинно первый лучъ надежды.

„Но, думалъ я про себя: подлин-

но ли я останусь въ Тобольскѣ? .... Иркутскъ еще 3000 верстъ далѣе. Такъ какъ меня въ Тобольскъ послали; то могутъ отправить и въ Иркутскъ. — Скажу все: безпрестанно думая такъ и сякъ о причинѣ моей ссылки, вспомнилъ я, что за десять лѣтъ до того сочинилъ я комедію Графа Беньйовскаго. Когда она вышла въ печати, то покойная Императрица Екатерина прислала секретное повелѣніе къ Губернатору Ревельскому, чтобы онъ подъ рукою и не обнаруживая сего препорученія ему, развѣдалъ отъ меня, съ какимъ намѣреніемъ я писалъ эту комедію. — Онъ это выполнилъ. Я отвѣчалъ натурально: что исторія Графа Беньйовскаго показалась мнѣ хорошимъ содержаніемъ для комедіи и до меня уже для театра обработана была Г. Вульпіусомъ. — При томъ и осталось; и Великая Монархиня, какъ предвидѣть было можно, о томъ не помышляла.

„Не уже ли, шепнуло мнѣ подозрѣніе, Государю показалось соблазнительнымъ содержаніе этой комедіи, и онъ черезъ десять лѣтъ хочетъ за слишкомъ, станется, живое изображеніе страданій ссылочнаго, наказать меня таковымъ же страданіемъ? „— Въ такомъ случаѣ я долженъ приготовиться ѣхать въ Камчатку, отдаленную отъ Иркутска еще на 6000 верстъ.

Щ — нъ клялся мнѣ Святыми и особенно еще къ тому примолвилъ: что *онъ будетъ каналья*, естьли меня далѣе Тобольска повезутъ. Я спросилъ его: какъ онъ можетъ это на вѣрное утверждать, когда у него конечно только есть запечатанное повелѣніе къ Губернатору и слѣдовательно онъ не знаетъ, что въ немъ писано. — Онъ признался, что повелѣніе запечатано, но намекнулъ мнѣ, что онъ самъ его писалъ. „ Притомъ, говорилъ онъ, совсѣмъ и

необыкновенно, какъ бы дѣлать раздыхъ на дорогѣ. Естьлибъ вы назначены были въ Иркутскъ, то я бы получилъ повелѣніе васъ проводить туда, какъ уже многихъ возилъ. Но какъ въ повелѣніи моемъ и подорожной сказано только до Тобольска, то вы можете быть покойны. При томъ вы понимаете, прибавилъ онъ еще, что не прилично бы для Государя было, повелѣніе Свое къ мученію арестанта какъ бы раздроблять и отъ мѣста до мѣста приготовлять ему новыя страданія. Это бы дѣло было не *чисто.*,, (Онъ подлинно тамъ выразился.) — Все это удостовѣрило меня и я началъ имѣть *надежду*, что подлинно только до Тобольска назначенъ. (Въ послѣдствіи увидитъ читатель, сколько могъ я полагаться на эту надежду и на клятвы Щ — на).

Но болѣе, нежели это упованіе, жить въ Тобольскѣ, успокоило меня

разсказанное Щ — мъ приключеніе. Онъ съ годъ тому назадъ повезъ въ Сибирь женщину, и доѣхалъ уже съ нею до Казани, тогда другой курьеръ нагналъ его, и какъ по обстоятельнѣйшемъ изслѣдованіи она оказалась совершенно невинна, то привезъ ему повелѣніе, немедленно воротиться и проводить ее опять домой къ дѣтямъ ея. Это повѣствованіе сильно меня разтрогало. — „И такъ я могу еще надѣяться, что дѣло мое и въ отсутствіи моемъ будетъ изслѣдовано? Могу надѣяться, что и *моя* невинность откроется?„

Конечно.

„А что сказала женщина! что она стала дѣлать?„ Она ломала себѣ руки, залилась слезами и дала мнѣ золотые часы. —

Воображеніе мое остановилось на этомъ представленіи и я не могу описать, какое утѣшеніе оно мнѣ принесло. Я безпрестанно видѣлъ

передъ собою женщину, какъ она руки ломала, какъ плакала, какъ вынимала съ радостію золотые часы изъ кармана, какъ повозка теперь поворотила, помчалась, ближе, ближе къ дому ея, какъ она наконецъ изъ дали завидѣла домъ свой, дѣтей у окна, дѣтей на крыльцѣ; — какъ она изъ повозки выскочила, бросилась въ ихъ объятія! — Да, Щ—нъ нашелъ тогда, не зная самъ того, настоящій бальсамъ для облегченія боли разтерзанной души моей. Съ этой минуты я ожидалъ ежечасно курьера. Когда только послышется за нами почтовой колокольчикъ, то сердце мое ужасно билось. Разсмотрятъ, думалъ я, бумаги мои; правосудный Государь найдетъ меня вѣрно невиновнымъ; немедленно отправится курьеръ, поскачетъ за мною настижетъ меня, и этотъ мигъ въ трое вознаградитъ меня за всѣ страданія. Конечно не думалъ я или лучше удалялъ мысль, что я не за

тѣ бумаги сосланъ, которыхъ никакой человѣкъ еще не видалъ, а что должна быть тутъ другая прежняя причина. Я живѣйшими красками расписывалъ себѣ картину скачущаго за мною курьера; разъ сто разсчитывалъ, сколько дней потребно было, чтобъ бумаги мои доставлены были изъ Митавы въ Петербургъ, сколько дней тамъ нужно будетъ на разсмотреніе ихъ; и положилъ, какъ можно болѣе продлить дорогу, чтобы курьеръ успѣлъ нагнать меня.

Теперь былъ третій день, какъ мы оставили Штокмансгофъ. Теперь я въ первой разъ хотѣлъ опять ѣсть и пить. Гданской ликеръ мой выпили провожатые мои и съѣли Италіанскую колбасу у меня; давно уже скушали связку съ хлѣбомъ, масломъ и телятиной, что все госпожа Беэръ конечно для меня велѣла положить въ телѣгу. Мнѣ хотѣлось кофе или вина; но ни того, ни друга

го не льзя было достать, и я долженъ былъ довольствоваться свѣжими яйцами и водою. — Ночи были очень холодны, дни вѣтреные и сѣверки. Я хотѣлъ укутать ноги въ толстую суконную шинель, которую подарилъ мнѣ молодой Левенштернъ; но курьеръ тотчасъ ее присвоилъ себя и надѣлъ уже и сапоги. Я не хотѣлъ требовать ихъ отъ него назадъ. Такъ было во всю дорогу. Провожатые мои пользовались всѣмъ моимъ такъ, какъ будто это было ихъ; и естьли что разъ попалось имъ въ руки, то уже они и не отдавали опять. Такой прекрасной поступокъ простирался даже и на деньги мои. Когда нужно было купить мнѣ бездѣлицу или заплатить за починку чего нибудь у коляски, то давалъ я двадцати пяти рублевую асигнацію; размѣнявъ ее, мнѣ рѣдко или по крайней мѣрѣ никогда сполна остатокъ не возвращали. Далѣе, когда у Щ — на стало не доставать де-

негЪ, онЪ часто занималЪ у меня; и когда я напослѣдокЪ сталЪ дѣлать затрудненія, чтобЪ не совсѣмЪ обезденежить, то онЪ такЪ примѣтно перемѣнился вЪ своемЪ обращеніи, что я по многимЪ причинамЪ принужденЪ былЪ удовлетворять его. За пищу и питье безЪ того я долженЪ былЪ платить. СловомЪ, хотя я во всю дорогу ничего не ѣлЪ кромѣ молока и яицЪ, а кой-когда только кусокЪ телятины, но она стоила мнѣ болѣе четырехЪ сотЪ рублей, не считая еще коляски. СверхЪ того по большой части всегда силою забирали молоко и яйца. Я платилЪ за все; провожатыежЪ мои клали деньги вЪ свои карманы или пропивали ихЪ на водкѣ, а бѣдные крестьяне не смѣли требовать себѣ заплаты.

При семЪ случаѣ не могу умолчать о настоящемЪ безкорыстномЪ гостепріимствѣ РусскихЪ крестьянЪ, которое всегда примѣтнѣе стано-

вится, чѣмъ далѣе проѣзжаешь внутрь Государства. Они другъ передъ другомъ на перерывъ предлагаютъ свои избы для ночлега; ставятъ себѣ въ честь, когда у нихъ останавливаются; подаютъ все, что у нихъ есть и радость видна въ глазахъ ихъ, когда до сыта ѣдятъ и пьютъ. Я помню еще, какъ одна крестьянка заботливо суетилась и горевала: „Ахти! вотъ не взначай пріѣхали три гостечка, а у меня ничего дома нѣтъ, чѣмъ бы угостить ихъ!„ Уменьшительное названіе, употребленное ею во изъявленіе своей радости о нашемъ посѣщеніи, заставило меня улыбнуться. — Крестьяне никогда не требуютъ ничего за свое угощеніе: за хлѣбъ, квасъ и прочее также они и тогда ничего не берутъ, когда имъ даютъ что. За другое же, на примѣръ за куръ, сливки и проч. принимаютъ они бездѣльную плату; и какъ они по видимому привыкли къ тому, что солдаты, курьеры

и подобные люди, вмѣсто заплаты, огорошиваютъ ихъ ругательствомъ, то въ предосторожность при первомъ спросѣ тотчасъ говорятъ, что ничего нѣтъ у нихъ. Я увѣренъ, что обыкновенный честной путешественникъ въ Рускихъ деревняхъ многое получить можетъ, когда крестьяне видятъ, что онъ справедливъ; ибо всегда, какъ я при отказѣ не вседневныхъ припасовъ требовалъ самъ и обѣщалъ хорошо заплатить, то всякой разъ мы все изобильно получали. Но истинно возмутительнымъ образомъ вынуждаютъ солдаты и курьеры все у крестьянъ. — „ Гдѣ десятской? „ бываетъ первый ихъ вопросъ по пріѣздѣ въ деревню. Онъ съ покорностію приходитъ. Достань тотчасъ того! „ — Естьли онъ станетъ отговариваться; естьли скажетъ, что нѣтъ того: то засыплютъ его самыми крупными бранными словами и сулятъ еще прибыть. Тогда пойдетъ онъ и прино-

ситъ, что только можно сыскать, но конечно все самое дурное зная уже напередъ, что заплаты не чего и ждать. — Безъ этаго глубоко вкоренившаго злоупотребленія весело бы было въ дорогѣ быть у гостепріимныхъ, добродушныхъ крестьянъ, коихъ любовь легко пріобрѣсть можно, давъ только кусочикъ сахару робятамъ ихъ. Я въ Рускихъ деревняхъ не одинъ фунтъ сахару раздавалъ робятамъ, и чрезъ то задобривалъ всѣхъ матерей. Конечно давалъ охотнѣе и гораздо болѣе маленькимъ дѣвочкамъ одного возраста съ моими Эмми и Бетти, и часто, очень часто навертывались у меня слезы на глазакъ. — Вѣрно и у тебя есть дѣти? говаривали тогда крестьянки! —„Шестеро! отвѣчалъ я вздыхая; самому меньшему еще и году нѣтъ!„ Тогда видалъ я примѣтное сожалѣніе во взорахъ ихъ, и когда садился опять въ коляску, то напутствуемъ бывалъ сердечными ихъ доброжеланіями.

Возвращаюсь отъ сего отступленія. Когда остановились мы опять въ первой разъ ночевать въ почтовомъ домѣ, то ложась въ постелю увидѣлъ я, что ужасные приготовленія дѣлались къ охраненію меня. Расставили караульщиковъ, затворили ставни и постель мою поставили возлѣ самой постели Щ — на. Курьеръ легъ на полу такъ, что бы мнѣ надобно было шагать черезъ него, дабы дойти до дверей. Таковую предосторожность наблюдали теперь всякой вечеръ.

Между тѣмъ у меня отросла престрашная борода. Я хотѣлъ бриться и требовалъ моихъ бритвъ. Мнѣ отказали въ томъ и вмѣсто того послали за цырюльникомъ. Напрасно говорилъ я, что нѣсколько лѣтъ уже привыкъ бриться самъ и для меня несносно крехтѣть подъ пальцами запачканнаго деревенскаго цырюльника; напрасно представлялъ я, что

естьлибъ захотѣлъ лишить себя жизни, то мнѣ бы стоило только при первомъ перевозѣ черезъ рѣку, (что очень часто случалось) броситься въ воду. Ничто не помогало; мнѣ самому не хотѣли позволить брать бритву въ руки. Притомъ Щ — нъ взялъ себѣ на замѣчаніе то, что я о водѣ сказалъ, и съ того времени при перевозахъ всегда близехонько ко мнѣ становился, дабы въ нужномъ случаѣ удержать меня отъ отчаяннаго покушенія. — Бѣдной слабой человѣкъ! какъ бы могъ ты преградить мнѣ дорогу въ вѣчность! — Но, благодареніе Небу! до этого не дошло у меня. Еще семя упованія лежало въ оцѣпенѣвшей груди; одинъ теплый солнечный лучь могъ опять врастить его.

Полоцкъ былъ первый нѣсколько значущій городъ, въ которой мы прибывъ, перемѣнили только лошадей. Пока это продолжалось, то

Щ — нъ написалъ первое *секретное* свое *донесеніе* въ Петербугъ, съ важнымъ извѣстіемъ, что онъ своего арестанта благополучно туда довезъ. Таковыя донесенія отправлялъ онъ изъ каждаго города, и *они*-то особенно заставляли меня обходиться съ нимъ осторожно и не отказывать ему въ его требованіяхъ. Я очень увѣренъ былъ, что онъ не упомянетъ о покушеніи моемъ къ побѣгу; ибо тогда ему бы должно было опасаться, что онъ за собственную свою оплошность лишится пріятной должности отвозить впередъ ссылочныхъ. Однакожъ онъ могъ въ донесеніи своемъ внести кой-что другое мнѣ предосудительное; и кто знаетъ, не сдѣлалъ ли онъ подлинно того, хотя я терпѣливо дозволялъ ему щечиться около меня!

Я тотчасъ примѣтилъ, что онъ не великой дѣлецъ былъ, видя сколько времени ему нужно было на-

писать не много строкъ въ донесеніи и съ какимъ заботливымъ раченіемъ онъ три раза передѣлывалъ нѣсколько косо вышедшій кувертъ.

На дорогѣ изъ Полоцка въ Смоленскъ жестоко схватила меня старая моя боль, судороги въ животѣ. Къ тому еще пристали другіе, доселѣ со мною не бывалыя боли: невольное трясеніе и дерганіе во всѣхъ членахъ. Жаръ, то въ груди, то въ головѣ, причинявшій въ груди самое тоскливое чувство задушенія, а въ головѣ сопровождавшійся несказаннымъ давленіемъ, искрами въ глазахъ и шумомъ въ ушахъ. При томъ пульсъ бился то очень тихо, полно и жестко, то очень скоро, слабо и едва примѣтно и не равно. Позыву на ѣду и сна совсѣмъ у меня не было; но иногда бывалъ у меня какъ бы *бредъ на яву*; мнѣ на минуту видѣлись предметы, которыхъ на яву не было, и я съ испугомъ вздра-

гивалъ, примѣтя свое заблужденіе. Всѣ мысли мои были сбивчивы, и воображенія не явственны: такое состояніе покрайней мѣрѣ притупляло во мнѣ всякое чувствованіе. Мысль о женѣ и дѣтяхъ производила во мнѣ мѣсто прежней горести какое-то смутное чувство, а мысль о смерти ни какой прискорбности для меня уже не имѣла.

Кромѣ одной неважной соли и полученнаго въ Штокмансгофѣ кремортартара, у меня никакихъ лекарствъ не было. Всѣ рецепты, собранные мною чрезъ нѣсколько лѣтъ отъ славнѣйшихъ врачей въ Германіи, Цимермана, Зелле, Маркарда, Галля, Гуфланда и прочихъ, запечатаны были съ другими бумагами моими, хотя я усильнѣйше просилъ, оставить ихъ у меня. (Можетъ быть почли ихъ за тайную переписку въ шифрахъ.) И такъ въ дорогѣ мнѣ никакой помощи не было; и какъ я при тлѣвшей еще

во мнѣ искрѣ упованія почиталъ себя обязаннымъ имѣть попеченіе о моемъ сохраненіи, то почувствовалъ нѣкоторое удовольствіе, когда мы прибыли въ Смоленскъ, гдѣ надѣялся получить покой, удобства и врача.

Тогда былъ уже поздной вечеръ. Щ—нъ, тщательно миновавшій всѣ герберги, велѣлъ и здѣсь тотчасъ ѣхать къ почтовому дому: но къ щастію не могли насъ тамъ помѣстить; и какъ я очень сухо ему сказалъ, что не хочу и не могу ѣхать далѣе, то принужденъ онъ былъ поискать герберга. Мы остановились у большаго дома: хозяинъ встрѣтилъ насъ съ двумя свѣчьми, повелъ насъ по широкой лѣстницѣ вверхъ въ просторную переднюю, и казалось, что мы здѣсь наконецъ очень покойно отдохнемъ. Но когда хозяинъ отперъ назначенную намъ комнату — Боже мой! какой пустой видъ! Большая, высокая комната, гдѣ отзывался ка-

ждой шагъ. Окна всѣ перебиты и всѣ мёбли состояли только въ одномъ шаткомъ столѣ и голой кровати. Не было ни стула, ни скамьи, а еще менѣе зеркала или чего нибудь на пышность похожаго. По стѣнамъ висѣли лохмотья бывшихъ обой.

Я озирался съ холодностію, но не почиталъ стоющимъ того, чтобъ сѣтовать, а попросилъ только немного сѣна на пустую кровать; и когда принесли его, то я безмолвно бросился на нее. Рѣзкой и холодной ночной вѣтеръ дулъ сквозь разбитыя окна прямо на меня. У меня кромѣ подареннаго тулупа и плаща моего не чѣмъ было болѣе покрыться; холодъ и гадины ни на одинъ мигъ во всю ночь не дали мнѣ покоя. Когда настало утро, то сдѣлалась мнѣ сильная лихорадка, ужасно меня бившая, а по томъ жаръ опять давилъ мнѣ глаза изъ головы. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я, какъ проснется

Щ — нъ, дабы потребовать врача. Онъ на отрѣзъ отказалъ мнѣ въ этомъ, думая, что я безъ другихъ пособій могу оправиться, естьли хочу остаться здѣсь на день въ покоѣ. Курьеръ примолвилъ къ тому, чтобы я хорошенько ѣлъ и пилъ; то я уже буду здоровъ. Ѣда и питье были у него общимъ лекарствомъ для всѣхъ болѣзней тѣла и души.

Я такъ вознегодовалъ на такой жестокой поступокъ, что наказалъ его только презрительнымъ молчаніемъ. Я отклонилъ предложеніе пробыть цѣлой день въ этой пустой тюрьмѣ, объявя, что я лучше хочу умереть подъ открытомъ небомъ на проѣзжей дорогѣ. И такъ меня почти стащили съ лѣстницы, посадили въ коляску и мы поѣхали. Какъ я дорогою не одинъ разъ желалъ выпить для подкрѣпленія себя рюмку Рейнвейна, то Щ — нъ въ Смоленскѣ купилъ бутылку на мои деньги; она

стоила два рубли, а ни капли не льзя было выпить. Напослѣдокъ должно было его выливать; ибо провожатые мои вина не пили, а только водку.

Между Смоленскомъ и Москвою состояніе мое такъ стало хуже, что я по большей части лежалъ въ совершенномъ забытіи, не трогался и не занимался ничемъ, что около меня ни происходило. Естьлибъ мнѣ описывать ясно тогдашнее мое чувствованіе, то я бы могъ его сравнить только съ чувствованіями человѣка, которой пробудясь въ крайней темнотѣ, не можетъ опомниться, гдѣ онъ, хочетъ ощупью узнать то мѣсто, но вдругъ чувствуетъ, что онъ по рукамъ и ногамъ связанъ. Койкогда только мелькалъ мнѣ на мигъ въ этомъ мракѣ образъ милой жены моей. Онъ не молніею сверкалъ, а свѣтилъ какъ томный лучь, привлекавшій только на себя взглядъ мой, не освѣщая предметовъ около меня.

Напослѣдокъ Щ — нъ по видимому самъ усмотрѣлъ, что состояніе мое опасно; онъ сталъ обо мнѣ заботиться и самъ собою обѣщалъ мнѣ сыскать врача, коль скоро пріѣдемъ въ Москву. Теперь почти всякая помощь мнѣ равнодушна стала, и естьлибъ воспаленное воображеніе мое не представляло мнѣ иногда жену и дѣтей моихъ умоляющихъ меня: то я бы бросился въ объятія смерти, какъ давно жданнаго друга.

Маія 7 до полудни прибыли мы въ Москву. Щ — нъ опять берегся герберговъ и самыми невидными, дурно обстроенными улицами привезъ меня къ домишку, въ которомъ жилъ пріятель и сослуживецъ его, какой-то Маіоръ Максимовъ. У этого человѣка была всего только одна маленькая горница съ каморкою, гдѣ онъ помѣщался еще съ Прапорщикомъ. А какъ теперь прибыло еще трое, то можно себѣ представить, како-

вое удобство я на этой квартирѣ имѣлъ. Однакожъ Маіоръ, хотя также грубой, но гораздо добродушнѣе Щ — на, всячески сколько могъ старался облегчить мое положеніе. Онъ уступилъ мнѣ собственную свою постель, велѣлъ сварить мнѣ куриную похлебку, и подчивалъ меня давно не питымъ кофе. Я бросился на жесткую его солдатскую постель и подлинно на минуту получилъ облегченіе.

Когда я сомкнулъ глаза и думали, что я сплю, сообщилъ Щ — нъ старому сослуживцу своему, что съ нимъ доселѣ было, и я къ удовольствію моему слышалъ, что хотя Маіоръ поздравлялъ его повышеніемъ ч на, но напрямки сказалъ ему: „Что не желалъ бы на его мѣстѣ быть; что должность, какую онъ исправляетъ, не самая лучшая.„ Щ — нъ пропустилъ это мимо ушей, и отвѣчалъ только, какъ я прищурясь примѣтилъ, улыбкою, а тамъ

всталъ и пошелъ въ жаркую баню, дабы потомъ выгнать изъ себя всѣ чувствованія, каковыя бы еще могли у него быть.

Тщетно ожидалъ я съ часу на часъ обѣщаннаго врача. Онъ не бывалъ и не могъ быть; ибо когда я напослѣдокъ напомнилъ Щ — ну моему обѣщаніе его, то онъ пожимая плечами, отвѣчалъ: что не смѣетъ исполнить мою прозьбу; это противъ его инструкціи. — „И такъ вы хотите, чтобъ я умеръ безъ всякой помощи?„ Онъ думалъ: что я не умру; а ѣлъ бы и пилъ болѣе. — Я замолчалъ, отчаявшись получить какую нибудь помощь ослабшему моему тѣлу.

Пусть будетъ, какъ Богу угодно, думалъ я, естьли только можно мнѣ написать по крайней мѣрѣ послѣднія мои желанія, послѣднія распоряженія и прощаніе съ женою и дѣть-

ми! — Теперь возбуждалось въ груди моей одно только желаніе, ясно и точно воображавшееся мнѣ, желаніе сдѣлать мое завѣщаніе. Но какъ я легко могъ предвидѣть, что Щ — нъ еще менѣе согласится доставить мнѣ Нотаріуса, нежели врача; то сказалъ ему, что хочу причаститься Святыхъ Таинъ, и просилъ послать за Пасторомъ. *Но и то онъ упорно мнѣ отказалъ.*

Напрасно представлялъ я ему, что естьли онъ не заботится о спасеніи души моей, то подумалъ бы по крайней мѣрѣ, что у меня есть запутанныя денежныя дѣла; что я ихъ непремѣнно долженъ передъ смертію привести въ порядокъ, чтобы невинное мое семейство не потерпѣло отъ того; что Государю конечно не угодно наказывать жену и дѣтей моихъ; что право завѣщанія есть право священное, рѣдко и самымъ обличеннымъ преступникамъ отка-

зываемое. — Но все напрасно! ничто не могло убѣдить его.

Хорошо же, сказалъ я, по крайней мѣрѣ позволено ли мнѣ будетъ написать къ женѣ моей нѣсколько строкъ, которыя вы сами прочесть можете; вы ей это обѣщали и мнѣ дорогою не одинъ разъ повторяли тоже. Онъ подумавъ съ минуту, согласился на эту прозьбу. Я написалъ строкъ пять; въ нихъ ничего не было о горестномъ моемъ состояніи, а только ласковое увѣщаніе къ твердости и сохраненію себя для дѣтей нашихъ, безъ отца оставшихся. Я перевелъ письмецо Щ — ну, запечаталъ его и отдалъ ему. Онъ при мнѣ просилъ Маіора послать оное на почту, и я былъ спокоенъ. Но черезъ нѣсколько часовъ потомъ курьеръ, улучивъ удобную минуту, шепнулъ мнѣ: что *письмецо сожжено уже въ кухнѣ*. — Я содрогнулся. Я не думалъ, чтобъ Щ — нъ былъ *такъ* жестокъ.

Доселѣ я презиралъ его; теперь сталъ ненавидѣть. — Однакожъ я при всей его строгой бдительности нашелъ же случай, отправить изъ Москвы письмо къ женѣ моей. Я не смѣю сказать, какъ мнѣ это удалось, опасаясь навлечь хлопотъ добросердечному человѣку. Да воздастъ ему Богъ за его состраданіе! я надѣюсь, что милая моя Христинушка исправно получила не многія, скоро и съ робостію, за присмотромъ шести глазъ писанныя строки. (*)

Маія 8 къ вечеру, оставили мы Москву въ прекрасную, теплую весеннюю погоду. Мы долго ѣхали середи города возлѣ березовой аллеи, много

(*) Меня обманули. Она ихъ *не* получила. Александръ Шульгинъ, въ которомъ я, при всей его грубости, предполагалъ болѣе чувствительности, нежели въ командирѣ его, бравшій отъ меня немалыя деньги и клявшіеся иконами, доставить письмо, при всемъ томъ обманулъ меня.

похожей на липовую улицу въ Берлинѣ, гдѣ также какъ и тамъ, въ ясные дни люди большаго свѣта собираются для прогулки: пестрая свалка блестящихъ экипажевъ, разряженныхъ дамъ и быстроногихъ щеголей. Ни одна и ни одинъ не бросилъ и взгляда на бѣднаго автора, который можетъ быть въ тотъ же вечеръ въ театрѣ приносилъ имъ удовольствіе какою нибудь піесою своею. Какъ щастливые и нещастные толкутся вмѣстѣ въ свѣтѣ, проходятъ другъ мимо друга, не зная себя или не подозрѣвая взаимныхъ своихъ чувствованій! какъ рѣдко одинъ старается угадать другаго и каждой, только о себѣ самомъ помышляя, тащится своимъ путемъ ко гробу по цвѣтамъ или терніямъ! — Проѣздъ Москвою внушилъ мнѣ не пріятное, но другое чувствованіе, нежели каковое доселѣ беспрестанно терзало меня; и эта перемѣна была уже благотворна.

Не знаю, наставшая ли теплая погода, или совершенное мое преданіе, совершенная безнадежность были причиною того, — (ибо спокойствіе получается и тогда, когда нечего надѣяться): словомъ, я оправился по выѣздѣ изъ Москвы и съ каждымъ днемъ приходилъ болѣе въ силы. Мало по малу я даже началъ самъ собою ободряться и утѣшать себя примѣрами изъ древней и новой исторіи: особливо находилъ я ихъ множество въ новѣйшей. Я вспомнилъ о Напперѣ Тандіѣ; — но онъ подлинно игралъ важную ролю въ смятеніяхъ своего отечества: а что я сдѣлалъ? — Я вспомнилъ о сосланныхъ въ Казнну; — они должны были гораздо болѣе, гораздо ужаснѣе страдать, нежели я: — но они подлинно участвовали въ управленіи разстроеннаго Государства; хотя они страдали не справедливо, но за мнѣнія, дѣйствительно обнаруженныя? — Такъ ко всѣмъ этимъ утѣшеніямъ присоединялось сомни-

тельное *но*; и хотя я признавался самъ себѣ, что страданія мои не жестоки были, то напротивъ удостовѣрялся, что и невинность моя была очевиднѣе. —

Нѣтъ ужаснѣе мученія, какъ состояніе человѣка, чрезъ цѣлыя недѣли обращающагося въ себя, и все одною мыслію о нещастіи терзающагося; которой тщетно старается отвиться отъ нее, но все крѣпче оплетается ею, какъ Лаоконъ своими змѣями. — Такъ сидѣлъ я въ углу моемъ — не было человѣка, которой бы могъ мнѣ совѣтовать — который бы утѣшилъ меня — не было даже и такого, которому бы я могъ сообщить мои сѣтованія. — Курьеръ прогонялъ свою скуку или пѣніемъ, или сномъ. Звонкія его пѣсни, къ которымъ часто подтягивалъ еще ямщикъ, крайне были мнѣ противны; но гораздо болѣе плохія шуточки, которыми Щ — ву угодно

было показывать свое остроумiе; онѣже очень часто были повторяемы и всегда одинаково. Когда на примѣръ курьеръ спалъ, то онъ темлячкомъ трости своей до тѣхъ поръ шевелилъ у него по носу, пока онъ проснется; или когда проснется, то щекоталъ набалдашникомъ между плечь его; или когда приходилась высокая, крутая гора, то кричалъ онъ: молоденькая гора! а когда былъ то неважный пригорокъ: вотъ старуха! и множество такого вздору, которой особенно по частому повторенiю былъ мнѣ несносенъ. — Кто такъ какъ я, всегда имѣлъ самое лучшее, образованное обращенiе, тотъ могъ чувствовать, что непрiятность моего положенiя не мало такою компанiею увеличивалось.

Единственная добродѣтель, которой я иногда имѣлъ случай удивляться въ немъ, была какая-то безразсудная отважность, съ какою онъ

шелъ на всякую опасность и тогда, когда могъ избѣжать ее. На примѣръ, онъ крайне неохотно допускалъ тормозить колеса, хотя и съ самой крутой горы съѣзжать было должно. Я прежде очень остороженъ бывалъ въ такихъ мѣстахъ, и выходилъ самъ, а часто заставлялъ и жену мою выходить противъ воли ея. Но теперь, не чувствуя столько цѣны моей жизни, не смотрѣлъ на то, и оставался въ коляскѣ. Отъ того случилось однажды, что на высокой, прекрутой горѣ, при подошвѣ которой текла вода, лошади помчали насъ. Черезъ рѣку правда былъ мостъ; но по бѣгу лошадей видно тотчасъ было, что мы не на мостъ, а въ самую рѣку попадемъ. Въ этой очевидной опасности и бывъ только на два шага отъ берегу, выскочилъ Щ — нъ изъ коляски не отворивъ дверцовъ. На скоку попалъ онъ одною ногою на скатъ берега, а другая только осталась на плоскости; од-

накожъ онъ обѣими руками уставился противъ коляски, дабы она не могла опрокинуться, между тѣмъ какъ ямщикъ изо всѣхъ силъ поворотилъ лошадей на мостъ. Оно удалось; а естьлибъ только еще на волосъ ближе къ берегу; то бы мы вѣроятно утопились въ разлившейся рѣкѣ. Впрочемъ Щ — нъ повихнулъ себѣ правую руку.

Такуюжъ безразсудную отважность оказывалъ онъ часто при переправахъ черезъ рѣки, которыя особливо весною въ Россіи очень опасны бываютъ; отчасти отъ того, что отъ многихъ снѣговъ и самые малые ручьи становятся широкими, быстрыми протоками; отчасти, что распоряженія для переправъ часто крайне плохи. Обыкновенно употребляются къ тому двѣ лодки, которыя на концахъ связываются ивовыми вѣтвями, а поперегъ кладутся доски. На эти доски становится

повозка. Двое гребцовъ садятся съ одной стороны въ лодку, а третій съ другой правитъ плохимъ кормиломъ; и такъ они уповая на волю Божію пускаются въ самыя ярыя волны. Во время переправы въ течныя лодки обыкновенно наливается вода и онѣ отъ того все болѣе тонутъ, чѣмъ ближе приходятъ къ противному берегу. Часто бываетъ для переправы только поромъ (или плотъ) изъ бревенъ, связанныхъ древесными вѣтвями, и переклада, приколоченнаго сверху кольями, на которомъ стоишь тогда въ водѣ по самую глезну. Такой поромъ тянутъ напередъ канатомъ противъ воды, а тамъ въ нѣкоторомъ отдаленіи пускаютъ на волю стремнины и такъ на-кось правятъ къ другому берегу.

Это было подъ маленькимъ городомъ, (естьли не ошибаюсь подъ Василемъ,) гдѣ мы переправлялись черезъ Суру, впадающую тамъ въ

Волгу. Вся окружная страна на нѣсколько верстъ была наводнена; кой-гдѣ торчали изъ воды вершины деревъ. Лѣтомъ переправа не важна и коротка (*); но теперь была на цѣлой часъ ѣзды. Мы прибыли туда въ самую жестокую бурю; порома тогда не было на этой сторонѣ и намъ должно было ждать нѣсколько часовъ, пока насъ съ той стороны увидѣли. Наконецъ увидѣли мы поромъ въ движеніи, и по медленности, съ каковою плылъ онъ къ намъ безъ грузу, могли мы судить, сколько времени потребно будетъ ему съ грузомъ доставить насъ на мѣсто. Однакожъ на этотъ разъ противъ обыкновенія было на немъ пять человѣкъ, которые однакожъ всѣ объявили по прибытіи своемъ, что едва ли можно пускаться въ такую бурю, и совѣтовали намъ переночевать тамъ, гдѣ мы были.

(*) На обратномъ пути моемъ это точно оказалось.

Но Щ — нъ настоялъ на томъ, чтобъ насъ тотчасъ перевезли, и я, имѣвшій до того почти непреодолимой страхъ отъ воды, на этотъ разъ съ упорствомъ подтверждалъ его требованіе; я какъ будто вызывалъ судьбу, говоря: попытайся сдѣлать меня еще нещастнѣе, какъ я теперь! — Перевозчики должны были согласиться, какъ мы ссылались на свою курьерскую подорожную. Они перекрестясь и пробормотавъ нѣсколько разъ: Господи помиулй! отвалили отъ берегу. Съ начала шло еще изрядно; ибо мы плыли подъ защитою косы, гдѣ буря не могла насъ принять со всею силою. Но когда мы выплыли выше и свободнѣе около себя видѣть могли, тогда напала она на насъ съ яростію и при томъ еще находила упоръ въ коляскѣ моей. Какъ ни правили, какъ ни гребли и не прилагали силъ, мы неудержимо сбивались съ пути своего къ довольно еще отдаленному, по видимому

низкому кустарнику. Кормчій изо всѣхъ силъ кричалъ своимъ людямъ; они изо всѣхъ силъ гребли: напрасно! мы все болѣе приближались къ кустарнику. Съ начала не могъ я понять, для чего кормчій этого такъ боится; ибо, думалъ я, въ крайнемъ случаѣ намъ не льзя утонуть, но только развѣ разбиться, а по близости города кто нибудь поспѣшитъ же къ намъ на помощь. Но я скоро примѣтилъ ошибку свою, когда буря насъ подлинно гнала въ средину мнимаго кустарника; это были только вершины высокихъ деревъ и самой длинный шестъ не доставалъ тамъ до дна.

Теперь мы сѣли; пни древесные подъ водою остановили поромъ противъ бури. Такое положеніе не только что очень непріятно, но какъ я скоро усмотрѣлъ, и крайне опасно было; ибо вопервыхъ вѣтви, которыми лодки между собою связаны

были, отъ бури сильно терлись о противустоящія пни древесные и ни какъ не могли долго устоять. Когдаже бы лодки раздѣлились, то намъ не оставалось ничего болѣе, какъ броситься въ нихъ на лѣво и на право, и тогда коляска бы упала совсѣмъ моимъ имуществомъ въ воду. Однакожъ мы тогда бы вѣроятно спасли собственную свою жизнь. Но отъ того произошла еще другая, большая опасность. Одна изъ нашихъ лодокъ осѣла конечно на самой верхушкѣ дерева и поднялась отъ того такъ косо, что другая чрезъ то подалась въ воду и волны сильно въ нее били. Отъ того послѣдняя все болѣе наполнялась водою и тонула глубже, между тѣмъ какъ первая поднималась все выше. Четыре лошади, стоявшіе также на паромѣ, едва могли уже держаться, чтобъ не скатиться и отъ того не смирно стояли; мы сами принуждены были держаться за коляску. Конечно, есть-

либъ такое положеніе продолжалось только не многія минуты, то мы бы неминуемо погибли.

Теперь наконецъ увидѣлъ Щ — нъ, что его отважность можетъ кончиться бѣдою. Онъ былъ мертво блѣденъ, схватилъ, какъ и курьеръ, длинной шестъ съ желѣзными крючьями и изо всей мочи упирался имъ противъ ближняго дерева. Тогда же отложа весла и кормило, всѣ взяли шесты, чтобъ, естьли только можно удержаться, не перевернуться или лучше не утонуть. Я закутавшись въ плащъ свой, стоялъ прислонясь къ колесу коляски, и никогда бы не подумалъ, чтобъ я съ такою твердостію встрѣчалъ смерть.

Наконецъ совокупнымъ стараніямъ удалось шестами удержать паромъ отъ вершинъ деревъ; да мы еще такимъ образомъ нѣсколько вверхъ подались. Но никакъ не возможно было намъ добраться до цѣли

своей. Естьлибъ напослѣдокъ, — что скоро должно было послѣдовать — работающіе обезсилѣли, то мы бы въ мигъ опять очутились въ прежней опасности, и Небу извѣстно, избавились ли бы мы отъ нее опять, когдабъ къ нашему щастію изъ городу не усмотрѣли нашей бѣды. Легкая лодка съ четверыми человѣками приплыла къ намъ на помощь. Они привязали челнокъ свой къ порому и вскочили сами къ намъ; съ такимъ подкрѣпленіемъ нашихъ силъ мы напослѣдокъ черезъ три трудные часа прибыли къ пристани.

Естьлибъ я разположенъ былъ къ шуткѣ, то могъ бы сказать, что я, какъ Принцъ Тамино въ Волшебной флейтѣ прошелъ чрезъ огонь и воду, дабы посвящену быть въ таинства Сибирскія; ибо въ другой разъ мы ночью прибыли въ горящій лѣсъ, и еще (что рѣдко случается) въ та-

кой лѣсъ, которой сильно горѣлъ по обѣимъ сторонамъ узкой дороги.) Обыкновенно проѣзжая дорога пресѣкаетъ такой пожаръ; но здѣсь она конечно не довольно широка была.)

Съ начала, какъ мы еще довольно далеко были отъ горящаго мѣста, веселило меня такое зрѣлище, которое подлинно, особливо въ темнотѣ, доставляло величественной видъ. Но когда мы подъѣхали ближе и я увидѣлъ, что дорога наша прямо туда шла, то меня особливо новость опасности испугала. Поломемъ горящія ели наклонились тамъ и сямъ поперегъ дороги на противустоящія дерева, и такъ намъ должно было проѣзжать какъ бы въ горящія тріумфальныя ворота. Часто бывало — чего я все еще не понимаю, — что футовъ на шесть отъ корня считая, весь нутръ дерева горѣлъ, а только наружная нетронутая кора какъ буд-

то держала его. Оно всякую минуту могло обвалиться; и для чего не въ ту самую минуту, когда мы мимо его ѣхали? — Наконецъ наѣхали мы даже на большую сосну, лежавшую поперегъ дороги, и всѣми вверхъ торчавшимся, ярко горѣвшими вѣтвями совсѣмъ завалившую проѣзъ. Что было дѣлать? оставаться здѣсь, казалось столь же опаснымъ, какъ и далѣе ѣхать, а можетъ быть и опаснѣе; и такъ мы изо всей мочи понуждали фыркающихъ лошадей и онѣ благополучно съ нами перескочили черезъ самую тонкую часть горящаго дерева. Конечно было горящее пространство, которое мы такимъ образомъ проѣзжали, болѣе тысячи шаговъ. Я въ продолженіе дороги разъ сто видалъ, какъ лѣса горѣли, но никогда уже такъ близко. Нигдѣ не дѣлаютъ ни какихъ распоряженій во отвращеніе того; и я думаю, что при беспредѣльныхъ лѣ-

сахъ еще тому ради, что огонь трудится разрѣживать ихъ.

Теперь проѣхали мы Володимиръ и Нижній Новгородъ. — Хотя бъ и не было у насъ толь многихъ отмѣнныхъ путешествій по Россіи, то и тогда бъ напрасно ожидали отъ меня описанія городовъ, какъ я натурально совсѣмъ не былъ расположенъ дѣлать замѣчанія.

Одного утра, переночевавъ въ деревнѣ и когда хотѣли опять запрягать лошадей нашихъ, ужасно поразилъ меня весьма знакомый звукъ почтоваго колокольчика, звѣнѣвшаго съ Московской дороги. Крестьянинъ черезъ заборъ въ даль смотрѣвшій, вскричалъ: *курьеръ*! — Я стоялъ какъ вкопанный и ужасно дрожалъ. Теперь колокольчикъ звѣнѣлъ все ближе — теперь кибитка повернула за уголъ и это подлинно былъ курьеръ; — но и онъ везъ нещастнаго въ Сибирь! — Довольно пожилой человѣкъ,

въ шлафрокѣ и колпакѣ, вышелъ скованный изъ кибитки. Это былъ, какъ я послѣ узналъ, Подполковникъ изъ Рязани, достаточной человѣкъ, также мужъ и отецъ, котораго за ссору съ Губернаторомъ въ самую ночь схватили съ постели, сковали и въ шлафрокѣ посадили на телѣгу, не позволивъ ему даже взять съ собою ни платья, ни бѣлья. Ноги у старика отъ непривычныхъ оковъ распухли; онъ не могъ итти, и вообще по видимому былъ очень боленъ. Его провожалъ кромѣ унтеръ-офицера, Полицейской чиновникъ изъ Рязани, родомъ Грекъ, говорившій хорошо по Италіански и по видимому сострадательной и очень веселой человѣкъ. Онъ дѣлалъ все возможное для облегченія участи своего арестанта; онъ даже далѣе снялъ съ него оковы, которыя бы, думаю я, Щ—нъ охотно мнѣ наложилъ. Вообще былъ онъ человѣкъ образованный. По его веселости по видимому понравился онъ и

щ — ну и онъ даже позволилъ ему говорить со мною, что тѣмъ болѣе замѣчательно, что мы должны были говорить по Италіански, слѣдовательно языкомъ, котораго мучитель мой не разумѣлъ. Хотя я очень не твердъ былъ въ этомъ языкѣ, но для меня было это несказанное благодѣяніе, что могъ наконецъ говорить кой-что съ умнымъ человѣкомъ, живъ доселѣ болѣе трехъ недѣль совсѣмъ отчужденъ отъ людей.

Теперь мы продолжали путь свой большею частію вмѣстѣ и хотя иногда разлучались, но часто опять съѣзжались. Подполковникъ казался самымъ кроткимъ, основательнымъ человѣкомъ, мужественно сносившимъ положеніе свое. Провожатымъ своимъ былъ онъ гораздо счастливѣе меня; но я долженъ признаться, что во всемъ прочемъ мое состояніе было гораздо сноснѣе, нежели его: ибо онъ во всемъ имѣлъ недостатокъ и

только что успѣлъ еще взять съ собою нѣсколько денегъ, на которыя онъ однакожъ конечно не могъ дорогою ни платья купить, ни другой какой удобности имѣть. Это передъ моими глазами находившееся горестное утѣшеніе нѣкоторымъ образомъ подѣйствовало на меня; я бралъ съ него примѣръ тихой преданности и старался послѣдовать ему. — Имѣвъ у себя чай и сахаръ, я иногда укрѣплялъ его имъ. Тогда онъ такъ признательно улыбался мнѣ и такъ ему хотѣлось бы говорить со мною; но этаго утѣшенія мы оба лишены были.

Верстахъ въ 80 или 90 отъ Казани случилось намъ видѣть рѣдкость въ природѣ, о которой не могу умолчать. Это былъ человѣкъ ста тритцати лѣтъ. Сыну его было болѣе осмидесяти: но онъ походилъ еще на человѣка едва пятидесяти. Внучатъ и правнучатъ было у него

премножество. Старикъ лежалъ на лавкѣ и спалъ на жесткомъ тюфякѣ съ одной подушкой. Онъ мало уже видѣлъ; но прочія чувства еще всѣ у него были. Иногда хаживалъ онъ еще самъ въ лѣсъ, и добывалъ себѣ лыка на лапти. Особливо чудны показались мнѣ его руки, бывшія, не такъ какъ обыкновенно, сухи и морщиноваты, но полны и круглы. — Услышавъ, что гости пріѣхали, потребовалъ онъ свой кафтанъ, чтобъ встать, и предлагалъ мнѣ, ближе къ нему стоявшему, постель свою. Не могу описать, какъ меня это тронуло. Человѣкъ, родившійся въ 1670, хотѣлъ мнѣ — почти сто лѣтъ его молодшему человѣку — уступить свою постель, и спать ночь на голой землѣ! Я не могъ наглядѣться на него, и не охотно съ нимъ разстался. Очень бы желалъ я узнать многое о прежнемъ его образѣ жизни, которымъ онъ дожилъ до такихъ лѣтъ; но люди такъ хлопотали, и я такъ

мало умѣлъ по-Руски, что не могъ болѣе вывѣдать, кромѣ того, что онъ рѣдко пилъ водку и поздно женился.

На послѣдней станціи подъ Казанью наѣхали мы Генерала Мертенса, Нѣмца, котораго я прежде знавалъ. Онъ ѣхалъ въ Пермь, куда былъ опредѣленъ Вицъ-Губернаторомъ. Мы съѣхались у Волги; а какъ и тутъ вся страна далеко и широко была наводнена, то мы вмѣстѣ переправлялись чрезъ нѣсколько часовъ. Онъ былъ первой человѣкъ, съ которымъ я могъ опять говорить по Нѣмецки, напомнившій мнѣ старое хорошее время и сострадательно выслушавшій сѣтованія мои. Щ — нъ прежде былъ у него въ командѣ, все еще изъявлялъ ему великое подобострастіе и не осмѣлился мѣшать намъ говорить. — Отъ него свѣдалъ я многое, что теперь происходило въ большомъ свѣтѣ, но мало утѣшительнаго. Онъ также очень недоволенъ

былъ своимъ жребіемъ. Его, какъ стараго Генералъ-Маіора вдругъ безъ вѣдома и желанія, перевели въ гражданскую службу, и опредѣлили въ Пермь, 2000 верстъ отъ Петербурга. Мѣсто Вицъ-Губернатора тамошняго небыло для него повышеніемъ. Сверхъ того онъ долженъ былъ оставить въ Петербургѣ жену и дѣтей, о которыхъ съ нѣжностію говорилъ и тѣмъ тотчасъ привлекъ мое сердце. Я скоро кончу его исторію. Неблагорасположеніе щастія, загнавшее его въ Пермь, вдругъ обратилось въ благопріятствованіе; или лучше, щастіе съиграло съ нимъ конечно нѣсколько жестокую шутку: ибо въ Перми засталъ онъ опредѣленіе свое Губернаторомъ въ Тверь, куда легко могла фамилія его къ нему пріѣхать. Конечно нѣсколько странно было, какъ онъ дошелъ до того; однакожъ щастливъ онъ! Онъ шелъ къ щастію чрезъ горести; и я бы благодарилъ Бога, естьлибъ Государь велѣлъ меня

черезъ Сибирь везти въ Петербургъ! какъ бы охотно истребилъ я застѣнокъ памяти моей, гдѣ хранится исторія моего путешествія.

Въ Казанѣ, куда довольно поздно ввечеру прибыли, мы по обыкновенію миновали постоялыя дворы, и я мало или совсѣмъ не видалъ этого достопамятнаго города. У Щ — на былъ и здѣсь старинный пріятель, у которыхъ онъ обыкновенно останавливался. На этотъ разъ случилось это въ лежащей верстахъ въ трехъ отъ города такъ называемой Татарской слободѣ, у какого-то Поручика Естифея Тимофеича (прозванія его не упомню), человѣка по крайней мѣрѣ пятидесяти и самаго добросердечнаго по его лѣтамъ. Онъ былъ женатъ, но не имѣлъ дѣтей. Онъ ставилъ себѣ въ честь дружбу Щ — на и поминутно препоручалъ себя его милости. Онъ былъ не богатъ; но какъ онъ, такъ и жена его угощали насъ

съ такою сердечною готовостію, и давали такъ охотно, такъ много, такъ часто все, что у нихъ было и достать могли, что образъ этихъ добрыхъ грубыхъ людей никогда не выйдетъ изъ памяти моей. Надобнобъ было имѣть другой совсѣмъ желудокъ, нежели мой, — чтобъ угодить ихъ желанію. Правда я подлинно съ довольно сильнымъ аппетитомъ прибылъ въ Казань, (ибо на послѣднихъ до этаго города станціяхъ живутъ большею частію нелаасковые, неопрятные и всякое гостепріимство презирающіе Черемисы, Чуваши и Вотяки, отъ которыхъ совсѣмъ ничего получить не льзя, и даже не возможно войти въ гадкія ихъ избы) —; но при всемъ томъ мнѣ бы надлежало быть гораздо дюжѣйшимъ ѣдакомъ, нежели Санхо Панса, естьлибъ я хотѣлъ съѣсть все то, чемъ Естифей Тимофеичь меня подчивалъ. По утру рано кофе съ калачемъ и свѣжимъ масломъ; черезъ часъ потомъ пироги

къ водкѣ; часа черезъ два опять водку, соленую рыбу, колбасы и тому подобное; а тамъ за обѣдомъ четыре полные блюда; въ три часа кофе съ сухарями; въ пять часовъ чай со всякимъ пирожнымъ, а на конецъ опять изобильной ужинъ. — Помоги Господи какъ утирали мои провожатые! — Здѣсь же я въ первой разъ опять спалъ на хорошей постелѣ; и подлинно пребываніе въ Казани весьма бы меня укрѣпило, естьлибъ безчисленное множество таракановъ не огорчало мнѣ большею частію всѣ тѣ тѣлесныя благоугожденія. Не льзя вообразить себѣ несмѣтнаго числа этой гадины, которая кишмя кишѣла въ одной той комнатѣ. Я ни прежде, ни послѣ того не видывалъ, ниже въ самыхъ скверныхъ крестьянскихъ избахъ такого множества въ одномъ мѣстѣ. Они ползали по стѣнамъ и потолку, и эти тысячи тьмою тьмущей умножались, какъ скоро вносили ввечеру свѣчи въ

покой. Въ мигъ наваливались они на кусокъ хлѣба на столѣ такъ, что его совсѣмъ не видать было. Когда хотѣли ѣсть, то напередъ непремѣнно должно было отодвигать его отъ стѣны; а то бы не возможно было избавиться отъ нихъ, да и тутъ они бѣгая по потолку, часто падали на кушаньѣ. Всего меньше беспокоили они спящихъ; и хотя занавѣсъ у кровати усѣянъ былъ ими, однакожъ я не чувствовалъ чтобъ они кусали меня.

Цѣлые два дни пробыли мы въ Казани или лучше въ Татарской слободѣ. Здѣсь я опять имѣлъ случай, (хотя и карандашемъ только писанное) письмецо отправить по почтѣ къ женѣ моей; но Богъ вѣдаетъ, получила ли она его •)! Въ прочемъ занимался я тутъ составленіемъ прошенія къ Государю. Какъ мнѣ

(•) Она его не получала.

наистрожайше запрещено было что нибудь писать, то конечно любопытно знать, какъ я это началъ. — Курьеръ купилъ мнѣ въ Москвѣ съ вѣдома Щ — нъ карандашъ; я сказалъ, что хочу имъ записывать только разстояніе станцій. Еще досталъ я себѣ въ Москвѣ для упражненія въ Рускомъ языкѣ, Лексиконъ въ двухъ частяхъ въ четвертку; онъ напечатанъ былъ на писчей бумагѣ, и поля по бокамъ, а особливо внизу были довольно широки. На этихъ поляхъ записывалъ я все, что мнѣ приходило въ голову. На это употреблялъ я каждую минуту, когда Щ — нъ отходилъ отъ меня. Особливо по случаю нѣкоторой нужной починки у коляски имѣлъ я разъ два удовольствіе, писать нѣсколько часовъ; ибо Щ — нъ хвалился знающимъ въ этомъ, и всегда самъ стоялъ въ кузницѣ, пока работали около коляски. Такимъ образомъ я уже многое непримѣтно написалъ, а те

перь сталъ продолжать это дѣло въ закрытой кругомъ занавѣсомъ постелѣ, гдѣ для меня довольно свѣту было, и меня примѣтить не могли. Думали, что мнѣ нуженъ покой и потому мнѣ не мѣшали. — Я почиталъ это дѣло теперь уже нужнымъ, особливо потому, что я не совсѣмъ вѣрилъ обнадеженію Щ — на, что мнѣ изъ Тобольска безпрепятственно можно будетъ писать, и на случай запрещенія зналъ по крайней мѣрѣ черезъ кого (•) послать готовое на черно прошеніе къ женѣ моей, которая бы тогда переписала его начисто и доставила куда слѣдовало.

Прочее время мое въ Казани конечно проходило для меня крайне скучно. По большой части сидѣлъ я у окна на дворъ, и смотрѣлъ на стоявшую тамъ свою коляску, при

(•) Именно черезъ Шулыгина.

чемъ какъ бы повторялъ всѣ тѣ чувствованія, которыя меня въ тѣсномъ ея пространствѣ болѣе трехъ недѣль уже мучили. Единственное малое разсѣяніе имѣлъ я, видя очень пригожую и молодую Татарку, жену стараго Татарина, подъ нами жившаго; не потому, чтобы молодость и красота ея меня хотя мало привлекала, но отъ того, что Татарскіе нравы для меня совсѣмъ были новы. Татарская баба или дѣвка должна всегда, когда только увидитъ чужаго мущину, скрыться или закрыть свое лице. Этой же бѣдной молодой бабѣ очень часто было какое-то дѣло въ чуланѣ, бывшемъ черезъ дворъ прямо противъ моего окна. Сдѣлавъ же свое дѣло и увидя меня въ окнѣ, напередъ она тотчасъ отступала назадъ и выжидала, скоро ли я отойду отъ окна. Но когда я слишкомъ долго не отходилъ, то закрывалась она платкомъ, а за неимѣніемъ его и однѣми руками, что ей иногда очень трудно

было, какъ она обыкновенно кой-что выносила и отъ того руки у нее заняты были. Иногда хотѣла она закрыться концомъ косынки; но тогда могла открыть грудь. Желаяжъ въ скорости предупредить такой опасности, иногда изъ рукъ кой-что выпускала: надобно бывало наклониться, чтобъ поднять, и вотъ! лице и грудь открывались непосвященнымъ взорамъ. Невозможно соединять болѣе стыдливости съ большимъ жеманствомъ, какъ эта молодая баба дѣлывала; и въ другое время уловки ея меня бы очень могли раззабавить.

Недоброжелательная судьба приготовила мнѣ самое поразительное ощущеніе въ минуту передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Казани. Лошади были уже впряжены и мы хотѣли прощаться съ добродушнымъ нашимъ хозяиномъ, какъ курьеръ, у окна стоявшій, вдругъ вскричалъ: *Сенатской курьеръ!* Съ этими словами отво-

рилъ онъ въ мигъ окно, назвалъ того по имени и спросилъ: *кого тебѣ?* — Тебя! отвѣчалъ тотъ. — Я самъ бросился къ окну и видѣлъ, что курьера провожалъ почтильйонъ. Не удивительно, что у меня подгибались колѣни и я почти не слыхалъ и не видалъ ничего! Всѣ выбѣжали къ нему на встрѣчу. Я не смѣлъ и не въ силахъ былъ итти за ними; но лучь надежды ярко озарилъ меня. "Сенатской курьеръ ищетъ насъ, — почтильйонъ указываетъ ему нашу квартиру: за чѣмъ онъ? что ему надобно? — На всякой случай это до меня относится — что мнѣ скажутъ?" —

Ахъ! это было пустое! — Два Сенатора проѣзжали для обозрѣнія Сибирскихъ губерній. Курьеръ, находящійся при нихъ, узналъ въ Казани о нашемъ пребываніи тутъ и отыскивалъ своего товарища Шульгина. Во всю жизнь мою не случалось со

мною такого ужаснаго обмана; и содроганіе всѣхъ членовъ моихъ не прежде какъ черезъ нѣсколько часовъ могло пройти совсѣмъ. Съ этой жестокой минуты я совсѣмъ потерялъ надежду, чтобъ догоняющій курьеръ отозвалъ меня обратно, и сталъ спѣшить ѣхать, какъ прежде замедлялъ; ибо теперь мнѣ самому хотѣлось чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше прибыть на мѣсто, какъ для того, чтобъ наконецъ узнать всю тяжесть моего нещастія, такъ и чтобъ тѣмъ скорѣе послать прошеніе къ Государю и письмо къ женѣ моей.

Изъ Казани выѣхали мы 17 Маія и находили еще вездѣ много снѣгу въ лѣсахъ, хотя теплая погода давно уже стояла. — Отъ Казани до Перми безъ малаго 600 верстъ и дорога вездѣ идетъ самыми страшными хвойными лѣсами, гдѣ едва на трехъ или четырехъ миляхъ пона-

дается деревушка. Дорога хотя широка и довольно прямо прорублена лѣсами, но большею частію болотна, усѣяна пнями, и ѣдучи по нимъ кажется, что сердце вытрясетъ вонъ.

Здѣсь мы въ первой разъ наѣхали на большія партіи ссылочныхъ, которые отчасти по двое были скованы и пѣшкомъ шли въ Иркутскъ или на заводы Нерчинскіе. Между ими были и молодыя дѣвки, и ихъ провожала толпа вооруженныхъ крестьянъ пѣшихъ и конныхъ. Такіе ссылочные бываютъ на дорогѣ часто полгода, и болѣе; караульные ихъ смѣняются во всякой деревнѣ. Они просили у насъ милостины. — Ахъ! хотя я въ коляскѣ мимо ихъ проѣзжалъ, но состояніе мое можетъ быть еще хуже было, нежели ихъ! — Душа только означаетъ мѣру страданій.

Встрѣча этихъ людей, дремучія

лѣса, ужасная дорога, разсказываніе о многихъ смертоубійствахъ, бываемыхъ въ страшныхъ этихъ пустыняхъ: все это естественно бы должно умножить мрачное мое уныніе; — однакожъ — Богъ любви и упованія! Ты близокъ, когда нещастнаго оставляютъ послѣднія силы! — однакожъ въ этихъ самыхъ лѣсахъ блисталъ мнѣ новый лучь надежды: хотя часто тускло и только издали мелькая, какъ утреннее солнце сквозь Пермскія сосны; но все еще свѣтилъ онъ! Да и теперь еще, когда это пишу, согрѣваетъ онъ оледенѣвшую грудь мою. — Что это такое было, что произвело во мнѣ такое пріятное превращеніе, того не могу еще сообщить моему читателю теперь — можетъ быть и никогда! — а когда со временемъ и можно будетъ, о! тогда она уже будетъ исполнена, сладостная надежда, о которой доселѣ отваживаюсь только вымолвить, что она основывалась на *любви жены*

моей. По истинѣ! твердое основаніе! Да, естьли *она* еще жива!! естьли еще можно будетъ *ей* пріѣхать ко мнѣ! — Что она *желаетъ* того, въ томъ я увѣренъ.(•).

Въ Перми, куда мы безъ дальнѣйшихъ препятствій прибыли, по щастію у Щ — на не было знакомыхъ; также онъ мало по малу пересталъ опасаться моего побѣга и потому мы остановились у часоваго мастера, имѣвшаго родъ постоялаго двора. Пермь есть самое плохое мѣсто; но у часоваго мастера, родомъ изъ Риги, по имени Розенберга, служившаго нѣкогда сосланному Принцу Бирону, намъ довольно хорошо было. Здѣсь Щ — нъ часто оставлялъ меня одного; и дорожный ларчикъ мой оста-

(•) Надежда моя была намѣреніе къ побѣгу изъ Сибири, которое я хотѣлъ произвесть съ помощію жены моей, какъ на своемъ мѣстѣ объясню подробно.

вался теперь по большой части открытъ, и въ благопріятную минуту, я не зная самъ для чего, отнялъ сто рублей отъ прочей моей суммы и тщательно ихъ спряталъ, какъ будто предчувствовалъ, что здѣсь провожатый мой въ послѣдніе нападетъ на мою истощенную казну. Черезъ нѣсколько часовъ потомъ сталъ онъ просить денегъ. Съ начала я ему наотрѣзъ отказалъ; но онъ такъ осердился, и такъ много что-то проговаривалъ о донесеніяхъ, что я наконецъ открылъ свой ларчикъ. " Видите ли, говорилъ я, вотъ еще 110 рублей. Какъ мало этого для человѣка, которой въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ долженъ доставлять себѣ всѣ потребности и тѣмъ еще содержать себя до тѣхъ поръ, пока отпишетъ о нуждѣ своей за пять сотъ миль домой и оттуда получитъ еще деньги! однакожъ при всемъ томъ я въ послѣдній разъ подѣлюсь съ вами. Вотъ пятьдесятъ рублей.

Больше я не могу отнять у себя; а естьли вы этимъ недовольны, то дѣлайте, что хотите, но будете отвѣчать за то. Я тоже могу жаловаться." — Послѣднія слова его очень изумили; онъ сталъ ласковѣе, взялъ пятьдесятъ рублей, и послѣ меня такими докуками не беспокоилъ.

Впрочемъ казалось, что онъ наблюдалъ совсѣмъ корабельщикамъ противное правило, которые обыкновенно въ началѣ дороги грубы бываютъ, но чѣмъ ближе приплываютъ къ пристани, тѣмъ учтивѣе и ласковѣе становятся. Щ — нъ мой становился все несговорчивѣе, чѣмъ ближе мы становились къ концу нашей дороги: вѣроятно потому, что онъ уже не опасался, что я у него уйду. Приведу здѣсь еще одинъ примѣръ, за которымъ, къ моей радости, тотчасъ послѣдовало наказаніе его.

Это было — все равно, на кото-

рой станціи за Пермью — ввечеру около осьми часовъ, какъ собралась сильная гроза. Лошади наши были уже запряжены; но какъ громъ довольно близко намъ въ уши гремѣлъ, и удары становились все сильнѣе, то просилъ я Щ — на (что бы всякой другой и безъ прозьбы моей сдѣлалъ) подождать, пока пройдетъ гроза. Онъ отказалъ въ томъ. Я просилъ только подождать полчаса; но онъ настоялъ на своемъ. Тутъ сталъ я ему представлять опасность нашу, какъ намъ должно отчасти проѣзжать лѣсомъ, отчасти же что потныя лошади и многое желѣзо въ коляскѣ могутъ притянуть молнію. Онъ смѣючись говорилъ: это басни, выдуманныя студентами. — Я толковалъ ему, что это еще предосторожность, когда на дорогѣ застигнетъ гроза, то чтобы остановиться на открытомъ полѣ и выйти. — Онъ еще болѣе засмѣялся и спрашивалъ, какъ я могу этому вѣрить! — Мнѣ

бы не должно было сердиться на этова бѣднаго человѣка; но я въ самомъ дѣлѣ досадовалъ и отъ того не настоялъ болѣе, чтобъ выждать грозы, но не говоря болѣе ни слова вдругъ вскочилъ въ коляску. Естьли громъ поразитъ насъ, думалъ я, то *мнѣ* менѣе всего терять, а *ему* должна быть жизнь дороже всего.

Такъ мы поѣхали, а громовые удары становились все сильнѣе. Верстахъ въ двухъ отъ станціи пріѣхали мы къ обросшей мѣлкимъ кустарникомъ степи, которая съ правой стороны проѣзжей дороги горѣла яркимъ поломемъ. Видъ такой горящей степи очень отличенъ отъ вида горящаго лѣса. Огонь перебѣгаетъ, ползетъ, расстилается то тише, то быстрѣе по землѣ, иногда вспыхаетъ вверхъ, а иногда едва тлѣетъ, пока попадетъ на такіе мѣста, гдѣ въ высокой, сухой травѣ получитъ новую пищу. Намъ этотъ степной огонь, кромѣ густыхъ ды-

мовыхъ облаковъ, не могъ причинять никакого неудобства; но видъ былъ страшенъ! На право горящая степь, на лѣво пламенное небо; на право трескучее поломя, на лѣво катящійся громъ. Такъ отъѣхали мы опять нѣсколько верстъ, пока пріѣхали въ лѣсъ высокихъ елей и березъ, которой однакожъ былъ не длиненъ и при выѣздѣ изъ него очутились мы у широкой воды, черезъ которую на поромѣ переѣзжали въ находящуюся на томъ берегу деревню. Но поромъ былъ пустъ, (ибо люди конечно отъ сбирающейся грозы укрылись въ деревнѣ); вода была такъ широка, что намъ должно было долго кричать и звать, пока насъ услышали тамъ.

Наконецъ по бурнымъ волнамъ неслась къ намъ лодка; но въ ней сидѣлъ только одинъ человѣкъ, коего силы въ такихъ обстоятельствахъ отнюдъ недостаточны были,

хотя поромъ ходилъ по канату и тутъ не самая рѣка, а только разливъ ея былъ. Однакожъ мы рѣшились попытаться, не можемъ ли переправиться. Поромъ довольно далеко былъ отъ берегу; но перевозчикъ сказалъ, что никакъ не возможно его ближе притянуть, а то попадешь на мѣлководье и тогда едва ли можно будетъ отвалить. Однакожъ онъ думалъ, что добрыя наши лошади, (которыхъ мы теперь по дурной дорогѣ впрягли пять) втащутъ коляску и черезъ воду; и по его словамъ мы на это пустились. Колеса по самую ось были въ водѣ. Четыре лошади благополучно попали на поромъ; но пятая, коренная, задними ногами осталась въ водѣ, повалилась и не могла опять подняться. Крикъ, дерганье и удары не помогали; всякое покушеніе было напрасно и подымало на бокъ коляску, и къ поромъ качался, а прочія четыре лошади все сильнѣе тянули. Провожатые мои

въ самомъ началѣ вышли; а я съ нѣкоторымъ недоброжелательнымъ упорствомъ остался. Но теперь, когда коляска ежеминутно готова была опрокинуться и сверхъ того плохая лыковая веревка, которою поромъ держался у берегу, отъ дерканья лошадей легко могла порваться; теперь разсудилъ и я послѣдовать ихъ примѣру. Я выскочилъ по колѣни въ воду, а потомъ вскарабкался на поромъ. Щ — нъ взялся самъ за кнутъ и сѣлъ на козлы; ямщикъ дергалъ лошадей подъ уздца; курьеръ билъ ихъ сукомъ отъ дерева; крестьянинъ изо всей мочи держалъ веревку, а я стоялъ безъ дѣла измочивъ ноги, въ ужасной бурѣ и проливномъ дождѣ. — Въ самой этотъ шумъ и крикъ, вдругъ ударилъ громъ въ березу, много что въ трехъ стахъ шагахъ отъ насъ, и дробящій ударъ, за тѣмъ послѣдовавшій, оглушилъ насъ всѣхъ на нѣсколько минутъ. Всѣ голоса замолкли, всѣ руки опу-

стились, и тотчасъ поднялись и клали кресты. Щ — нъ поблѣднѣлъ, а курьеръ укорялъ его, что онъ по прозьбѣ не согласился выждать часа. Онъ со стыдомъ молчалъ, а я горько усмѣхался.

Однакожъ съ этимъ ударомъ гроза истощила свою ярость; она прошла; буря и дождь утихли; съ другаго берега по болѣе людей приспѣли намъ на помощь и мы наконецъ благополучно переправились. (•)

Онъ Перми до Тобольска остается съ небольшимъ девять сотъ верстъ; но дороги гораздо лучше и мѣсто веселѣе, нежели между Казанью и Пермью. Совсѣмъ уже нѣтъ темныхъ хвойныхъ лѣсовъ, а по большей части молодой березникъ, и

(•) На обратномъ пути моемъ вода эта почти совсѣмъ сбыла, и я съ трудомъ могъ отыскать молніею расколотое дерево.

промежду большія полосы прекраснѣйшей, обработанной пашвы съ тучнымъ посѣвомъ. Достаточныя деревни, то Рускія, то Татарскія, лежатъ въ недальнемъ одна отъ другой разстояніи; и не знавъ того, особливо по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда вездѣ толпятся люди, не льзя бы было подумать, что въ Сибири находится. Также домы Сибирскихъ крестьянъ гораздо чище и удобнѣе домовъ прочихъ Россіянъ. Почти у всѣхъ кромѣ простой избы есть еще изряднехонькая горница, и въ ней слюдовые окна, ковромъ накрытый столъ, чистыя лавки, прекрасно убранные образа и всякая посуда, чего мы давно въ крестьянскомъ быту не находили, на примѣръ, стаканы, чашки и проч. Да кажется, что Сибиряки и гостепріимнѣе Рускихъ. Впрочемъ ихъ легко различить можно по особому ихъ выговору.

Въ будни только все примѣтнѣе становилось малолюдство; ибо мы

часто проѣзжали цѣлыя мили не встрѣчая ни одного человѣка, и пустыя поля казались какъ будто волшебными жезлами приведены въ цвѣтущее ихъ состояніе. — Но ничего нѣтъ радостнѣе и веселѣе Рускихъ поселянъ въ праздничные дни. Во всѣхъ деревняхъ на открытомъ мѣстѣ находишь хороводы дѣвокъ въ красное съ бѣлымъ, или синимъ одѣтыхъ, которыя взявшись за руки подъ пѣсни свои пляшутъ, или молодыхъ ребятъ, забавляющихся въ какую нибудь игру. Послѣднѣе однакожъ рѣже встрѣчается; и я по очевидности вездѣ находилъ болѣе бабъ и дѣвокъ. Никогда не видалъ я, чтобъ оба пола вмѣстѣ играли. Ребятишекъ было премножество, но почти все такихъ, которые родились еще при прежнемъ царствованіи. Впрочемъ крестьяне съ великимъ усердіемъ вспоминали свою Матушку — такъ называли они покойную Императрицу.

Въ Пермской губерніи находится еще одинъ только значущій городъ Екатеринбургъ (*). Тамъ-то Щ — нъ на конецъ по случаю замѣтилъ, что я почти совсѣмъ исписалъ бѣлые поля моего Лексикона. Онъ испугался, ужасно разсердился, и хотѣлъ истребить писанное. Но я такъ же сильно ему воспротивился. Онъ грозилъ объявить о томъ Тобольскому Губернатору. Я сказалъ: что онъ можетъ это сдѣлать; что у меня въ писанномъ содержится только на черно прошеніе къ Государю, а онъ самъ же увѣрилъ меня, что я къ Государю писать могу. — „ Это будетъ зависѣть, выболталъ онъ, отъ предписанія, какое конечно Губернаторъ получитъ объ васъ. „ —

Такъ!! возразилъ я; такъ вы это и сами на вѣрное не знали, хотя

(*) Онъ довольно извѣстенъ по горнымъ заводамъ своимъ.

клятвенно меня обнадеживали? По этому вы также и того не знаете, въ Тобольскѣ ли мнѣ назначено быть или нѣтъ?

Онъ изумился, съ нова клялся, что ему приказано только довезти меня въ Тобольскъ, и за моими упреками забылъ онъ о Лексиконѣ и прошеніи моемъ; по крайней мѣрѣ не говорилъ болѣе о томъ. Но въ разтерзанное мое сердце вдавилъ онъ новое жало. Теперь я на вѣрное зналъ, что судьба моя еще не рѣшена, и что я можетъ быть еще не до дна выпилъ чашу страданія.

Тюмень есть первый пограничный городъ. Верстъ 40 и нѣсколько до него, начинается середи лѣсу Тобольская граница, означенная столбами. Щ — нъ не пожалѣвъ меня указалъ мнѣ эти столбы и объявилъ, что они значатъ. Я ничего не отвѣчалъ; но страшное чувствованіе

разодрало мое сердце. — Ахъ! не мучитъ ли само себя и безъ того живое воображеніе? для чего малые чувственные предметы должны еще усугублять его дѣятельность! —

И такъ теперь я подлинно былъ въ Сибири; и встрѣтившееся мнѣ на самой первой станціи, конечно не могло облегчить горести этой извѣстности. Теперь опишу исторію, пламенными чертами врѣзавшуюся въ груди моей и наполнившую глаза мои горючими слезами! — И по нынѣ еще долженъ я собраться съ духомъ, чтобъ разсказать ее, и по нынѣ еще она почти подавляетъ мое сердце.

Для перемѣны лошадей остановились мы въ деревнѣ и вошли въ сосѣдственную избу поѣсть простокваши, которою насъ съ ласкою подчивали. Въ то самое время, какъ я передъ избою крошилъ себѣ хлѣбъ въ простоквашу, подошелъ старикъ

по меньшей мѣрѣ лѣтъ семидесяти, съ бородою и волосами какъ снѣгъ бѣлыми, съ трудомъ бросился наземь передъ нами и усильно спрашивалъ насъ: „не привезли ли мы ему изъ Ревели письма.“ — При этихъ словахъ хлѣбъ неразкрошенный остался въ рукѣ моей. Я устремилъ глаза на старика и не вѣрилъ себѣ, такъ ли я слышалъ. Крестьянка смѣючись вступилась и шепнула намъ: онъ помѣшанъ; какъ только проѣзжаетъ кто здѣсь, то онъ встаетъ со смертнаго одра своего, притащится на клюкѣ своей сюда и всегда объ этомъ спрашиваетъ. Притомъ просила она насъ дать ей какую нибудь бумагу: ибо, говорила она, чтобъ удовольствовать его и отъ него отдѣлаться, то надобно только прочитать ему что нибудь похожее на письмо, а не то, такъ онъ начнетъ выть и не пойдетъ съ мѣста. — Я съ трепетомъ подалъ ей лоскутъ бумаги. Она подошла къ

нему и дѣлала, какъ будто читаетъ: „любезной мужъ, я слава Богу здорова; также и дѣти; мы скоро къ тебѣ будемъ и всего навеземъ, и проч.„ Старикъ съ умиленіемъ слушалъ, улыбался, поглаживалъ сѣдую свою бороду и весело кивнулъ головой. Лоскутокъ бумаги онъ тщательно спряталъ за пазуху. Потомъ самъ разсказалъ мнѣ довольно связно, что онъ былъ солдатомъ, служилъ нѣкогда во флотѣ въ Ревелѣ и Кронштадѣ и напослѣдокъ отставленъ сюда на инвалидное содержаніе. Жену и дѣтей оставилъ онъ въ Ревелѣ и потомъ никогда никакой вѣсти объ нихъ не имѣлъ. По его мнѣнію все это еще не такъ давно было и онъ съ жаромъ спорилъ, когда крестьянка стала утверждать, что тому уже тритцать пять лѣтъ. Онъ не далеко отъ насъ сѣлъ на скамью. Щ—нъ и курьеръ шутили надъ нимъ; но онъ какъ будто не замѣчалъ ихъ, а говорилъ много про

себя, чего однакожъ я совсѣмъ разобрать не могъ. Наконецъ онъ громко проговорилъ сокрушившія меня слова: гдѣ ты теперь, голубушка моя! въ Ревелѣ, въ Ригѣль или Петербургѣ! — Эти слова такъ шли къ моему состоянію, и такъ сильно потрясли меня, что я едва имѣлъ еще силу отворотиться и выйти на дворъ, гдѣ залился прегорькими слезами. — Ахъ! этотъ старикъ представлялъ мнѣ, можетъ статься, картину моего будущаго положенія! Такъ и я можетъ быть нѣкогда буду бродить помѣшанный и у каждаго проѣзжаго просить письма изъ Ревели! — Такъ и я теперь уже долженъ воскликнуть: гдѣ ты, моя милая! мои дѣти! въ Ревелѣ, въ Ригѣль вы, или въ Петербургѣ! Никогда, никогда послѣ того не ощущалъ я опять такого истребляющаго, сердце какъ бы растевающаго прискорбія, и образъ этого старика часто и теперь еще тревожитъ меня въ безсонныя ночи! —

Я еще не оправился, какъ запрягли нашу коляску и я долго не могъ унять судорожнаго моего иканія. Провожатые мои не понимали, что со мною сдѣлалось и для чего я не хотѣлъ ѣсть; да и не стоило труда имъ это обьяснить: они бы стали еще смѣяться надо мною. — Почти стыжусь сказать, что я отходя старику сунулъ въ руку денегъ. У человѣка, которой тритцать пять лѣтъ такъ привязанъ къ женѣ и дѣтямъ, и подъ лохмотьями такое сердцѣ, которое не льзя утѣшить деньгами. Онъ равнодушно посмотрѣлъ на нихъ и даже не поблагодарилъ меня. Я вскочилъ въ коляску и закрылъ лице свое.

Такова-то была первая мнѣ встрѣча въ Сибири! съ этимъ терніемъ въ груди прибылъ я на первую станцію передъ Тобольскомъ! Здѣсь рѣки Иртышь и Тоболъ разлились мили на четыре; и такъ намъ должно

было оставить коляску, положить вещи свои въ лодку и водою продолжать путь. День былъ тихой и очень жаркой. Мы плыли довольно скоро; провожатые мои легли спать, а меня предоставили мучительной неизвѣстности, кончится ли тутъ ѣзда моя или нѣтъ. —

Конецъ первой части.

Г. А. Фролов.

ДОСТОПАМЯТНЫ ГОДЪ ЖИЗНИ АВГУСТА КОЦЕБУ,

или

ЗАТОЧЕНІЕ ЕГО ВЪ СИБИРЬ

И ВОЗВРАЩЕНІЕ ОТТУДА,

Описанное имъ самимъ.

Съ Нѣмецкаго перевелъ

В. Кряжевъ.

Часть вторая.

МОСКВА, 1806.

Въ привилегированной Типографіи

Кряжева и Мея.

Съ одобренія Коллежскаго Совѣтника, Профессора при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и печатаемыхъ въ состоящей подъ покровительствомъ Императорскаго Воспитательнаго Дома Типографіи книгъ Ценсора,

И. ГЕЙМА.

Государственная
Библиотека
С С С Р
им. В. И. Ленина
7544-63

СОДЕРЖАНІЕ

второй части.

Пріѣздъ въ Тобольскъ. -- Первый разговоръ съ Губернаторомъ. -- Квартира въ Тобольскѣ. -- Сдача ссылочнаго Полицейскому Офицеру. -- Г. Киндяковъ. -- Баронъ Сомаруга -- Исторія удивленія достойной супруги его. -- Купецъ Бекеръ. -- Психологической феноменъ. -- Надворной Совѣтникъ Петерсонъ. -- Прошеніе на имя Государя. -- Благодушіе Губернатора -- Позволеніе нанять слугу. -- Италіанецъ Росси. -- Внезапное ограниченіе прежней свободности. -- Нѣжное состраданіе Тобольскихъ купцовъ. -- Описаніе разныхъ родовъ ссылочныхъ. -- Участь Подполковника изъ Рязани. -- Образъ жизни Автора въ Тобольскѣ. -- Нещастное положеніе Губернатора. -- Описаніе Тобольска. -- Рыбной рынокъ. -- Театръ. -- Маскерады и балы. -- Климатъ Тобольской. -- Произведенія пошвы. -- Болѣзни. -- Объявленіе необходимости оставить Тобольскъ. -- Продажа коляски и обманъ. -- Приготов-

денія къ отъѣзду. -- Верховная жрица солнца. -- Ѣзда въ Курганъ. -- Ботаническая достопамятность. -- Гостепріимство Сибирскихъ крестьянъ. -- Пріѣздъ въ Курганъ. -- Описаніе городка -- Пріемъ отъ первой начальствующей особы.-- Исторія и характеръ Надворнаго Совѣтника де Грави. -- Полякъ Иванъ Соколовъ. -- Первая отведенная квартира. -- Описаніе нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ въ Курганѣ. -- Исторія благороднаго Поляка. -- Наемъ квартиры для Автора и описаніе оной. -- Умѣренный столъ. -- Образъ жизни Автора и его суевѣріе. -- Сосѣдственные Киргизцы. -- Охота -- Прогулки по берегу Тобола. Курганскія дѣвки. -- Расположеніе къ побѣгу. -- Описаніе имениннаго пира. -- Авторъ неожидаемо освобождается. -- Участіе Курганцовъ. -- Церковный праздникъ. -- Прощаніе съ Соколовымъ. -- Отъѣздъ изъ Кургана. -- Князь С--ій. -- Безумный, ползающій на четверенкахъ. -- Сцена въ Татарской деревнѣ. -- Пріѣздъ въ Тобольскъ. -- Доказательства великодушія Павла I. -- Курьеръ Карповъ. -- Россиморъ. -- Отъѣздъ изъ Тобольска. -- Болѣзнь -- Сибирская граница -- Нетерпѣливость Автора и безпечность курьера.--

Василій Сукинъ. -- Ссылочной купецъ. -- Опасность въ Кунгурѣ. --- Ссылочные и колонисты -- Казань. Пребываніе тамъ. -- Разбои. -- Мѣры предосторожности для безопасности почтъ. -- Нижній Новгородъ -- Гостепріимство. -- Чаемый умыселъ къ разбою -- Москва --- Книгопродавецъ Куртенеръ. -- Писатель Карамзинъ. -- Вышній Волочекъ. -- Пріѣздъ въ Петербургъ. -- Пріемъ тамъ. -- Первая горестная ночь. -- Первая вѣсть о женѣ и дѣтяхъ. -- Свиданіе. --- Исторія Гжи Коцебу. -- (Поступокъ Курляндскаго Губернатора. - Праводушный трактирщикъ Редеръ. -- Генералъ Эссенъ. -- Совѣтникъ Вехтеръ. -- Секретаръ В -- тъ. -- Рига. -- Благородный Губернаторъ Рихтеръ. -- Графъ Сиверсъ. -- Трогательная простота дѣтей. -- Отъѣздъ во Фриденталь. -- Пробстъ Кохъ и семейство его. -- Полученіе письма и печальное его дѣйствіе. -- Отъѣздъ въ Ревель. -- Кнорингъ и жена его. -- Добродушная горничная Катерина Тенгманъ. Неожидаемое радостное извѣстіе. -- Письмо Графа фонъ деръ Палена. -- Милость Императора. -- Ревельскіе жители. -- Отъѣздъ въ Петербургъ. -- Нѣжное благодушіе Граумана. --) Трогательная сцена. -- Графъ Паленъ. -- По-

жалованіе помѣстья въ Лифляндіи. -- Письмо Тайнаго Совѣтника Брискорна. -- Опредѣленіе въ Директоры Нѣмецкаго театра -- Возвращеніе всѣхъ бумагъ. -- Благородный поступокъ неизвѣстнаго. -- Причины освобожденія Автора. -- Необычайная выдумка Государя. -- Первой разговоръ Автора съ Нимъ. Препорученіе описать Михайловской замокъ -- Тщетная прозьба о увольненіи. -- Послѣдній разговоръ съ Императоромъ. -- Возшествіе на престолъ АЛЕКСАНДРА. -- Возвращеніе ссылочныхъ изъ Сибири. -- Освобожденіе Соколова. -- Авторъ проситъ о увольненіи. -- Отъѣздъ изъ Петербурга -- Заключеніе.

Часа черезъ три увидѣлъ я въ отдаленіи Тобольскъ, лежащій на крутомъ берегу Иртыша. Со многими своими церквами онъ кажется довольно живописнымъ, особливо верхняя часть города, гдѣ крѣпость и бывшій Генералъ-Губернаторской домъ отмѣнный дѣлаютъ видъ. Но послѣдній совсѣмъ опустошенъ пожаромъ и только издали прельщаетъ.

Провожатые мои проснулись. Щ — нъ предался непомѣрной радости; онъ шутилъ, пѣлъ и безпрестанно смѣялся. На противъ курьеръ сидѣлъ смирно и задумавшись: онъ зналъ, что здѣсь рѣшится судьба моя; онъ только изъ подъ-тиха на меня взглядывалъ и отъ него ничего не слыхать было.

Теперь плыли мы частію нижняго городка, совершенно въ водѣ сто-

явшаго, гдѣ обыватели на лодкахъ другъ къ другу переплывали и дѣла свои исправляли. Въ 4 часа по полудни пристали мы къ берегу, 30 Маія, не далеко отъ базару, послали за извощикомъ съ кибиткой, бросили въ нее не большіе наши пожитки и поѣхали прямо къ Губернатору, жившему вверху на горѣ. У дому его Щ — нъ напередъ вышелъ одинъ, а меня оставилъ одного съ курьеромъ. Эта четверть часа была для меня изъ самыхъ мучительныхъ въ моей жизни. Губернаторскіе люди выходили одинъ за другимъ, смотрѣли на меня и шептали между собою.

Наконецъ явился Щ — нъ, мигнулъ мнѣ итти за нимъ, и повелъ садомъ къ бесѣдкѣ, гдѣ Губернаторъ послѣ обѣда отдыхалъ. Идучи я спросилъ его только: „здѣсь ли я останусь?„ — и онъ сухо отвѣчалъ мнѣ тогда: не знаю.

Бесѣдка была отворена. Щ — нъ

мигнулъ мнѣ, чтобъ я вошелъ; а самъ остался назади. И такъ я смѣло вошелъ. Губернаторъ, господинъ Кушелевъ, котораго мнѣ уже въ Перми хвалили какъ друга человѣчества, былъ по старѣе сорока лѣтъ, съ умною, благородною физономіею. Первые слова его были: parlez vous français, Monsieur (*)? Мнѣ показалась, какъ будто Ангелъ съ неба говорилъ со мною: такъ я радовался тому, что наконецъ могу совершенно объясниться. Я поспѣшно выговорилъ: да. — Тогда просилъ онъ меня, не какъ арестанта, но какъ гостя, сѣсть возлѣ него и говорилъ: „ имя ваше мнѣ извѣстно; есть сочинитель одного съ вами имени. „

Ахъ! по нещастію, вздохнувъ сказалъ я, я самъ этотъ сочинитель!

Онъ изумился. „ Какъ! сказалъ онъ; какъ это можно? — За чѣмъ вы здѣсь?„ —

(*) Говорите ли вы по Французски, сударь?

Я этого не знаю. Мнѣ того не сказано. По сихъ поръ я надѣялся, что по крайней мѣрѣ узнаю то отъ Вашего Превосходительства.

,, Отъ меня? — Я ни чего не знаю, кромѣ что сказано въ этомъ повелѣніи: что вы Коллежскій Ассесоръ Коцебу изъ Ревеля и поручаемесь моему присмотру.,, (Онъ показалъ мнѣ повелѣніе, въ которомъ было только строкъ пять или шесть.)

Я не изъ Ревеля пріѣхалъ, но съ Пруской границы.

,, Можетъ быть вы не имѣли позволенія отъ Государя? у васъ не было пашпорта? ,,

О конечно, былъ пашпортъ данный отъ имени Его Императорскаго Величества отъ Министра.

Губернаторъ хотѣлъ было что-то сказать, но удержался. ,, Развѣ вы совсѣмъ не знаете, продолжалъ наконецъ Губернаторъ, въ чемъ могли васъ почитать виноватымъ? ,,

Совсѣмъ не знаю; и хотябъ мнѣ на этомъ мѣстѣ умереть! Ваше Превосходительство легко повѣрить можете, что я во всю дальнюю такую дорогу довольно ломалъ себѣ голову, чтобъ найти причину такого чрезвычайнаго поступка со мною.

(Губернаторъ послѣ нѣкотораго молчанія.),, Я читалъ все, что изъ вашихъ сочиненій переведено на Руской языкъ, и очень радуюсь, что лично съ вами могу познакомиться, хотя бы ради васъ и не желалъ этова здѣсь. ,,

По крайней мѣрѣ для меня это великое облегченіе моего нещастія, что я попалъ въ руки такой особы, и надѣюсь, что мнѣ можно будетъ остаться здѣсь при васъ.

,,Сколько бы для меня самаго выгодно было ежедневное обращеніе съ вами; однакожъ по нещастію долженъ вамъ открыть, что не въ моей

волѣ состоитъ, исполнить это желаніе ваше.,,

Я ужасно испугался. Такъ я даже и *здѣсь* не могу остаться? возразилъ я прискорбно: не довольно ли уже и того нещастія, чтобъ почитать за милость пребываніе въ Тобольскѣ? не уже ли долженъ я еще далѣе ѣхать въ немощномъ моемъ состояніи?

,,Сколько состоитъ въ моихъ силахъ, то я теперь и всегда буду стараться о вашемъ облегченіи; но въ повелѣніи предписано, мнѣ назначить вамъ мѣстопребываніе въ Тобольской губерніи, а не въ самомъ Тобольскѣ, и вы знаете, что я во всей точности долженъ держаться повелѣнія. Между тѣмъ я предоставляю на вашъ выборъ всѣ маленькіе города моей Губерніи, исключая Тюмени, потому что онъ лежитъ на проѣзжей дорогѣ.,,

Я по сіе время такъ еще не знакомъ въ Сибири, что такой выборъ предоставить долженъ единственно благоугодности Вашего Превосходительства, а прошу только позволить мнѣ остаться какъ можно ближе къ Тобольску.

Тогда назвалъ онъ мнѣ Ишимъ какъ самой ближній городъ (въ 342 верстахъ отъ Тобольска), но присовокупилъ къ тому: однакожъ дружески совѣтую вамъ лучше ѣхать въ Курганъ. Хотя онъ не много подалѣе (427 верстъ,) но за то тамъ климатъ гораздо сноснѣе:,, это, сказалъ онъ улыбаясь, Италія Сибири и тамъ ростутъ даже дикія вишни. Но что лучше вишенъ, то тамошніе обыватели предобрые люди, съ которыми очень ужиться можно.,,

Смѣю ли я покрайней мѣрѣ пробыть здѣсь нѣсколько недѣль, чтобы хотя отдохнуть отъ претерпѣвы-

ныхъ трудностей? — Онъ это, подумавъ не много, очень благосклонно позволилъ и обѣщалъ, что самъ пришлетъ мнѣ врача.

Теперь лежалъ у меня на сердцѣ трудной вопросъ. Могули я писать къ Государю? сказалъ я запинаясь.

„Конечно.“

И къ женѣ моей?

„Тоже; только въ пакетѣ на имя Генералъ-Прокурора, которой тогда письмо доставитъ, когда въ немъ ничего сомнительнаго не найдетъ.„

Съ облегченнымъ нѣсколько сердцемъ всталъ я тогда. Онъ приказалъ отвесть мнѣ въ городѣ хорошую квартиру, и я откланялся вмѣстѣ съ Щ — нымъ.

„Здѣсь ли вы останетесь? спросилъ меня Щ — нъ идучи назадъ. — Нѣтъ! отвѣчалъ я ему коротко и сухо; но курьеру я все разсказалъ. —

Щ—нъ сказалъ мнѣ: Губернаторъ де желалъ отъ меня узнать, не родня ли вы какому то сочинителю одинакова имени; но я де не могъ ему этова сказать.—Я усмѣхнулся. Вообще забавно было видѣть, какъ онъ дивился, видя мало по малу, что такъ многіе люди въ Тобольскѣ меня знали и ласкали. По истинѣ сказать, я и самъ отнюдъ не чаялъ, чтобъ въ такой отдаленной, суровой странѣ могъ найти столько знакомыхъ, и даже смѣю сказать, столько сострадательныхъ *друзей*. Однакожъ не стану прерывать моего повѣствованія.

Полиція назначила намъ квартиру, которую обыкновенно съ начала отводятъ всякому нещастному чиновному ссылочному. Тутъ двѣ совершенно пустыя комнаты у мѣщанина, которой нося эту повинность безъ платы, натурально не имѣетъ охоты убирать по лучше эту квар-

ширу. Перебитыя окна, голыя стѣны, съ лоскутами бывшихъ обоевъ, гадины премножество, большія лужи передъ окнами и отъ того претяжелой духъ; вотъ таковы-то были пріятности, которыя съ перваго взгляду я увидѣлъ; но это все еще было любо для человѣка, опасавшагося, что его въ темную тюрьму посадятъ: ибо — не могъ ли я всего ожидать? Теперь я подлинно не много покойнѣе сталъ; ибо неизвѣстность меня уже не мучила. Я стоялъ уже на вершинѣ моего нещастія и безпрепятственно обозрѣвалъ все мое положеніе.

Щедростію, показавшеюся хозяину моему рѣдкою, но мнѣ привычною, скоро я довелъ до того, что мы достали нѣсколько дурной мебели, именно столъ и пару деревянныхъ скамеекъ. Кровати получить я не могъ надѣяться. Да для меня уже и не новое было, разослать на-земь

плащь мой, и покрываться старымъ шелковымъ моимъ рединкотомъ, въ которой прежде всегда закутывали меньшаго моего робенка, когда его переносили куда по улицѣ или на сквозномъ вѣтру. Не знаю, какъ случилось, что горничная жены моей сунула мнѣ въ коляску этотъ рединкотъ; но но нынѣ еще благодарю ее за то: ибо онъ мнѣ напоминалъ многія сладостныя чувствованія. — Здѣсь купилъ я себѣ также тюфякъ. Смертная постель моя! подумалъ я, какъ въ первой разъ на него бросился; и теперь еще, пишучи это, такъ думаю.

Съ часъ послѣ того, какъ мы расположились въ нашей квартирѣ, пришелъ Полицейской Офицеръ съ унтеръ-офицеромъ и формально принялъ меня отъ Щ — на, до котораго мнѣ съ того времени, къ великой радости моей, никакого дѣла не было. Полицейской Офицеръ (по имени Ка-

талинскій) былъ молодой человѣкъ отмѣнно пріятнаго лица. Онъ очень вѣжливо сказалъ мнѣ, что всякой день по утрамъ будетъ навѣдываться о моемъ здоровьи, какъ онъ для формы долженъ ежедневно обо мнѣ рапортовать. Унтеръ-офицеръ, примолвилъ онъ, останется хотя при васъ, но не караулить, а прислуживать вамъ долженъ. Потомъ онъ меня оставилъ и во все мое пребываніе въ Тобольскѣ никогда мнѣ въ тягость не былъ.

Какъ скоро Щ — нъ избавился тягости охранять меня, то пошелъ, обѣщавъ привести ко мнѣ пріятеля, котораго онъ годъ тому назадъ также провожалъ сюда и дорогою уже мнѣ его часто очень хвалилъ. Какъ я по многимъ причинамъ мало полагался на его похвалу, то и не имѣлъ желанія познакомиться съ его пріятелемъ. Но тѣмъ пріятнѣе было мое обрадованіе, когда я скоро послѣ то-

го въ Господинѣ Киндяковѣ нашелъ молодаго, самаго образованнаго человѣка. Онъ началъ говорить со мною по Французски; увѣрялъ, что знаетъ и уважаетъ меня какъ автора; обѣщалъ оказывать мнѣ всевозможныя услуги; жалѣлъ о моей участи и что мнѣ должно было ѣхать съ такимъ человѣкомъ. —

Но этотъ человѣкъ называется вашимъ пріятелемъ?

„Сохрани меня Богъ отъ такого пріятеля! Вы понимаете, что мнѣ должно было обходиться съ нимъ ласково. „

Киндяковъ, сынъ достаточнаго Симбирскаго дворянина, сосланъ былъ съ двумя своими братьями и еще тремя Офицерами сюда, по доносу предателя за нѣкоторыя вольныя шутки на веселомъ пиру. Изъ всѣхъ его товарищевъ ему только досталось щастіе остаться въ Тобольскѣ. Человѣкъ двухъ послали въ Ир-

кутскѣ; меньшой его братѣ содержался скованный вѣ крѣпости за 4000 верстѣ отѣ Тобольска; а другой вѣ Березовѣ.

Для меня немалое утѣшеніе было найти человѣка, имѣвшаго благороднѣйшія мысли и нѣжнѣйшія чувствованія, сѣ которымѣ я ужѣ вѣ первую четверть часа свелѣ нѣкоторую дружбу. Онѣ упомянулѣ, что у него есть маленькая библіотечка: — какое извѣстіе! онѣ обѣщалѣ мнѣ книгѣ — какое счастіе! — Онѣ же разсказалѣ мнѣ, что многія изѣ моихѣ піэсѣ играются на Тобольскомѣ театрѣ, конечно очень плохо, но сѣ великою похвалою. — Напослѣдокѣ предложилѣ онѣ мнѣ для житья домѣ свой и столѣ, когда Губернаторѣ то позволитѣ; и такѣ мы черезѣ часѣ разстались очень довольны другѣ другомѣ.

Многіе ссылочные приходили ко мнѣ одинѣ за другимѣ. Какой-то Ба-

ронъ Соммаруга, изъ Вѣны родомъ, по словамъ его Полковникъ въ Австрійской службѣ и Кавалеръ ордена Маріи Терезіи, имѣвшій въ Ритѣ любовное приключеніе и поединокъ, и какъ онъ утверждалъ, за то сосланный. Не благопріятствуемый, но сильный соперникъ у его любезной и теперешней жены, приготовилъ ему эту участь, но самъ ни какой пользы отъ того не получилъ; ибо молодая, едва осмнатцати лѣтняя жена черезъ двѣ недѣли послѣ отправленія своего мужа, оставя свою родину, родителей и друзей, одна одинехонька, не разумѣя ни слова по Руски, съ однимъ только извощикомъ послѣдовала мужу своему въ заточеніе. Въ Москвѣ она свѣдала, что онъ лежитъ больной въ Твери; тотчасъ воротилась она, нашла его въ Твери, ходила за нимъ до его выздоровленія и поѣхала послѣ съ нимъ въ Тобольскъ, гдѣ я самъ ее видалъ и дивился твердой любви ея. Она и

мнѣ доказала доброе свое сердце; ибо какъ я съ начала (не по недостатку денегъ, но по незнанію приготовленія) ни чего не ѣдалъ кромѣ сухаго хлѣба, то она часто присылала мнѣ супу и жаркаго со стола своего.

Другой сосланный былъ . . . , богатой старой человѣкъ, которой, какъ сказывали, за лихоимство нѣсколько лѣтъ уже находился здѣсь и очень изрядно жилъ. Онъ зналъ разные языки, былъ очень пріятенъ въ компаніи и доставлялъ мнѣ Нѣмецкія и Французскія вѣдомости.

Три купца изъ Москвы, два Француза и Нѣмецъ, по имени Бекеръ, были также въ числѣ нещастныхъ за провозъ запрещенныхъ товаровъ. Особливо послѣдній казался пречестной, услужливой человѣкъ. Жена его поѣхала въ Петербургъ постараться о его освобожденіи; а естьли ей это не удастся, то ожидалъ онъ ее

съ дѣтьми по первому зимнему пути. Онъ этимъ возбудилъ во мнѣ утѣшительную мысль, что можетъ быть тогда и мое семейство вмѣстѣ пріѣдетъ.

Три или четыре Поляка, коихъ имена забылъ, и бывшіе здѣсь по винамъ политическимъ, также приходили ко мнѣ. Они были самые бѣдные шляхтичи, получавшіе каждый по 20 копѣекъ на день изъ казны на свое пропитаніе. Словомъ, комната моя ни на минуту не оставалась пуста, и правду сказать, мнѣ это было въ тягость; я былъ радъ, когда по наступленіи вечера, безъ помѣхи могъ броситься на жесткую свою постель и заняться своими мыслями.

На конецъ я заснулъ, и въ эту ночь случился со мною крайне странный случай, коего обьясненіе предоставляю моимъ друзьямъ Гуфланду и Галлю. Около полуночи я проснул-

ся, и мнѣ показалось, какъ будто я на кораблѣ; я не только чувствовалъ то самое движеніе, но слышалъ и шумъ волнъ, и даже крикъ и отзывъ матрозовъ. При томъ я совершенно помнилъ себя. Какъ я лежалъ на землѣ, то глядя къ окну, могъ видѣть только небо, что и умножало еще мечтаніе. Однакожъ я помнилъ себя и для того всталъ; но тщетно. Во мнѣ какъ будто двѣ души между собою спорили, одна также сильно утверждала меня въ мечтѣ моей, какъ другая внушала, что это только обманъ! — Я бродилъ по комнатѣ, видѣлъ спящаго Щ — на, видѣлъ, что все было, какъ вчера, подошелъ къ окну, и устремилъ глаза пристально и долго на большое каменное зданіе, на противъ меня стоящее; и одно это зданіе казалось мнѣ кораблями, а вокругъ мнѣ видилось открытое морѣ. Куда меня тащутъ? спросила одна душа. Никуда, отвѣчала другая; ты въ комнатѣ своей. Это

состояніе, коего страннаго мученія не льзя настояще описать, продолжалось съ полчаса; мало по малу оно утихало и на послѣдокъ совсѣмъ прошло. Осталось только боязненное трепетаніе сердца и скоро содрогающійся пульсъ. Головной боли при томъ не было, ниже давленія, ни жару въ головѣ; потому думаю, что мое состояніе было предшествіе сумасшествія.

На слѣдующее утро пришелъ ко мнѣ Надворной Совѣтникъ Петерсонъ, Генералъ-Штабъ-Лекарь въ Тобольскѣ, родомъ изъ Ревеля. Онъ конечно очень легко и естественно обьяснилъ тотъ случай предыдущими многими безпокойствами. Для меня это обьясненіе было не довольно психологическо; но я сомнѣваюсь самъ, чтобъ можно было сдѣлать оное удовлетворительнѣе. Впрочемъ я честнова этова человѣка принялъ съ благопріятнѣйшимъ предубѣжденіемъ; ибо онъ былъ землякъ жены моей! Но и безъ того онъ бы скоро сердеч-

нымъ, непритворнымъ состраданіемъ своимъ пріобрѣлъ довѣренность мою. Во все пребываніе мое въ Тобольскѣ оказывалъ онъ мнѣ ежедневно человѣколюбіе свое; и оно сопровождало меня даже въ уединеніе мое: ибо ему одному одолженъ я за небольшой запасъ нужнѣйшихъ лекарствъ, которыя неоцѣнимы для меня были въ Курганѣ, гдѣ я долженъ былъ самъ себя лечить. Онъ и въ Тобольскѣ всевозможныя употребилъ старанія, чтобъ уговорить Губернатора оставить меня тамъ; но я подлинно вѣрю, что это не въ Губернаторской волѣ было; ибо въ повелѣніи, получаемомъ отъ провожатаго каждаго арестанта, сказано бываетъ или: „ Арестантъ отправляется въ Тобольскъ, или въ Тобольскую губернію.„ Въ послѣднемъ случаѣ означается иногда и мѣсто, куда его должно препроводить; на прим. Березовъ, Омскъ и проч. А естьли того не сказано, то Губернаторъ можетъ самъ назначить

мѣсто; и на этомъ-то обстоятельствѣ новые мои пріятели основали надежды свои, что можетъ быть упросятъ его оставить меня тамъ. Но по правилу Губернаторъ не можетъ никогда назначить Губернскаго города, и естьли онъ иногда по особенной благосклонности отступаетъ отъ того, то бываетъ это только въ разсужденіи не очень извѣстныхъ людей, о которыхъ можно полагать, что объ нихъ болѣе не спросится. Но я по нещастію слишкомъ былъ извѣстенъ и ссылка моя сопряжена была съ необыкновенными обстоятельствами, по которымъ она становилась важнѣе многихъ иныхъ. По тому Губернаторъ могъ опасаться тайныхъ доносовъ. Словомъ, все его обращеніе удостовѣрило меня, что ему самому въ душѣ прискорбно было, что не можетъ уважить предстательства врача моего, хотя онъ и подтверждалъ оное медицинскими причинами. Однакожъ

онъ обнадежилъ меня, иногда позволять мнѣ пріѣзжать въ Тобольскъ, когда состояніе моего здоровья того потребуетъ.

Весь первой день пробылъ я дома и когда только не беспокоили меня тягостными посѣщеніями, то занимался прошеніемъ къ Государю, которое мнѣ теперь, собравъ прилежно все къ тому нужное дорогою, надобно было только почти переписать на бѣло. Я раздѣлилъ его на осмнатцать пунктовъ, и на каждый приводилъ ясные доказательства.

* Слѣдующее писано мною по возвращеніи уже изъ Сибири.

Когда я почти кончилъ мое прошеніе, то Щ — нъ собирался итти къ Губернатору. Я поручилъ ему узнать, въ какое время на другой день могу я къ Губернатору явиться, чтобъ сообщить ему, что я напи-

салъ. — Онъ къ собственному своему удивленію принесъ мнѣ отвѣтъ, отъ пяти часовъ утра до одиннатцати вечера Губернаторъ всегда радъ меня принимать. Щ — нъ не понималъ, какъ можно оказывать такое уваженіе сосланному!

На слѣдующее утро пошелъ я къ господину Кушелеву, безъ караула. Онъ принялъ меня съ отличною ласкою. Я прочиталъ ему свое прошеніе. Въ концѣ онъ прослезился, взялъ меня за руку, пожалъ ее съ жаромъ и съ утѣшительнымъ убѣжденіемъ сказалъ: успокойтесь! ваше нещастіе вѣрно не можетъ быть продолжительно. — По томъ онъ по милости своей еще разъ самъ просмотрѣлъ съ великимъ вниманіемъ прошеніе мое и показывалъ каждое мѣсто, каждое слово, гдѣ думалъ, что полегче выраженіе будетъ дѣйствительнѣе. Я воспользовался его замѣчаніями, переписалъ по томъ

все на бѣло (на что онъ самъ далъ мнѣ лучшей своей бумаги) и вручилъ тогда прошеніе ему. Онъ обѣщалъ послать его прямо къ Государю съ Щ — нымъ, которому черезъ нѣсколько дней должно было возвратиться въ Петербургъ. И онъ исполнилъ свое слово.

Гдѣ вообще найти мнѣ достаточныхъ словъ, чтобъ по достоинству изобразить оказанное мнѣ симъ мужемъ благодущіе! — Въ его волѣ было, сослать меня и въ Березовъ, на берегу Ледовитаго моря, гдѣ въ самые жаркіе лѣтніе дни земля едва на поларшина въ глубину оттаеваетъ; а онъ выбралъ мнѣ самой теплой климатъ своей губерніи, и такой городъ, гдѣ онъ зналъ, что добрые обыватели живутъ. Въ Тобольскѣ могъ бы онъ предоставить меня уединенной горести и недостатку; но онъ почти всякой день приглашалъ меня къ столу своему, не опа-

саяся взоровъ обоихъ Сенаторовъ, бывшихъ въ то самое время тамъ для обозрѣнія его управленія: тѣхъ самыхъ, коихъ курьеръ такъ ужасно обманулъ меня въ надеждѣ моей въ Казани. *)

Онъ сдѣлалъ еще болѣе того. Свѣдавъ, что я не довольно твердъ въ Рускомъ языкѣ, и отъ того часто долженъ быть въ затрудненіи, позволилъ онъ мнѣ нанять слугу, который бы кромѣ Рускаго языка, разумѣлъ достаточно еще какой другой. Такого человѣка не легко было найти; ибо во всемъ Тобольскѣ былъ только одинъ человѣкъ, Италіанецъ, по имени *Росси*, который согласился на то. Онъ также былъ сосланный и жилъ уже двадцать лѣтъ здѣсь. Онъ нѣкогда служилъ въ флотѣ въ Хер-

(*) Это были господа Левашовъ и Лопухинъ, коихъ благородные поступки со мною равномѣрно пребудутъ для меня незабвенны.

сонѣ и съ нѣкоторыми изъ товарищевъ своихъ сдѣлалъ заговоръ, убить Офицера, начальствовавшаго ихъ кораблемъ и отвесть корабль къ Туркамъ; но заговоръ до исполненія еще открытъ былъ и Князь Потемкинъ послалъ моего Росси въ Сибирь. Здѣсь хотя ему должно было записаться въ крестьянство и платить обыкновенныя крестьянскія подати, но всякой годъ получалъ онъ отъ деревенскаго старосты пашпортъ для прокормленія въ городѣ. А это онъ отмѣнно умѣлъ. Онъ на все былъ мастакъ; сего дня работалъ платье и сапоги, а завтра сосиски; напрашивался ко всякому чужому проѣзжему въ наемные слуги, помогалъ въ любовныхъ дѣлалъ, ѣздилъ въ дорогу, естьли не далѣе границъ Губерніи; словомъ годился на все. Пріятная физіономія и самой лукавой взглядъ тотчасъ его отличали. Настоящее ремесло его было *обманывать*, и Губернаторъ предостерегалъ меня отъ

него, какъ онъ по сіе время съ сотню господъ своихъ обманулъ и обокралъ; но мнѣ некого было выбирать. — Этотъ человѣкъ такъ же твердо говорилъ по Французски, какъ по Руски, сверхъ того зналъ тамошнюю страну, вездѣ бывалъ, умѣлъ стряпать; словомъ, онъ для меня былъ предорогой малой. И такъ я его нанялъ за три съ половиною рубли въ мѣсяцъ, съ моимъ содержаніемъ; а Губернаторъ позволилъ даже мнѣ взять его съ собою отъѣзжая въ Курганъ: и за такую милость, естьлибъ свѣдали о томъ въ Петербургѣ, онъ бы легко могъ потерять свое мѣсто. Хотя Россіево имя и не было означено въ моей подорожной; но Губернаторъ смотрѣлъ на то сквозь пальцы. Впрочемъ этотъ человѣкъ, зная всѣ деревни въ окружности, вездѣ удачно пробирался.

Въ первые дни пребыванія моего въ Тобольскѣ имѣлъ я, какъ уже сказано, совершенную свободу. Могъ

ходить къ кому, и принимать у себя кого и когда хотѣлъ. Изъ комнаты моей рѣдко выходили посѣщающіе, и я самъ охотно и часто бывалъ у новаго моего друга Киндякова, которой изрядно и покойно жилъ, и куда привлекала меня отборная маленькая библіотечка, особливо лучшихъ Французскихъ твореній. Я ходилъ одинъ по улицамъ, ходилъ одинъ гулять за городъ и ни кто за мною не примѣчалъ.

Но вдругъ это перемѣнилось. Однажды по утру Губернаторъ велѣлъ меня позвать къ себѣ и очень благосклонно открылъ мнѣ свои опасенія. Вашъ пріѣздъ, говорилъ онъ, все еще много шуму здѣсь дѣлаетъ; по тому я не могу почитать васъ обыкновеннымъ сосланнымъ, и долженъ быть осторожнѣе. Провожатый вашъ Щ—нъ еще не думаетъ объ отъѣздѣ своемъ. Можетъ быть ему поручено секретно наблюдать

мое обращеніе съ вами. Сенаторамъ можетъ также странно показаться, когда я васъ стану слишкомъ отличать. Потому для моей безопасности, а можетъ быть и для вашей собственной, долженъ я васъ впередъ нѣсколько ограничить. Прошу — (благородный мужъ сей могъ приказать, а онъ просилъ) — прошу васъ, не принимайте у себя никого, кромѣ вашего врача; и также не ходите ни къ кому, кромѣ къ нему и ко мнѣ: а домъ мой всегда вамъ открытъ.

Я просилъ его, по крайней мѣрѣ выключить господина Киндякова. Онъ пожалъ плечьми, и хотя хвалилъ этого достойнова молодаго человѣка, котораго въ обществѣ очень любилъ, но притомъ намекнулъ мнѣ, что именно Киндяковъ хуже всѣхъ замѣченъ въ Петербургѣ, и что донесеніе о моемъ обращеніи съ нимъ болѣе прочаго мнѣ вредить можетъ.

Я поблагодаря его за милость, съ каковою онъ обьяснилъ мнѣ свои причины, безмолвно повиновался.

По сіе время былъ при мнѣ только старой унтеръ-офицеръ, Андрей Ивановъ, не дальней, самой добродушной старикъ, почти весь день спавшій. Теперь нарядили еще другаго по моложе, которой однакожъ такъ же мало меня беспокоилъ. Они услуживали мнѣ, варили воду на чай, хаживали на рынокъ за чѣмъ нужно было; но и всѣмъ, кромѣ лекаря, приходящимъ ко мнѣ отказывали, и когда я куда выходилъ, то всегда одинъ изъ нихъ провожалъ меня. Я скоро примѣтилъ, что имъ приказано было смотрѣть, чтобъ никто со мною не говорилъ, и чтобъ я не ходилъ по чужимъ домамъ; впрочемъ они не мѣшали мнѣ ходить по городу и за городъ, куда я хотѣлъ.

Черезъ пронырливаго моего Росси могъ я однакожъ легко пересы-

латься записочками съ новыми моими пріятелями. Мы часто назначали свиданье на базарѣ въ покрытыхъ лавкахъ; и между тѣмъ, какъ мы оба смотрѣли и будто торговали товаръ, говорили мы кой-что украдкой между собою.

Мы совершенно могли полагаться на скромность купцовъ и лавошниковъ. Вообще казалось, какъ будто несчастіе быть въ ссылкѣ, доставляло въ Сибирѣ право на общее уваженіе и помощь. Самое названіе, которымъ означали всегда сосланныхъ, изъявляло нѣжное сожалѣніе или увѣренность въ невинности ихъ; ибо ихъ называли *нещастные*. — Кто тамъ идетъ по улицѣ? — *Нещастный*. — Ни когда не слыхалъ я другаго, по меньшей мѣрѣ унизительнаго, преступленіе означающаго наименованія ссылочныхъ.

Вообще соединяютъ со словами *заточеніе въ Сибирь* разныя, отча-

сти темныя, отчасти ложныя понятія, и потому считаю нужнымъ нѣкоторымъ образомъ пояснить сіи представленія. Сосланныхъ бываютъ разные роды.

Во первыхъ: дѣйствительно изобличенные тяжкіе преступники, осужденные по законамъ правительствомъ, коего приговоръ утвержденъ Сенатомъ. Они ссылаются въ работу на заводы въ Нерчинскъ и должны итти туда пѣшкомъ скованные. Обыкновенно наказываются они напередъ кнутомъ и обѣ ноздри у нихъ вырываются.

Во вторыхъ: другой родъ не толь важныхъ преступниковъ, которые однакожъ по суду и закону приговорены къ сему наказанію. Они записываются въ Сибири въ крестьянство, называются крестьянскимъ именемъ и должны пахать землю. Между ими также есть многіе съ

вырванными ноздрями; однакожъ они могутъ прилежаніемъ своимъ нажить себѣ что нибудь и облегчить свою участь: наказаніе ихъ можетъ послужить къ настоящему ихъ исправленію. —

Третій родъ состоитъ изъ такихъ, которыя хотя осуждены по закону, но только въ заточеніе, безъ всякаго безчестящаго или тяжкаго обстоятелства. Естьли они изъ дворянъ, то обыкновенно не лишаются дворянства, могутъ безпринужденно жить въ мѣстѣ своего назначенія, и даже получать изъ дому своего деньги для своего содержанія, или когда они бѣдны, то дается имъ изъ казны по двадцати и тритцати копѣекъ на день.

На конецъ въ четвертомъ родѣ состоятъ такіе, которые по единой волѣ и повелѣнію Государя сосланы. Они обыкновенно содержаны на равнѣ

съ третьимъ родомъ, и могутъ даже черезъ посредство Губернатора посылать открытыя письма къ семейству своему или прошенія къ Государю; но иные заключаются въ крѣпость и бываютъ скованы. Однакожъ послѣднее рѣдко случалось, и благодареніе Богу! при нынѣшнемъ милосердномъ царствованіи ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА сего четвертаго рода ссылаемыхъ совсѣмъ нѣтъ.

Не знаю, къ которому изъ обоихъ послѣднихъ родовъ подлинно считать было можно Подполковника изъ Рязани, бывшаго спутника моего; но кажется ему назначена была суровѣйшая участь: ибо хотя по прибытіи его въ Тобольскъ Губернаторъ и обнадежилъ его, что онъ останется тамъ, и онъ въ этой надеждѣ началъ уже заботиться о расположеніи себя на предъ, заказалъ платье и прочее: но черезъ два дни потомъ онъ вдругъ получилъ

повелѣніе, немедленно отправиться въ Иркутскъ. Черезъ два часа былъ онъ уже въ дорогѣ и я ничего болѣе не слыхалъ о немъ. Едва дали ему время взять отъ портнова скроеное, но еще несшитое платье. Вѣрно самыя важныя причины заставили человѣколюбиваго Губернатора поступить такъ строго.

Я уже разными способами написалъ къ женѣ моей десять писемъ, (*) о главномъ содержаніи коихъ ниже нѣсколько упомяну. Часы, въ которые я занимался ею, были единственные, растворявшіе чашу страданій моихъ каплями сладостной печали. Въ прочемъ я къ собственному моему удивленію, все еще былъ здоровъ, и старался сколько можно себя разсѣвать.

Щ — нъ въ самые первые дни съ квартиры моей съѣхалъ къ како-

(*) Болѣе половины изъ нихъ дошли благополучно до нее.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

му названному пріятелю. Теперь я радъ былъ, что по крайней мѣрѣ безпрепятственно могу предаваться своей горести. До обѣденное время употреблялъ я по большой части на печальное, но для меня привлекательное занятіе, описанія исторіи страданій моихъ. Вмѣсто простыхъ чернилъ употреблялъ я Китайскія чернилы, которыхъ здѣсь много и очень хорошія имѣть можно. Около обѣда ходилъ я прогуляться или взлѣзалъ на скалы около Тобольска, живописно изрытые горными ручьями. Тамъ обозрѣвалъ я огромную поверхность воды и безконечные лѣса ее ограничивающіе; тамъ останавливался взоръ на каждомъ приходящемъ парусѣ и воображеніе мое на каждой пристающей къ берегу лодкѣ находило семейство мое. Обѣдывалъ я обыкновенно у Губернатора, иногда у Надворнаго Совѣтника Петерсона, а рѣдко дома. Никогда не уходилъ я отъ господина Кушелева

безъ утѣшенія, по крайней мѣрѣ не безъ облегченія грусти моей. По нѣжному чувству своему находилъ онъ разныя пути къ моему сердцу, и умѣлъ то такимъ, то инымъ образомъ возбуждать во мнѣ надежду.

Ахъ! онъ и самъ не щастливъ былъ. Часто, когда я сидѣлъ у него въ бесѣдкѣ и мы изъ окна взирали черезъ зеркальную воду на безпредѣльныя лѣса, вырывалось чувство его. ,, Посмотрите, сказалъ онъ однажды указывая рукою, эти лѣса идутъ на 1100 верстъ до Ледовитаго моря. Нога человѣческая не заходила туда; одни дикіе звѣри тамъ живутъ. Губернія моя пространствомъ своимъ болѣе всей Германіи, Франціи и Европейской Турціи вмѣстѣ; но какія пріятности имѣю я въ ней? — Не проходитъ дня, въ который бы не приводили ко мнѣ нещастныхъ, то по одному, то цѣлыми толпами; я имъ не могу и не смѣю помочь,

а вопли ихъ раздираютъ мое сердце. Тяжелой отчетъ лежитъ на мнѣ; одинъ случай, котораго никакая человѣческая предосторожность или власть предупредить не можетъ: тайной злобной доносъ можетъ отнять у меня чинъ, честь и свободу! — а что мнѣ замѣняетъ все это? — Пустая страна, суровой климатъ и общество нещастныхъ!„

Давно уже у него было на мысли просить о увольненіи; но по сіе время еще не смѣлъ. Ахъ! естьлибъ онъ никогда не просился! Что было бы съ бѣдными заточенными, когда оставитъ ихъ тотъ, который всякому нещастному есть отецъ или братъ! — Да наградитъ его за всякое пожертвованіе благословеніе этихъ оставленныхъ, и сознаніе собственнаго благодушія! — О! когда мужъ сей предстанетъ къ судилищу Божію, и всѣ невинные или нещастные будутъ окружать его, коихъ бѣдствія онъ

смягчалъ, и не могши осушить слезъ ихъ, къ ихъ слезамъ проливалъ свои; когда они тамъ всѣ, благословляя его возопіютъ! — Какое большее блаженство можетъ тогда даровать ему Судія, въ превыспреннихъ Сѣдящій! *)

Около вечера я обыкновенно бродилъ по городу и на базарѣ. Городъ довольно великъ, улицы широки и прямы, дома по большой части деревянные, но довольно и каменныхъ, хорошо и въ новомъ вкусѣ выстроенныхъ. Церквей очень много, и всѣ каменныя, а улицы вымощены бревнами, что гораздо чище каменной мостовой и для пѣшеходцевъ удобнѣе. Весь городъ пересѣкается судоходными каналами, черезъ которые находятся исправные мосты. Базаръ

*) Благородный мужъ сей теперь Литовскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ и пребываетъ въ Гроднѣ.

великъ и на немъ кромѣ обыкновенныхъ съѣстныхъ припасовъ, есть много разныхъ Европейскихъ и Китайскихъ товаровъ. Послѣдніе обое конечно довольно дороги, но съѣстные вообще очень дешевы. На базарѣ во всякое время бываетъ большое стеченіе людей разныхъ народовъ, особливо Рускихъ и Татаръ, а также и Киргизцовъ и Калмыковъ. Рыбный рядъ особливо доставлялъ мнѣ совсѣмъ новое удовольствіе: несмѣтное множество рыбъ всякаго рода, извѣстныхъ мнѣ до того только по описанію, лежали здѣсь ежедневно колотыя и живыя по землѣ, въ корытахъ и лодкахъ для продажи. Вкуснѣйшія стерляди за безцѣнокъ, бѣлуга, сомы и проч. икра всякаго рода и изъ разныхъ рыбъ. Естьлибъ въ этомъ рыбномъ ряду не было обыкновенно несносной духоты, то я бы часто гораздо долѣе тамъ проводилъ свое время.

Изъ любопытства бывалъ я и

въ театрѣ, которой довольно великъ и одинъ рядъ ложъ въ немъ. Каждая ложа принадлежала одному всегдашнему хозяину, которой имѣетъ право украшать ее по своему произволу; отъ чего дѣлали онѣ самой пестрой видъ. Шелковыя, по большой части богатыя матеріи всякихъ разныхъ цвѣтовъ висѣли изъ каждой ложи и покрывали совсѣмъ прислоны. Внутри навѣшены стѣнные подсвѣчники съ зеркалами. Все вмѣстѣ имѣло видъ самой Азіатской, но казисто было при первомъ взглядѣ. — Оркестръ былъ несказанно плохъ. Актеры всѣ были изъ ссылочныхъ. Въ числѣ ихъ была и супруга моего Росси, родомъ изъ Ревеля, которая за распутство сослана была въ Сибирь, нашла моего Росси достойнымъ себѣ мужемъ и теперь на Тобольскомъ театрѣ играла роли благородныхъ матерей. Декораціи, гардеробъ, игра и голоса вообще не стоятъ никакой критики. Однажды играли оперу: Добрые солдаты; названіе

другой піесы я позабылъ. Оба раза я не могъ пробыть долѣе четверти часа. За входъ же платятъ въ первыя мѣста только 50 копѣекъ.

Ненависть къ людямъ и раскаяніе, Сына любви и нѣкоторыя другія изъ моихъ піесъ играли съ великимъ одобреніемъ. Теперь учили Дѣву Солнца; но какъ на декораціи и гардеробъ потребны были великія издержки, превосходящія силы содержателя, то для сего дѣлали сборъ между почетныхъ обывателей.

Въ Тобольскѣ былъ также клобъ (или кажется называли его Казино) содержимый Италіанцомъ съ вырванными ноздрями. Онъ за убійство благополучно вытерпѣлъ наказаніе кнутомъ и теперь такимъ образомъ кормился. Впрочемъ я у него никогда не бывалъ.

Въ бытность мою, въ честь прибывшихъ Сенаторовъ давали нѣсколько маскерадовъ и баловъ. Меня

именно приглашали; но я не хотѣлъ выказывать тамъ своего нещастія, и потому очень мало или ничего не могу сказать о прекрасномъ полѣ въ Тобольскѣ. Выключая достойную фамилію Надворнаго Совѣтника Петерсона и прекрасную, милую дочь Полковника Кремера, я почти не видалъ благородныхъ женщинъ въ Тобольскѣ. — Всего охотнѣе хаживалъ я подъ открытымъ небомъ; когда бы только несносной дневной зной и еще несноснѣйшіе комары по вечерамъ мнѣ чаще позволяли это разсѣяніе. Не проходило дня, въ который бы термометръ не показывалъ отъ 26 до 28 градусовъ Реомюровыхъ; и притомъ посѣщали насъ всякой день четыре, пять, а иногда и шесть грозъ, которыя со всѣхъ странъ неба какъ будто выступали одна противъ другой и часто изливали обильной дождь, но при томъ не освѣжали воздуха. При всей этой теплотѣ природа все была очень ску-

па на свои дары: никакого, даже и ни одного плодовитаго дерева мнѣ не попадалось. Садъ Губернаторской, лучшій въ тамошней странѣ, обнесенъ былъ досчатымъ заборомъ, на которомъ написаны были плодовитые дерева. Въ самомъ же дѣлѣ красили его крушина, Сибирской гороховикъ и береза. Послѣдней очень много въ Сибири, но большею частію кривая. Молодой березовой кустарникъ походитъ издали на молодые выростки. Крушину въ Тобольскѣ очень любятъ и садятъ передъ многими домами на улицѣ: какъ ради душистыхъ цвѣтовъ ея, такъ и потому, что другихъ деревъ нѣтъ. Впрочемъ въ называемомъ Губернаторскомъ саду было не много смородинныхъ и крыжовниковыхъ кустовъ, капуста въ парникахъ и посаженные въ надеждѣ огурцы. Около Тюменя родятся однакожъ родъ яблокъ, которые выростаютъ въ величину грецкаго орѣха.

Природа лишивъ суровой сей климатъ плодовъ древесныхъ, тѣмъ избыточнѣе надѣлила его полевыми. Сибирская греча, и у насъ славная, ежегодно сама собою опять высѣвается и не требуетъ труда, какъ только, чтобъ снимали ее. Всякой хлѣбъ отмѣнно родится и трава ростетъ очень тучно. Почва вездѣ рыхлая, самая черная садовая земля, которую не нужно удабривать. Какъ крестьяне изъ лѣности не свозятъ заблаговременно накопившейся въ стойлахъ ихъ навозъ, то бываютъ они часто въ подлинно смѣшномъ затрудненіи. Надворный Совѣтникъ Петерсонъ, по должности своей объѣзжающій ежедневно всѣ деревни, за достовѣрное мнѣ разсказывалъ, что онъ пріѣхалъ однажды въ деревню, гдѣ крестьяне суетились въ сломкѣ дворовъ своихъ для переходу на другое мѣсто, потому что имъ гораздо легче казалось свезти дворы свои, нежели окружающія ихъ навозныя горы.

Какъ нестерпимъ лѣтомъ бываетъ жаръ, такъ велика стужа зимою и тогда термометръ опускается часто до 40 градусовъ. Надворный Совѣтникъ Петерсонъ увѣрялъ меня, что онъ всякую зиму дѣлаетъ опыты замерзаніемъ ртути, потомъ вырѣзываетъ ножемъ всякія фигуры изъ нее, и уложивъ хорошенько въ снѣгѣ, посылаетъ Губернатору.

Впрочемъ суровой этотъ климатъ очень здоровъ. Врачу моему извѣстны были здѣсь только двѣ господствующія болѣзни, да и тѣхъ легко бы можно было избѣгать. Первая есть венерическая болѣзнь, а другая частыя простудныя горячки, происходящія отъ внезапной перемѣны воздуха при захожденіи солнца. Для достиженія здоровой и глубокой старости въ Сибири, нужно только воздержность и теплая одежда къ вечеру.

Вечерніе часы обыкновенно проводилъ я въ чтеніи. Друзья мои Пе-

персонъ и Киндяковъ сообщили мнѣ нѣсколько хорошихъ книгъ, которыхъ цѣну я теперь въ четверо почиталъ.

Я все еще ласкалъ себя надеждою, что могу остаться въ Тобольскѣ. Губернаторъ ни слова болѣе не говорилъ о моемъ отъѣздѣ и пріятели мои думали, что онъ дожидается только отбытія Сенаторовъ и Щ — на, чтобъ объявить мнѣ желаемое позволеніе. Первые наконецъ отправились далѣе въ Иркутскъ; но послѣдній не трогался съ мѣста. Я послѣ свѣдалъ, что онъ мѣшкалъ только за неимѣніемъ денегъ и дожидаясь отъѣзда какого-то купца, котораго онъ въ такой нуждѣ хотѣлъ взять съ собою по курьерской своей подорожной, за что бы тотъ дорогою платилъ за его содержаніе. Какъ естественно было рѣшеніе этой загадки, такъ трудно можно было и отгадать ее. И такъ не му-

дрено, что какъ Губернаторъ, такъ и я, опасались его!

Двунедѣльное время, на которое мнѣ дозволено было пробыть здѣсь, почти уже прошло. Въ слѣдующее воскресенье по утру явился я по обыкновенію къ Губернатору; ибо сосланные третьяго и четвертаго рода всегда къ нему въ такіе дни приходятъ въ мундирахъ, но безъ шпагъ. Губернаторъ отвелъ меня къ сторонѣ и объявилъ, чтобъ я на другой день приготовился къ отъѣзду, по тому что онъ по извѣстнымъ уже мнѣ причинамъ, не можетъ меня долѣе оставить въ Тобольскѣ. Я испугался, но не дѣлая ни малѣйшаго возраженія просилъ только позволить мнѣ пробыть еще только два дни, дабы я могъ запастись кой-какими потребностьми, которыхъ не надѣялся получить въ Курганѣ, а особливо, чтобъ продать мою коляску, которая мнѣ теперь совсѣмъ не

нужна была, а продавъ ее могъ нѣсколько наполнить изрядно истощившуюся казну мою. Съ прелюбезнѣйшею ласкою согласился Губернаторъ на мою прозьбу и я тотчасъ пошелъ поторопить печальныя мои сборы къ отъѣзду, дабы не употребить во зло его милости.

Самой богатой купецъ въ Тобольскѣ — запамятовалъ я имя его — за нѣсколько дней уже давалъ мнѣ полтараста рублей за мою коляску; но какъ она мнѣ болѣе нежели вдвое того стоила, то я не согласился. Теперь нужда заставляла меня взять эту цѣну, а онъ съ безстыдною безсовѣстностію сбавилъ еще двадцать пять рублей. И на это я долженъ былъ согласиться; и по истинѣ меня этотъ поступокъ гораздо менѣе тронулъ, какъ достойнаго Губернатора, который совсѣмъ не переставалъ изъявлять негодованія своего сильнѣйщими выраженіями, и отнюдь

не шутя просилъ меня, изъ этого анекдота сдѣлать маленькую комедію, а онъ ее, естьли я по Французски ее напишу, самъ переведетъ по Руски и отдастъ играть на Тобольскомъ театрѣ. — Ахъ! мнѣ тогда совсѣмъ не шло въ голову написать комедію. —

Я накупилъ себѣ сахару, кофе, чаю, бумаги, перьевъ и прочаго. Но болѣе всего заботился я о книгахъ; ибо какъ мнѣ можно было прожить будущую зиму безъ книгъ! — Добрый Петерсонъ далъ мнѣ все, что у него было; но въ его библіотекѣ были по большей части только медицинскія сочиненія, и кой-какія путешествія, которыя я уже читалъ. Однакожъ я нашелъ средство увѣдомить друга моего Киндякова о скоромъ моемъ отъѣздѣ и недостаткѣ въ книгахъ. Онъ написалъ мнѣ: чтобъ я въ полночь, когда караульные спать будутъ, дожидался его у окна. Я такъ

сдѣлалъ и онъ самъ три ночи сряду приносилъ мнѣ лучшія книги изъ своего собранія, между прочими и *Сенеку*, который послѣ часто бывалъ утѣшителемъ моимъ.

Къ женѣ моей и ко многимъ достойнымъ людямъ въ Россіи и Германіи написалъ я письма, вложилъ въ одинъ пакетъ и адресовалъ къ старинному испытанному моему другу Грауману, купцу Петербургскому и отдалъ курьеру Александру Шульгину, обѣщавъ ему, что когда онъ его вѣрно отдастъ, то другъ мой подаритъ его пятьюдесятью рублями: Я думалъ, что такимъ образомъ лучше всего могу обеспечить вѣрное доставленіе; и послѣдствіе доказало, что я не ошибся.

Приготовленія къ отъѣзду моему были кончены. Я объявилъ о томъ Губернатору, и зная, что унтеръ-офицеръ долженъ провожать меня

въ Курганъ, просилъ его отправить со мною добраго Андрея Иванова, не взирая на его старость. Г. Кушелевъ, не отказывавшій мнѣ ни въ чемъ, что только въ его власти было, дозволилъ и это. Онъ еще болѣе сдѣлалъ: онъ далъ мнѣ рекомендательныя письма къ первымъ людямъ въ Курганѣ, передъ самымъ отъѣздомъ подарилъ мнѣ ящикъ очень хорошаго чаю; и — что мнѣ особенно пріятно было — обѣщалъ доставлять мнѣ всякую недѣлю получаемый имъ Франкфуртской Журналъ. Онъ сдержалъ свое слово, и какъ я послѣ свѣдалъ, очень отважно для себя въ томъ поступилъ.

Кибитка моя, старая и подержанная, за которую я однакожъ заплатилъ тридцать рублей, была уложена. Я сухо простился съ Щ — нымъ, который также назначилъ отъѣздъ свой наконецъ на другой день послѣ моего. Это извѣстіе меня очень обрадовало, зная, что онъ

повезетъ прошеніе мое къ Государю. Впрочемъ онъ поѣхалъ весьма недовольный Губернаторомъ, который во все время его пребыванія въ Тобольскѣ, не разу не пригласилъ его къ столу своему.

Іюня 13 послѣ обѣда въ 2 часа, сошелъ я съ горестію съ берегу, гдѣ кибитка моя была уже на суднѣ. На дорогѣ туда встрѣтился мнѣ еще смѣшной случай. Руская, изрядно одѣтая женщина остановила меня и насказала перемножество похвалъ комедіямъ моимъ. Мнѣ показалось это очень не во время, и я хотѣлъ пройти отблагодаривъ коротко. Но она объявила мнѣ тогда, что принадлежитъ къ отмѣнной Тобольской труппѣ, и сказала, что ей досталась роля Верховной жрицы въ Дѣвѣ солнца, а она не знаетъ, какъ ей для этой роли одѣться должно, и для того просила меня описать ей костюмъ. — Во всякомъ другомъ положеніи я бы

насмѣялся ей въ глаза; но теперь въ досадѣ нахмурясь сказалъ ей: что она видитъ, что я будучи въ Сибирѣ не могу быть въ духѣ заниматься Перуанскими одеждами, и по тому просилъ ее, чтобъ она по своему вкусу сама выбрала костюмъ, и съ тѣмъ ее оставилъ.

Настоящая дорога въ Курганъ идетъ стороною черезъ городокъ Ялуторскъ и тамъ простирается только на 427 верстъ. Но выступившія воды принудили насъ напередъ ѣхать назадъ къ пограничному городу Тюменю, а оттуда повернуть на югъ.

Въ Тюменѣ переночевали мы у писаря, которой угостилъ насъ съ добродушнѣйшимъ гостепріимствомъ. Естьлибъ мнѣ за три недѣли кто сказалъ, что такъ я скоро увижу опять это мѣсто, того бы я обнялъ тогда какъ вѣстника свободы моей. Теперь я видѣлъ опять Тюмень и —,

свобода моя еще казалась сомнительнѣе прежняго.

На этомъ пути платили мы указные прогоны, то есть по копѣйкѣ за двѣ лошади на версту.

Въ нѣсколькихъ станціяхъ отъ Тюменя видѣлъ я въ сыромъ бору ботаническую достопамятность, о которой по возвращеніи моемъ говорилъ часто свѣдущимъ Ботаникамъ, но всѣмъ она была новою. *) Именно на пространствѣ около шести сотъ шаговъ было несмѣтное множество красныхъ цвѣтовъ, и на каждомъ какъ будто кучка снѣгу лежала. Мнѣ это показалось страннымъ; я велѣлъ остановиться, нарвалъ ихъ нѣсколько и нашелъ слѣдующій, край-

*) Теперь знаю, что это родъ Какушкиныхъ сапожковъ, но не изъ извѣстныхъ. Болѣе всего походилъ онъ на означенный въ Кіевскомъ росписаніи растѣній цвѣтъ Бѣлые Какушкины сапожки.

не удивительный, но очень прелестный видъ. На стеблѣ въ пять дюймовъ вышины и съ листьями, похожими (естьли не ошибаюсь) на листья ландыша, виситъ маленькой женской швейной мѣшокъ, около дюйма съ половиною въ квадратѣ и на обоихъ верхнихъ краяхъ съ ленточками, какъ будто для стягиванья. Этотъ открытой мѣшочекъ, въ которой удобно и внутрь видно было, и съ наружи и внутри прекраснаго багрянаго цвѣта, покрывался сердцеобразнымъ соразмѣрной величины листкомъ, съ верхней стороны какъ снѣгъ бѣлымъ и какъ будто финифтью наведеннымъ, а снизу такогожъ цвѣта какъ цвѣтокъ. Этотъ листокъ можно было поднимать и опускать, и такъ открывать и закрывать мѣшочекъ. Не могу совсѣмъ описать, какъ прелестенъ былъ этотъ, впрочемъ не пахучій цвѣтокъ. Сомнѣваюсь, довольно ли ясно выразилъ я все, былъ несвѣдущъ въ Ботаникѣ; но то знаю, что этотъ цвѣтокъ былъ бы красою

во всякомъ саду. Какъ онъ въ чрезвычайномъ множествѣ росъ на помянутомъ пространствѣ, то я счелъ, что онъ обыкновенный въ Сибири и потому не взялъ съ собою ихъ нѣсколько. Послѣ я часто жалѣлъ о тотъ; ибо онъ нигдѣ мнѣ болѣе не попадался и никто его не зналъ. Надворный Совѣтникъ Петерсонъ, когда я по возвращеніи ему описалъ этотъ цвѣтокъ, весьма желалъ его увидѣть и намѣренъ былъ на другой годъ постараться получить его.

На половину дни ѣзды отъ Кургана переночевали мы еще разъ у попа, гдѣ нашли очень хорошую комнату, со всѣми удобностьми, мягкія постели и самой ласковой пріемъ, а на утро къ не малому моему удивленію не требовали у насъ совсѣмъ заплаты. Я узналъ, что *миръ* содержитъ эту комнату и всѣ распоряженія для проѣзжихъ общимъ иждивеніемъ. Можетъ ли гостепріимство

доведено быть далѣе? — Ни одинъ крестьянинъ не явился для принятія благодарности моей!

Въ четыре часа по полудни увидѣли мы Курганъ. Единая неизрачная колокольня возвышалась надъ разсѣянною, еще невиднѣйшею кучею домовъ. Городокъ лежитъ на другомъ не много вышшемъ берегу Тобола и окружается голою степью, простирающеюся вездѣ на нѣсколько верстъ до обросшихъ лѣсами возвышеній и пересѣкаемою премножествомъ камышистыхъ озерковъ. Случившаяся дождливая погода не сдѣлала этого вида пріятнѣе. Самое названіе Кургана казалось мнѣ давно уже предвѣщаніемъ участи моей. Съ сердцемъ сокрушеннымъ и пасмурнымъ взглядомъ видѣлъ я конецъ *претерпѣнныхъ*, и начало *новыхъ страданій* передъ собою; и какъ по наводненію степи мы принуждены были подъѣзжать къ городу очень медленно и по-

минутными извилинами, то я имѣлъ время со всѣхъ сторонъ обозрѣть открытую мою могилу.

Между множествомъ деревянныхъ лачугъ, всѣ въ одно жилье, выказывался только одинъ каменной, довольно со вкусомъ построенный домъ — дворецъ въ *здѣшнемъ* мѣстѣ. Я освѣдомился, кто ему хозяинъ; и мнѣ сказали, какой-то *Розенъ*, бывшій Виц-Губернаторъ Пермскій, имѣющій деревни въ здѣшней странѣ. — Имя это выходило Нѣмецкое и давно было сердцу моему мило; оно напомнило мнѣ стариннаго честнаго моего друга, Барона Фридриха Розена и достойную супругу его, вторую мать мою: достойную чету, многія горестныя часы жизни моей часто развеселявшую, а теперь и въ самомъ прискорбномъ однимъ звукомъ имени своего приносившую мнѣ утѣшеніе.

Послѣ многихъ въ разныя сто-

роны извилинъ прибыли мы наконецъ къ станному плывучему мосту, состоявшему только изъ однихъ вмѣстѣ связанныхъ бревенъ, утвержденныхъ на томъ и этомъ берегу Тобола, а впрочемъ предоставленныхъ на произволъ струй. Естественно, что всякая повозка давила ихъ глубоко въ воду и должно было очень прилѣжно смотрѣть впередъ, чтобъ по *мосту*, гдѣ еще онъ не подавался внизъ, и слѣдовательно поверхъ воды былъ, переправляться *черезъ мостъ*.

Въ Курганѣ только двѣ паралельныя широкія улицы и мы въѣхали теперь въ одну. У Нижняго Земскаго Суда мы остановились; унтеръ-офицеръ мой вошелъ туда и воротясь тотчасъ сказалъ, что Городничей въ отлучкѣ, а должностію его правитъ Засѣдатель Нижняго Земскаго Суда и для того мнѣ должно къ нему ѣхать. И такъ мы опять поѣхали

нѣсколько сотъ шаговъ далѣе до дому этаго человѣка; тамъ опять остановились, обо мнѣ сказали, и черезъ короткое время просили войти.

Я нашелъ старика добродушной физіономіи, который однакожъ въ эту минуту почелъ долгомъ своимъ принять нѣсколико важный видъ. Онъ холодно меня принялъ, надѣлъ очки, распечаталъ полученное обо мнѣ предписаніе и прочія бумаги, и читалъ ихъ одну за другою съ великимъ вниманіемъ, не заботясь болѣе обо мнѣ. Мнѣ вздумалось ему показать, какъ я желаю, чтобъ теперь и впередъ со мною поступали, и для того взялъ стулъ и сѣлъ. Онъ стороною взглянулъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но потомъ читалъ про себя далѣе.

Между тѣмъ изъ другой комнаты собралось около меня множество любопытствующихъ. Кромѣ нѣсколькихъ довольно взрослыхъ дѣтей,

вышли молодая пригожая женщина (вторая жена хозяина), старая почти слѣпая мать его и мущина среднихъ лѣтъ въ Польскомъ платьѣ. Всѣ молча смотрѣли на меня, и совершенная тишина была, пока Засѣдатель разсмотрѣлъ бумаги.

Съ развеселеннымъ лицемъ — ибо конечно Губернаторъ рекомендовалъ меня ему, а *вѣрнѣе* того убѣждало его въ мою пользу сердце его, коего доброту я скоро послѣ того узналъ — оборотился онъ теперь ко мнѣ, подалъ мнѣ руку, ласково привѣтствовалъ меня, представилъ мнѣ свою семью, а напослѣдокъ и Поляка, котораго поздравлялъ, что ему будетъ теперь товарищъ въ нещастіи и рекомендовалъ его моей дружбѣ. Я съ горестію его обнялъ и думалъ, также какъ и онъ, что одинакая участь наша насъ скоро подружитъ.

Засѣдателя Земскаго Суда звали де Грави. Отецъ его, Шведской Офи-

церъ, взятъ былъ въ полонъ на сраженіи подъ Полтавой, и со многими земляками своими сосланъ въ Сибирь. Здѣсь женился онъ на туземкѣ и умеръ въ заточеніи. Сынъ его служилъ въ войскѣ, былъ въ семилѣтней войнѣ, возвратился въ свое отечество, перешелъ изъ военной въ статскую службу и жилъ теперь при маломъ достаткѣ своемъ весело и довольно; по крайней мѣрѣ я не видалъ его иначе какъ въ веселомъ духѣ. Недавно произвели его Надворнымъ Совѣтникомъ, и онъ безъ всякой надмѣнности, не мало тому радовался.

Послѣ первыхъ привѣтствій стали мы говорить только о томъ, чтобъ отвесть мнѣ квартиру, которая бы въ силу полученнаго предписанія была изъ самыхъ лучшихъ въ Курганѣ. Но тутъ разумѣлась казенная квартира, каковую можно было отъ всякаго хозяина требовать для

постою. По весьма явнымъ причинамъ всякой какъ можно старается избавиться отъ такой повинности; а естьли *принужденъ* принять незваного гостя, то по меньшей мѣрѣ уступаетъ самыя худшія горницы.

Де Грави долго думалъ туда и сюда, и наконецъ приказалъ вѣстовому, маленькому горбатому человѣку, куда меня проводить. Къ ужину просилъ онъ меня приходить опять къ нему, но я на нынѣшній день отказался, желавъ крайне быть въ новой моей квартирѣ.

Я пошелъ съ проводникомъ моимъ. Онъ привелъ меня къ маленькому низенькому домику, гдѣ я чуть-было о-дверь не разшибъ себѣ голову. Это не много мнѣ обѣщало; а въ назначенныхъ мнѣ горницахъ я еще менѣе нашелъ. Это были темные клѣва, гдѣ я едва могъ стоять прямо, голыя стѣны, столъ, двѣ скамьи,

безъ кровати, маленькіе бумагой заклеенные окошечки. Я тяжело вздохнулъ; хозяйка также отвѣчала вздохомъ и съ безмолвною досадою прибирала пеньку и холстину, бывшую тутъ съ старымъ платьемъ и старою посудою.

Скрѣпясь я сталъ, какъ могъ приготовлять у себя. Не прошло часу, какъ добрый де Грави прислалъ мнѣ на новосельѣ окорокъ ветчины, нѣсколько хлѣбовъ, яицъ, свѣжаго масла и еще кой-чего такого, изъ чего мой Росси изготовилъ отмѣнный ужинъ, болѣе для себя, нежели для меня. Послѣ того искалъ я въ первой разъ сна на черномъ полу, но грусть и гадины прогоняли его.

На утро довольно рано пришли меня повздравить съ пріѣздомъ всѣ почетные люди въ городѣ. Назову ихъ поряду, дабы дать понятіе о Курганскомъ хорошемъ обществѣ.

Степанъ Осиповичь Мамеевъ, исправникъ; добродушный, забавный услужливый и зажиточный человѣкъ. Въ домѣ его видны были даже нѣкоторые слѣды роскоши; однакожъ конечно эту роскошь не умѣлъ онъ расположить со вкусомъ. На примѣръ, я помню, что видѣлъ въ комнатѣ его нѣсколько маленькихъ столиковъ и подносовъ, хорошо списанныхъ съ извѣстныхъ эстамповъ, и лакированныхъ отмѣнно искусно въ находящейся при Екатеринбургѣ фабрикѣ. Они очень были дороги; но онъ употреблялъ ихъ не для столовъ и не для подносовъ, но повѣсилъ ихъ по стѣнамъ вмѣсто картинъ, и для этого снялъ ихъ съ ножекъ, которыя онъ особо вмѣсто убранства разставилъ.

Іуда Никитичь, Засѣдатель въ Земскомъ судѣ, къ которому я также имѣлъ письмо.

Еще другой Засѣдатель.

Секретарь этого суда, добросердечный старикъ, по видимому очень чувствующій свѣдѣніе свое въ дѣлахъ. Онъ во всемъ городѣ одинъ только получалъ Московскія вѣдомости.

Лекарь.

Эти люди, кромѣ еще отсутствующаго Городничаго, составляли тѣсный кругъ, въ которомъ мнѣ въ печальномъ уединеніи должно было проводить жизнь мою.

Натурально, что во всемъ Курганѣ всѣхъ привлекательнѣе для меня былъ Полякъ Иванъ Соколовъ. Онъ былъ помѣщикъ на новой Россійско-Пруской границѣ, и не былъ ни въ службѣ, ни иначе какъ не мѣшался въ дѣла революціи. Одинъ пріятель его, имѣвшій, можетъ быть не совсѣмъ неподозрительную переписку въ новыя Прускія владѣнія, думалъ вѣрнѣе получать оттуда письма на имя Соколова и потому не сказавъ даже

напередъ ему, велѣлъ ихъ надписывать на его имя. Самое первое письмо такого роду было перехвачено. Соколовъ ничего не вѣдалъ. Онъ обѣдалъ разъ въ сосѣдственной деревнѣ Генерала Вельгурскаго. Туда пріѣзжаетъ Офицеръ, искавшій уже дома, и арестуетъ его и съ другими болѣе или менѣе виновными и невинными. Всѣ находились нѣкоторое время не помню въ какой-то крѣпости, пока донесено было въ Петербургъ. Потомъ Соколова съ товарищами его посадили въ кибитки и повезли въ Тобольскъ. Тамъ разлучили съ товарищами и послали въ Курганъ, гдѣ онъ уже три года прегорестную жизнь велъ, не имѣя ни малѣйшей вѣсти о женѣ своей и шестерыхъ дѣтяхъ.

Онъ получалъ отъ казны по 20 копѣекъ на день, а чтобъ доставало этихъ денегъ, долженъ былъ лишаться всякой удобности, всякой радо-

сти въ жизни. Зимою жилъ онъ у хозяина всегда пьянаго, съ хозяйкой всегда сварливой, съ кошками и собаками, курами и свиньями въ одномъ темномъ клѣву; лѣтомъ, чтобъ быть одному, переходилъ онъ въ сарай, гдѣ и я у него бывалъ. У него ничего не было, кромѣ пустой кровати, маленькаго столика, стула, таза, и распятія на стѣнѣ.

При всемъ этомъ крайнемъ недостаткѣ, онъ не принималъ никакого подарка, питался молокомъ, хлѣбомъ и квасомъ и одѣвался всегда опрятно и порядочно. Вездѣ въ городкѣ его любили и называли Ванюшей. Особливо ласково принимали его у Надворнаго Совѣтника де Грави; ибо онъ съ хорошимъ обращеніемъ показывалъ разительное добродушіе и въ нещастіи своемъ сохранялъ равнодушіе, каковому я дивился и часто напрасно подражать желалъ. Тогда только, когда мы бывали одни;

когда въ двадцатой разъ пересказывали другъ другу имена милыхъ дѣтей своихъ: тогда только навертывались у него слезы на глазахъ и онъ предавался мрачному унынію. — Жаль было только, что онъ не говорилъ по Французски, ниже по Латынѣ, что большая часть Поляковъ умѣетъ. Отъ того разговоры наши были очень трудны: ибо хотя онъ и лучше моего говорилъ по Руски, но и тому научился только въ Курганѣ, а по его Польскому выговору я очень часто не могъ его разумѣть. Но за то сердца наши тѣмъ лучше понимали другъ друга! Въ нѣдрахъ нещастія связь становится тѣснѣе связи близнецовъ въ нѣдрѣ матери. —

Я долженъ еще особенною чертою довершить изображеніе его характера. Онъ былъ такъ непонятно совѣстенъ, что отклонялъ даже всякое предложеніе отправить письмо

къ домашнимъ его, единственно для того, *что это было не позволено* и что онъ долженъ былъ *обѣщать* Губернатору, не искать постороннихъ способовъ.

Возвращаюсь къ моему повѣствованію. Никто изъ посѣтившихъ меня въ первое утро, не пришелъ съ пустыми руками; всякой принесъ мнѣ что нибудь для пищи или питья, ну меня не было только чулана, куда бы все поставить. Де Грави также пришелъ узнать, доволенъ ли я своею квартирою. Я ему откровенно сказалъ, что она мнѣ очень не кажется. Онъ тотчасъ готовъ былъ вести меня самаго по всему городку, и показать мнѣ на собственный выборъ всѣ квартиры, которыя онъ отводить можетъ. Я съ благодареніемъ принялъ его предложеніе. Мы большую часть дня переходили изъ дому въ домъ, но находили ихъ часто еще хуже, рѣдко лучше, и вездѣ такъ тѣсно, что мнѣ бы необходи-

мо должно было жить въ одной горницѣ съ моимъ слугою, что мнѣ совсѣмъ было нелюбо.

Наконецъ попросилъ я его предоставить мнѣ самому попеченіе о квартирѣ, какъ я хотѣлъ попытаться, не отворитъ ли мнѣ большой главной ключь, *деньги*, какого нибудь дома, которой бы удобнѣе былъ. Онъ согласился на то, хотя думалъ, что я такого дома не найду. Но я полагался на расторопнаго моего Росси, который уже въ первые сутки ознакомился со всѣмъ городомъ, и думаю, также весь городъ уже обмануть успѣлъ. Онъ пошелъ провѣдывать, и скоро воротился съ извѣстіемъ, что я могу получить новый маленькой домикъ для себя одного, естьли хочу дать за наемъ пятнатцать рублей въ мѣсяцъ. Хозяинъ былъ купецъ, который для манящей прибыли хотѣлъ очистить собственное свое жилье и перейти самъ въ еще

меньшій задній домикъ на томъ же дворѣ.

Я тотчасъ пошелъ посмотрѣть предлагаемую мнѣ квартиру и нашелъ ее такъ удобною, и по Курганскому образу такъ пышно убранною, какъ только всегда желать могъ. Тутъ была одна большая и одна маленькая горницы, теплая просторная кухня съ кладовою. Стѣны конечно были голые бревна безъ обой; но хозяинъ разукрасилъ ихъ множествомъ пестрыхъ этамповъ и масленныхъ портретовъ, которые хотя всѣ очень плохи были, но въ *здѣшнемъ* мѣстѣ нѣкоторымъ образомъ обольщали, какъ будто не въ толь пустой странѣ находишся. Напримѣръ тутъ были разныя Нюренбергскія произведенія: Аугсбурская мѣщанка, Лейпцигская дѣвка, Вѣнской крендельщикъ, всѣ съ Нѣмецкими подписьми; и одинъ взглядъ на нѣсколько словъ природнаго моего

языка, такъ меня утѣшалъ, что я не охотно бы разстался опять съ этими *Нѣмецкими* картинками. Еще были тамъ дурныя копіи съ положеній Лади Гамильтонъ, и съ Геркуланскихъ картинъ, ландшафты и тому подобныя. Портреты, Руской работы, изображали всѣ прежнихъ Царей, съ подписью именъ ихъ.

Мёбли были двѣ деревянныя скамьи съ задниками, называемыя однакожъ софами потому, что на каждой положена была съ постели подушка и обтянута набойкой; нѣсколько стульевъ и столовъ; стекольчатой шкафъ съ фарфоромъ, который однакожъ былъ запертъ и хозяйка выговорила его для единственнаго своего употребленія. Домикъ стоялъ на улицу, а позади былъ постороный дворъ, изъ котораго выходили на Тоболъ, гдѣ я могъ съ удовольствіемъ гулять. Задній домъ хозяйской совсѣмъ былъ отдѣленъ отъ моего. Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ были для

меня такъ привелекательны, что я несмотря на чрезычайную плату, которая бы и въ Петербургѣ изрядна и очень не по моему тощему кошельку была -- тотчасъ ударилъ по рукамъ, и сталъ приготовляться, въ тотъ же день перейти.

Но совсѣмъ нечаянное препятствіе мнѣ случилось: честной мой де Грави отнюдъ не хотѣлъ допустить, чтобъ я столь много денегъ тратилъ. Онъ то и дѣло говорилъ: такая цѣна не слыхана съ того времени какъ стоитъ Курганъ! Онъ призвалъ купца, и такъ его разбранилъ, что тотъ испугавшись, хотѣлъ совсѣмъ отказаться. Мнѣ твердилъ онъ разъ двадцать Руску́ю пословицу: береги деньги на черный день; хотѣлъ донести о томъ Губернатору, почитая долгомъ своимъ имѣть обо мнѣ попеченіе; словомъ я съ крайнимъ трудомъ могъ вразумить его, что я въ состояніи это

платить, и всегда полагалъ себѣ за правило, лучше хуже ѣсть, нежели дурно жить. Наконецъ онъ съ досадою согласился, но не прежде, какъ хозяинъ обѣщалъ давать мнѣ безъ платы дрова и квасъ. Тогда перешелъ я на новую квартиру; и когда только приходилъ послѣ де Грави ко мнѣ, то всегда долженъ былъ слышать старую пѣсню о чрезмѣрной платѣ.

Конечно, когдабъ я обманулся въ надеждѣ получить денегъ изъ Лифляндіи, когдабъ задерживали всѣ письма ко мнѣ, и когдабъ и жена моя не могла или не смѣла ко мнѣ пріѣхать: то черезъ полгода я бы въ самой крайности былъ, не получая ни полушки отъ казны. Но на теперешнее время были у меня деньги, а впередъ я надѣялся; по тому и хотѣлъ по крайней мѣрѣ на случай сколько можно облегчить мое страданіе. Впрочемъ въ Курганѣ бы-

ло такъ чрезвычайно дешево, я требовалъ такъ не многаго, а случаи къ излишнимъ расходамъ были такъ рѣдки, что я и до году протянуть могъ моими деньгами; а до того времени могло бы иное и перемѣниться.

Я спросилъ однажды Надворнаго Совѣтника де Грави при исправникѣ: что бы стоило содержаніе въ годъ пары лошадей? — Рублей тритцать, отвѣчалъ онъ, было бы на то довольно. Что? перебилъ его исправникъ: рублей тритцать? я поставлю пару съ хорошимъ кормомъ за двадцать пять.

Изъ сего можно заключить, что первые потребности жизни въ Курганѣ были чрезвычайно дешевы; естьли только иныя можно было всегда получить! Хлѣбниковъ и мясниковъ тамъ не было. Разъ въ недѣлю, и то по воскресеньямъ по полудни, бывалъ торгъ, на которомъ должно

было запастись мясомъ и хлѣбомъ на всю недѣлю; а иногда мяса и совсѣмъ не бывало.

Напротивъ нѣкоторыя другія къ роскоши принадлежащія вещи были очень дороги. Штофъ *такъ называемой* Французской водки стоилъ два съ половиною рубля; фунтъ сахару рубль; фунтъ кофе болѣе полутара рубля; хорошій Китайской чай три рубля фунтъ; полдюжины игръ дурныхъ картъ семь рублей; десть Голандской бумаги около трехъ рублей.

Но все это были такія вещи, безъ которыхъ можно было обойтись, и я въ концѣ первой недѣли нашелъ, что я — включая бѣлье, свѣчи и все прочее — едва нѣсколько рублей издержалъ. Конечно столъ мой былъ такой умѣренной, какой только вообразить себѣ можно; главное въ немъ составлялъ хлѣбъ ситной (рѣд-

ность въ Курганѣ, чѣмъ меня доброй де Грави дважды въ недѣлю снабжалъ) и отмѣнное масло, всякой день свѣжее. Никогда въ жизни моей не ѣдалъ я лучшаго масла, что и весьма естественно было, какъ коровы паслись на самыхъ тучныхъ лугахъ. Кромѣ хлѣба съ масломъ, бывала у меня иногда молодая курица съ пшеномъ, голубь или утка, которую я самъ застрѣлилъ, а къ десерту стаканъ квасу. Я вставалъ отъ стола хотя доволенъ, но никогда подлинно *сытъ*, и думаю, что сему обстоятельству особенно обязанъ не только продолжительнымъ, но и поправляющимся моимъ здоровьемъ.

Впрочемъ я слѣдующимъ образомъ жилъ: по утру въ шесть часовъ вставалъ, и съ часъ училъ наизусть Русскіе вокаблы; ибо какъ изъ всѣхъ жителей всего городка никто не говорилъ другаго языка, кромѣ Русскаго, то для меня не-

обходимо нужно было получше выучиться ему. Потомъ я завтракалъ и писалъ нѣсколько часовъ исторію моихъ страданій. Послѣ сей мнѣ почти пріятной ставшей работы, ходилъ я съ часъ обыкновенно въ шлафрокѣ и туфляхъ, гулять по берегу Тобола, гдѣ отмѣрилъ себѣ мѣсто на двѣ версты ровно въ длину, и проходилъ туда черезъ калитку, не встрѣчаясь ни съ кѣмъ. Возвратясь читалъ я еще съ часъ Сенеку; потомъ принимался за умѣренной мой обѣдъ, ложился на постель, спалъ, а тамъ читалъ путешествіе Палласа или Гмелина, пока приходилъ Соколовъ звать меня на охоту. Послѣ онъ обыкновенно пивалъ у меня чай, причемъ мы повторяли другъ другу свои приключенія и сообщали свои надежды, или взаимныя опасенія свои съ нетвердымъ увѣреніемъ опровергали. Когда онъ уходилъ, то читалъ я еще часъ Сенеку, ѣлъ при томъ хлѣбъ свой съ масломъ, потомъ

ворожилъ картами одинъ, и ложился спать болѣе или менѣе печаленъ, какъ — почти стыжусь этаго признанія — выходили карты, хорошо или дурно.

Кто самъ бывалъ въ настоящемъ нещастіи, тотъ изъ опыту извѣдалъ, что никогда не льзя болѣе имѣть наклонности къ суевѣрію, какъ въ несчастіи. Что во всякомъ другомъ положеніи жизни было бы *совсѣмъ ничто*, то въ несчастіи воображаешь себѣ по крайней мѣрѣ *соломенкой*; и съ удостовѣреніемъ въ сердцѣ, что эта самосозданная соломенка не удержитъ и комара, хватаешся за нее и печалишся, когда не попадетъ въ руки. Такъ признаюсь я, что всякой вечеръ въ Курганѣ раскладывалъ карты, чтобъ узнать: будуль когда имѣть радость, увидѣть опять мое семейство. Когда карты выходили хорошо, то — не могу сказать, чтобъ я тому *радо-*

вался, но мнѣ оно пріятно было; а когда не хорошо — выходили, то не могу сказать, чтобъ опасеніе мое увеличивалось, но меня *отсчитывало* то. Улыбайтесь вы, коихъ лодка всегда плыла по легко волнующимся ручьямъ; улыбайтесь, видя нещастнаго, обуреваемаго въ открытомъ морѣ на обломкѣ судна, и старающагося удержаться за поростъ морской! —

Такъ проходили дни мои. Впрочемъ я былъ совершенно свободенъ, ни подъ чьимъ надзоромъ. Доброй мой старой унтеръ-офицеръ Андрей Ивановъ черезъ два дни по прибытіи моемъ въ Курганъ возвратился въ Тобольскъ и съ самаго начала почли не нужнымъ замѣнить его мѣсто, что однакожъ наблюли въ разсужденіи Поляка въ первое время его пребыванія здѣсь. Да и всякой присмотръ былъ бы не нуженъ. Конечно мы на охотѣ ходили на многія версты отъ города; но куда бы мамъ

вздумалось или можно было убѣжать? — Курганъ лежалъ прежде на границѣ Киргизской; но уже съ нѣсколькихъ лѣтъ граница эта подвинута впередъ на пятнатцать миль, и тамъ построена крѣпость.

Но естьлибъ она и теперь смежна была съ уѣздомъ городка, то чтобы пользы въ томъ было людямъ, лишеннымъ всѣхъ способовъ къ побѣгу, и не разумѣющимъ порядочно и Рускаго, а не токмо Киргизскаго языка! да и въ *этомъ* случаѣ покушеніе къ побѣгу было бы преотчаянное предпріятіе; ибо Курганцы съ ужасомъ вспоминали то время, когда не смѣли выходить гулять за городъ, не подвергаясь опасности быть пойманы разъѣзжающими Киргизцами. Тогда привязывали ихъ къ лошадиному хвосту и они должны были бѣжать на ровнѣ съ лошадью. Верхомъ ѣдущій даже и не оглядывался на нихъ: какъ бы они ни кричали и

ни вопили. Прибывъ уже домой и сошедъ съ лошади, смотрѣлъ онъ, живъ ли еще плѣнникъ его, или умеръ. Въ первомъ случаѣ онъ становился рабомъ его, или что еще чаще бывало, продавалъ Бухарцамъ, которые его, Богъ вѣдаетъ куды, завозили. И такъ мы благодарили Бога, что по крайней мѣрѣ не опасаясь этихъ варваровъ могли ходить на охоту.

Эта забава всегда была благотворна для меня, хотя у насъ и мало способовъ было, сдѣлать охоту нашу пріятною. У насъ только и была пара плохихъ ружей, которые должно было всегда четыре или пять разъ спускать, пока выстрѣлятъ. Лягавой собаки во всемъ городѣ не было, ниже пуделя, который бы ходилъ въ воду. А какъ степь пересѣкаема была премножествомъ малыхъ болотистыхъ озеръ; а утки и бекасы въ эту годовую пору почти однѣ намъ на охотѣ попадались: то мы

необходимо должны были сами вмѣсто пуделей часто по поясъ ходить въ воду, дабы получить убитую птицу. Полякъ мой уже привычнѣе меня былъ къ такой неудобной охотѣ: онъ не обинуясь ходилъ въ самыя глубокія озера, бывалъ по получасу въ водѣ, выгонялъ мнѣ дичь изъ тростника, искалъ подстрѣленную и спрятавшуюся, словомъ кромѣ чутья, замѣнялъ лучшую лягавую собаку; но этотъ самой недостатокъ при несмѣтномъ множествѣ здѣсь дичи, былъ совсѣмъ маловаженъ. Я въ Европѣ никогда не видывалъ многочисленнѣйшихъ стай *воронъ*, какъ здѣсь *утокъ*, и то до ста разныхъ родовъ. Тутъ были самыя большія и самыя малыя, съ долгими и короткими, плоскими и круглыми клювами, на высокихъ и низкихъ ногахъ, сѣрыя, темныя, совсѣмъ черныя съ желтыми носами, а иногда, однакожъ очень рѣдко, прекрасную Персидскую розоваго цвѣту утку, съ чернымъ

клювомъ и хохломъ, которая всегда, когда по ней стрѣляли, прежалостно кричала, хотя и не попадали въ нее.

Также многочисленныхъ и различныхъ родовъ были бекасы. Между прочими были темножелтые, на превысокихъ ногахъ, съ опушкою около шеи, величиною съ голубя. Они во множествѣ водились въ камышѣ; когда къ нимъ подходили, то вылетали все колесомъ съ противнымъ крикомъ и въ нихъ легко было на лету попадать; но мясо ихъ не очень было вкусно. Раза два попадались мнѣ на высокихъ ногахъ долгоносыя, какъ снѣгъ бѣлыя птицы, которыя обыкновенно по пяти вмѣстѣ искали себѣ корму по берегу озеръ; но очень были пугливы, и на двѣсти шаговъ уже взлетывали. Названія ихъ я не могъ узнать.

Кромѣ утокъ и бекасовъ было много вкусныхъ голубей, а наконецъ

еще несмѣтное множество черныхъ дроздовъ, которые летали густыми стаями и садясь на кустъ, совсѣмъ его покрывали. Они отмѣнно были вкусны; но малый нашъ запасъ аммуниціи не позволялъ намъ часто ихъ стрѣлять.

Полякъ сказывалъ мнѣ, что въ поздную годовую пору дичь еще гораздо разнороднѣе бываетъ и что тогда премножество водится зайцовъ, тетеревей и проч. Онъ подтвердилъ, что я и въ Тобольскѣ уже слыхалъ также, что иногда попадаются и драхвы. — О медвѣдяхъ не слыхать около Кургана, и волки рѣдки, потому, что тамошняя страна слишкомъ для нихъ плоска. Соболей мало, но очень много горностаевъ. Большіе и малые ястребы премножествомъ вьются на воздухѣ и такъ не робки, что ихъ можнобъ было стрѣлять въ городѣ изъ оконъ.

Какъ я всегда былъ страстной

охотникъ, то позволеніе ходить на охоту, доставляло мнѣ самое пріятное занятіе. Къ этому еще прибавить должно, что степи для глазъ изукрашены были многоразличнѣйшими цвѣтами, въ числѣ которыхъ я особливо во множествѣ замѣтилъ прекрасную финифтевую Spiraea filipendula (донникъ); для обонянія были большія полосы все съ душистыми травами, между прочими Божьимъ деревовъ (Artemisia Abrotanum); вездѣ попадались многочисленныя, сытыя стада рогатого скота и лошадей, которые безъ пастуха свободно рѣзвились; и наконецъ во все время моего пребыванія были самыя ясныя лѣтнія дни. Это лѣто, въ которое въ Лифляндіи жаловались на холодъ и сырость, было въ Азіи самое жаркое и сухое. Правда всякой день бывали грозы; но онѣ скоро проходили, и освѣжали только воздухъ, не охладивъ его совсѣмъ.

Другое, часто меня пріятно

занимавшее времяпрепровожденіе были прогулки мои по Тоболу. Тамъ были платьемойныя мѣста, куда молодыя дѣвки изъ городу сбирались, и послѣ мытья и сами обыкновенно купались. Въ купаньи онѣ удивительно были искусны. Онѣ безъ всякаго труда переплывали черезъ Тоболъ и назадъ: часто долгое время носились на спинѣ по волнамъ; рѣзвились въ водѣ, бросались пескомъ, гонялись другъ за дружкой, ныряли, схватывались и сваливали одна другую; словомъ, онѣ часто до того шалили, что незнающій зритель всякой бы мигъ долженъ былъ опасаться, что которыя нибудь изъ нихъ совсѣмъ утонутъ. Впрочемъ все это происходило съ крайнею пристойностію. Видя однѣ головы надъ водою, часто долго не льзя было узнать, мальчики ли или дѣвки купаются. Конечно не могли онѣ того сдѣлать, чтобъ не видать было грудей; но это для нихъ почти ни чего не значило. Наиграв-

шись же довольно, не хотя долѣе оставаться въ водѣ, и будучи очень стыдливы, онѣ до тѣхъ упрашивали любопытнаго зрителя, пока онъ уйдетъ; или когда имъ на зло не отходилъ, то дѣвки на берегу становились плотно въ кружокъ около нагой, выходящей изъ воды. Каждая бросала ей тогда одежду, и въ мигъ была она пристойно одѣта между прочими.

Дѣвки эти всегда были веселы и рѣзвы; всегда смѣялись и шалили. Исправникъ, усердной почитатель прекраснаго пола, приходилъ иногда по вечерамъ ко мнѣ для того только, чтобъ сидя у меня подъ окномъ, видѣть проходящихъ всѣхъ Курганскихъ красавицъ, которыя объ эту пору ходили за водой. Тогда онъ называлъ ихъ по именамъ, и означалъ, которыя изъ нихъ сговорчивы, и стыдливая ласковость, съ каковою онѣ кивали ему головою, доказывала, что онъ говоритъ по опыту.

Частыя сначала посѣщенія господъ Курганцовъ бывали мнѣ въ тягость, хотя я и чувствовалъ, что они дѣлали то съ добрымъ намѣреніемъ. Приказной — или что то такое — жившій напротивъ меня, примѣтилъ не одинъ разъ, что я у окна куривалъ по утрамъ трубку. Бывъ самъ охотникъ курить табакъ, прислалъ онъ обрадовать меня, что всякое утро хочетъ курить свою трубку у меня и раздѣлить со мною время на нѣсколько часовъ. Я съ превеликимъ трудомъ могъ отвесть его отъ доброжелательнаго его намѣренія. Онъ и прочіе господа въ Курганѣ не понимали, какъ я могу всегда быть одинъ, и *желать* того. Они не вѣдали, что съ образомъ милой жены въ сердцѣ и съ Сенекою въ рукѣ, нигдѣ не бываешь одинъ.

Сенекѣ обязанъ я несказанно! Едва ли въ тысячу восемь сотъ лѣтъ ублажалъ кто другой такъ усердно

память его, какъ я. Часто, когда отчаяніе протягивало когти свои ко мнѣ, хватался я за руку этого друга, который всякой день терпѣніемъ и твердостію наполнялъ мою грудь. Сходство участей нашихъ болѣе меня привязало къ нему. Онъ невинно былъ сосланъ и восемь лѣтъ томился между бесплодныхъ скалъ Корсиканскихъ. Описаніе его положенія такъ подходило къ моему; сѣтованіе его на климатъ, суровые нравы, чужой незнакомой языкъ: все можно было примѣнить ко мнѣ. А на послѣдокъ какія сильныя изреченія противъ боязни смерти, ввелъ онъ вездѣ въ своихъ писаніяхъ! Я прилежно выбиралъ ихъ, присвоилъ ихъ уму и сердцу моему и всегда носилъ при себѣ, какъ Фридрихъ великій благотворный ядъ, который принять хотѣлъ, когдабъ изчезла вся надежда. Ибо, когдабъ можетъ быть черезъ нѣсколько мѣсяцовъ и для меня пропала вся надежда; когдабъ

испугъ и скорбь повергли во гробъ добрую жену мою, или когдабъ ей воспрепятствовали ко мнѣ пріѣхать; когдабъ съ послѣдними днями лѣта истощились мои деньги; когдабъ мнѣ тамъ въ тритцати градусной стужѣ можетъ быть должно было работать изъ поденной платы, дабы промыслить сухаго хлѣба и квасу: — что бы тогда оставалось мнѣ кромѣ смерти? —

Я совершенно обдумалъ и твердо принялъ свое намѣреніе. На случай, когда пріѣдетъ ко мнѣ милая жена, расположилъ я послѣдній, единый возможный планъ. Я тутъ полагался на опытъ, что по всей Россіи изъ краю въ край можно ѣхать *безъ осмотру*. На этомъ обстоятельствѣ основалъ я слѣдующее предпріятіе:

Въ большой моей горницѣ хотѣлъ я сдѣлать досчатую перегородку, а въ самомъ углу за нею, какъ

шкафъ для платья. Послѣ того хотѣлъ я прежде мѣсяца два жить покойно и по видимому довольно съ женою моею, а по томъ притворить-ся постепенно больнымъ, напослѣдокъ и поврежденнымъ въ умѣ. Это бы также продлилось нѣсколько мѣсяцовъ. А тамъ хотѣлъ я въ одинъ вечеръ въ темнотѣ положить шубу мою и шапку на берегу Тобола у прорубя, тихохонько послѣ прокрасть-ся домой и спрятаться въ шкафъ съ верху открытой.

Жена моя встревожится. — Меня ищутъ — находятъ шубу — явно, что я утопился въ прорубѣ — оставленное письмо подтверждаетъ это. — Жена моя въ отчаяніи — днемъ она лежитъ въ постелѣ — ночью даетъ мнѣ пищу. — О произшествіи этомъ донесутъ въ Тобольскъ, а оттуда въ Петербургъ. Тамъ положатъ донесеніе къ сторонѣ и позабудутъ обо мнѣ. — Черезъ нѣкоторое время же-

на моя оправится не много, и проситъ подорожной для проѣзду въ Лифляндію, которой не льзя не дать ей. — Она купитъ большую кибитку на полозьяхъ, въ которой можно покойно лежать протянувшись: и подлинно единственная повозка, въ которой удобно отважиться на такое предпріятіе. Я лежу въ исподѣ, — сверхъ меня накладываютъ подушки и дорожную поклажу. Жена моя садится ко мнѣ и отворяетъ западню мою, когда только мнѣ нужно; — и естьли только силъ моихъ будетъ совершить толь дальній путь такимъ непокойнымъ образомъ, то несомнѣнно вѣрно, что мы безъ всякаго препятствія пріѣдемъ къ собственному моему дому въ Фридентальѣ: ибо сказано уже, что *внутри* предѣловъ Россіи никогда не беспокоятъ ѣдущихъ осмотрами, и можно ѣхать отъ Полангена до Чукотскаго носа, и никто не позаботится о томъ, что въ повозкѣ везутъ.

Главное дѣло потому состояло въ искусствѣ, чтобъ смерть мою точно вѣроятною представить, что тѣмъ легче могло быть, какъ мы въ Курганѣ дѣло имѣли съ людьми, вѣрно не подозрѣвавшими обмана и неимѣвшими столько способности, чтобъ открыть нѣсколько хитро расположенный.

Когдажъ бы я уже былъ въ Фридентальѣ, то тамъ напередъ очень бы легко могъ скрываться отъ всѣхъ. Сверхъ того было у меня довольно друзей въ Эстландіи, на которыхъ я — выражаясь какъ можно сильнѣе — также бы вѣрно положиться могъ, какъ на жену мою. Кнорингъ или Гвекъ такимъ образомъ отвезли бы меня въ Ревель — тамъ бы благородный Фридрихъ Унгеръ-Штернбергъ отправилъ меня въ свои помѣстья подъ Гаспалемъ, а оттуда на собственномъ суднѣ въ дачи свои на островѣ Даго, откуда бы я при пер-

вомъ попутномъ вѣтрѣ на рыбачьей лодкѣ въ двенадцать часовъ могъ переправиться въ Швецію. — Повторяю, только въ томъ состояло, вынесу ли я дорогу *такимъ* образомъ: впрочемъ планъ этотъ для щастливца, имѣющаго *такую* жену и *такихъ* друзей, очень можно было выполнить.

Намѣреніе мое къ побѣгу, предпринятое уже въ Лифляндіи, о которомъ я теперь не обинуясь смѣю говорить, основано было на той же надеждѣ. Тамъ полагалъ я мнимую смерть мою въ Двинѣ и хотѣлъ скрыться въ развалинахъ Кокенгузенскихъ. Господину Левенштерну должно было притвориться, будто онъ ревностно старается отыскать тѣло мое въ рѣкѣ. Послѣ всѣхъ тщетныхъ стараній могъ онъ Щ—ну дать свидѣтельство о смерти моей; такъ бы забыли обо мнѣ въ Петербургѣ, дѣло было бы конечно, а тог-

дабъ друзьямъ моимъ легко было меня спасти вышепоказаннымъ образомъ. — Въ одномъ случаѣ казалось исполненіе въ Курганѣ легче. Именно легко понять было можно, что тѣло, попавшееся подъ ледъ въ Тоболѣ не льзя бы было найти; безуспѣшное же исканіе въ открытой Двинѣ могло возбудить нѣкоторое подозрѣніе. Сверхъ того въ Сибирѣ не новое было слышать, что нещастный самъ собою кончилъ горестную жизнь свою.

Пріятель мой Киндяковъ думалъ, что также легко бы было переодѣвшись какъ надобно, пристать къ идущему изъ Китая каравану; и онъ самъ бы отважился на покушеніе избавиться такимъ образомъ, естьлибъ благородный этотъ человѣкъ не опасался тѣмъ сдѣлать тягостнѣе участь своихъ братьевъ. Для меня, какъ чужестранца, такое предпріятіе было не возможно, ибо для удачи

въ томъ должно быть или подлинно Рускому, или же умѣть чисто по Руски, дабы почли его за Рускаго извощика. И такъ я остался при моемъ планѣ, предписалъ женѣ моей все, что ей къ способствованію ему должно было привесть и намекнулъ ей о моемъ намѣреніи, повторяя въ каждомъ письмѣ:,, что она пріѣхавъ ко мнѣ, будетъ для меня болѣе, нежели *Лодоиска* для своего *Лувета*. ,,

И въ Кургавѣ нашелъ я добраго человѣка, которой самъ вызвался къ отправленію моихъ писемъ, и черезъ него подлинно жена моя скорѣе всѣхъ другихъ дорогъ получила отъ меня письмо. Ради легко понимаемыхъ причинъ я не называю его здѣсь; но предъ Богомъ сердце мое уже тысячу кратъ его именовало.

О какъ жалѣю я о черножелчныхъ Философахъ, приписывающихъ естеству человѣческому врожденную

испорченность! Меня участь моя утвердила въ довѣріи къ людямъ. — какъ мало безчувственныхъ упоминаются въ моей исторіи! — Да, съ радостнымъ удостовѣреніемъ говорю я: будь нещастливъ, и вездѣ найдешь друзей; въ самомъ отдаленнѣйшемъ, пустомъ краю земли отворятъ тебѣ объятія и сердца.

И добрые, неразвращенные Курганцы встрѣтили меня съ отверстыми объятіями и сердцами. На всѣ небольшіе пиры ихъ приглашали меня; всѣ ихъ радости, всѣ ихъ лакомые куски долженъ былъ я дѣлить съ ними. Они не знали меня доселѣ какъ сочинителя; но статья въ самое то время помѣщенная въ Московскихъ вѣдомостяхъ и упоминающая объ отличномъ одобреніи театральныхъ піесъ моихъ Англичанами, доставила имъ и это знакомство и еще болѣе уважила меня въ глазахъ ихъ. Добронамѣренная навязчивость,

съ каковою они старались занимать меня и приглашать въ свои общества, подлинно часто бывала мнѣ несносна. Отчасти духъ мой не расположенъ былъ къ бесѣдамъ; отчасти въ ихъ общественныхъ радостяхъ мало было привлекательности для избалованнаго Европейца.

Вотъ примѣръ. Засѣдатель Іуда Никитичь вздумалъ сдѣлать пиръ для именинъ своихъ. По утру онъ самъ пришелъ и звалъ меня въ домъ свой около двенатцати часовъ, куда соберутся всѣ почетные люди въ городѣ. Я пришелъ. При входѣ встрѣченъ я былъ воемъ пяти человѣкъ, почитаемыхъ здѣсь пѣсенниками, которые оборотясь спиною къ гостямъ, и правую руку держа у рту, чтобъ звукъ былъ громче, ревѣли въ уголъ какую-то пѣсню. Всякаго гостя такъ встрѣчали. Пребольшой столъ трещалъ подъ тяжестію дватцати блюдъ, но приборовъ на немъ и

стульевъ для гостей не было поставлено. Все походило болѣе только на закуску. Главныя блюда были съ пирогами, по причинѣ поста, со всякою рыбою. Сверхъ того было множество всякой духовой рыбы и печенья. Хозяинъ при томъ ходилъ вокругъ съ штофами водки и наливалъ очень усердно. Пили часто и много за здоровье его, но къ крайнему удивленію моему такъ, что совсѣмъ непримѣтно было, чтобъ кто изъ гостей опьянѣлъ. Вина не было, (только въ Тобольскѣ у Губернатора пивалъ я домашнее, изрядное вино, выписанное имъ, естьли не ошибаюсь изъ Крыму.) За то Іуда Никитичь подчивалъ другою рѣдкостью, именно медомъ, который хотя и очень цѣнили по тому, что въ Сибири нѣтъ пчелъ, но всѣ гости, кромѣ меня, предпочитали оному водку.

Я всякую минуту ждалъ, что отворится другая комната, и пока-

жетъ намъ обѣденный столъ; но не то было! — Одинъ за другимъ бралъ шляпу и уходилъ. Я долженъ былъ рѣшиться тоже сдѣлать.

Этимъ то и кончился праздникъ? спросилъ я стараго де Грави, который пошелъ со мною.

„Сохрани Богъ! отвѣчалъ онъ: теперь всякой идетъ домой; до пяти часовъ спятъ а тамъ опять собираются.„ —

И я также явился въ назначенное время. Видъ теперь перемѣнился: большой столъ стоялъ хотя еще по среди комнаты, но вмѣсто пироговъ, рыбъ и водки уставленъ былъ теперь изюмомъ, миндалемъ и множествомъ Китайскихъ, отчасти превкусныхъ сластей, изъ которыхъ мнѣ особенно показалась яблошная постила.

Теперь вышла и хозяйка, молодая пригожая женщина; также со всѣхъ сторонъ появлялись половины и дочери передъобѣденныхъ гостей въ старомодныхъ своихъ нарядныхъ одеждахъ. Подавали чай съ водкой французской и пуншъ, въ которой вмѣсто лимоновъ клали клюквенной сокъ. Потомъ поставили карточные столы и стали играть въ бостонъ, пока избыточно выпитой пуншъ позволялъ разпознавать карты. Когда приходило время ужина, то всѣ стали разходиться, какъ передъ обѣдомъ и тѣмъ кончился пиръ.

Легко повѣрятъ, что я долженъ былъ изъ крайней учтивости участвовать въ такихъ бесѣдахъ. Какъ радъ бывалъ я, когда могъ опять свободно дышать въ уединенной моей комнатѣ, или съ ружьемъ на плечѣ съ честнымъ моимъ Соколовымъ выходить на чистое поле!!

Такъ проходили дни мои въ Кур-

ганѣ. Здоровье, которымъ я теперь беспрестанно наслаждался, и теперь, хотя оно нѣсколько лѣтъ уже рѣдко у меня гостило, вдругъ стало неразлучнымъ моимъ товарищемъ, конечно болѣе всего было причиною радостнаго моего духа. — Я надѣялся! — Воображалъ уже около себя семейство мое. *Вмѣстѣ* мы и въ Курганѣ не могли быть нещастны. Щастіе мое! Я это глубоко чувствовалъ въ своей и въ душѣ жены моей! —

Но это не единственная, не послѣдняя моя надежда была. — Не отправилъ ли я прошенія къ Государю! — къ Государю истинно оказывавшему правосудіе; — къ Государю, которой Самъ былъ нѣжный Отецъ и внималъ голосу природы! — Какъ сердечно желалъ я благополучнаго пути Щ — ну! какъ часто считалъ я недѣли и дни, въ которые онъ можетъ прибыть въ Петербургъ! недѣли и дни, потребные опять на то, чтобъ рѣшеніе

судьбы моей отъ береговъ Невы дошло до береговъ Иртыша! По моему счету могъ я ожидать рѣшенія своего къ концу Августа.

Но *я обчелся*! — Благодареніе Богу! *я обчелся*!

Іюля 7 го, въ прекрасной, ясной день, принялся я по утру за обыкновенную свою работу: писалъ исторію страданій моихъ. Около десяти часовъ вошелъ ко мнѣ Надворный Совѣтникъ де Грави. Послѣ короткаго, пустаго разговора, принялся онъ, по своему несносному обычаю, за карты, сѣлъ и сталъ ворожить ими и тѣмъ чрезвычайно мнѣ надоѣдалъ, ибо мнѣ, какъ праздному зрителю: часто должно было цѣлые часы мучиться скукою, а добросердечной безжалостной совсѣмъ не вѣдалъ того, чтобъ сосланному въ Курганѣ время могло быть очень дорого. И сегодня сидѣлъ онъ долѣе одиннат-

щати часовъ. Я молча, съ внутреннею досадою ходилъ взадъ и впередъ. Только однажды смотрѣлъ я на карты, какъ онъ спросилъ меня: о чемъ бы ему поворожить; а я сказалъ, о томъ, скоро ли я увижу здѣсь жену мою. На этотъ разъ хорошо вышло, и онъ сердечно радовался, что скоро угощать будетъ у себя Христину Карловну.

Наконецъ вспомнилъ онъ, что у него еще дѣла есть въ судѣ, и пошелъ. Лишь только онъ ушелъ, то я сѣлъ къ столу, чтобъ еще часокъ пописать. Слуга опять помѣшалъ мнѣ, вошедъ въ дверь позади меня и говоря: Eh bien, Monsieur, encore quelque chose de nouveau!*)

Я слушалъ это въ полслуха, думая, что онъ хочетъ разсказать мнѣ новую любовную связь, (какихъ онъ со времени нашего пріѣзда уже съ двадцать заводилъ и разводилъ)

*) Ну, сударь, вотъ еще новое!

и не откладывая пера повернулъ не хотя не много голову къ нему и отвѣчалъ: quoi donc? *)

Dans ce moment, возразилъ онъ, un dragon est venu vous prendre. . .) Ужасъ обьялъ меня, я вскочилъ, и не говоря ничего смотрѣлъ пристально на него.

Oui, oui! продолжалъ онъ; nous irons peut-être encore aujourd'hui à Tobolsk. . . .)

Comment? выговорилъ я запинаясь.

Онъ ввелъ ко мнѣ человѣка, которой видѣлъ самъ драгуна, говорилъ съ нимъ и проводилъ его къ де Грави, а потомъ побѣжалъ впередъ предувѣдомить меня. О дальнѣйшемъ содер-

---

*) Что такое?

**) Сію минуту прискакалъ драгунъ за вами.

***) Да да, мы еще можетъ быть сегодня поѣдемъ въ Тобольскъ.

жаніи привезенныхъ бумагъ онъ не вѣдалъ.

Чего могъ я ожидать? — Свободы? Нѣтъ! Зачѣмъ же мнѣ ѣхать опять въ Тобольскъ? Въ Екатеринбургъ изъ Кургана дорога ближе; зачѣмъ мнѣ дѣлать крюку пять сотъ верстъ? да и рѣшенія Государево на прошеніе мое не могло еще получено быть. — И такъ мнѣ оставалась только страшная вѣроятность, что меня изъ Тобольска повезутъ далѣе въ Сибирь, станется и на заводы, станется и въ Камчатку. — Я стоялъ съ трепетомъ, старался скрѣпиться, ухватилъ вдругъ тетрадь, въ которой писалъ, бросился къ остальнымъ моимъ ассигнаціямъ, спряталъ все въ фуфайку и ожидалъ такъ по крайней мѣрѣ минутъ съ десять, въ смертельномъ страхѣ участи своей. Эти десять минутъ были изъ числа самыхъ ужаснѣйшихъ, претерпѣнныхъ мною въ нещастіи моемъ.

Наконецъ увидѣлъ я изъ окна Надворнаго Совѣтника де Грави со множествомъ людей, идущихъ по улицѣ; и въ толпѣ виденъ былъ драгунъ съ перомъ своимъ на шляпѣ. Они еще были такъ далеко, что я не могъ разсмотрѣть, что показывали ихъ лица; и такъ я все еще стоялъ едва живъ и ожидалъ смертнаго приговора своего.

Еще разъ прошелся я по комнатѣ, по томъ опять къ окну. Толпа подошла ближе; я увидѣлъ, что лице де Гравіево весело. Лучь надежды блеснулъ въ душѣ моей; но цѣлой свѣтъ еще давилъ меня.

Теперь толпа вошла на дворъ. Де Грави взглянулъ вверхъ, увидѣлъ меня и ласково кивнулъ головой: самое тяжкое бремя свалилось съ груди моей. Я хотѣлъ выбчи ему на встрѣчу; но не могъ, а стоялъ крѣпко на своемъ мѣстѣ и прямо устре-

милъ глаза на дверь. Она отворилась. Я хотѣлъ спросить; и того не могъ.

Поздравляю! вскричалъ де Грави мнѣ встрѣчу, и слезы покатились у старика по лицу: поздравляю! вы свободны!

Съ этими словами повисъ онъ мнѣ на шею. Я не видалъ и не слыхалъ ничего; чувствовалъ только слезы его на щекѣ моей; но у меня слезъ не было. Поздравляю! отозвалось множество голосовъ около меня. Всякъ хотѣлъ прежде другаго обнять меня, и слуга мой крѣпко прижалъ меня къ груди своей. Я позволялъ все съ собою дѣлать, смотрѣлъ на всѣхъ, и не могъ ихъ благодарить, ниже говорить.

Драгунъ подалъ мнѣ письмо отъ Губернатора. Я нетерпѣливо распечаталъ его и читалъ слѣдующее:

Monsieur!

Réjouissez vous, mais odérez vos

transports; la foibleſſe de votre ſanté l'exige. Ma prédiction s'eſt accomplie. J'ai la douce ſatisfaction de vous annoncer, que notre très-gracieux Empereur deſire votre retour. Exigez tout ce qui vous eſt néceſſaire, tout vous ſera procuré, l'ordre en eſt donné. Volez, et recevez mes complimens.

Votre

très-humble ſerviteur.

le 4 Juillet. D. Koucheleff. *).

Каждая строка глубоко врѣзалась въ моемъ сердцѣ! — При томъ

*) Радуйтесь, но умѣрьте свое восхищеніе; слабое ваше здоровье того требуетъ. Предсказаніе мое сбылось. Я съ пріятнымъ удовольствіемъ объявляю вамъ, что Всемилостивѣйшій Государь Императоръ желаетъ вашего возвращенія. Требуйте все, что вамъ нужно; все будетъ вамъ доставлено и о томъ уже приказано. Поспѣшите и примите мое поздравленіе!

Губернаторъ прислалъ мнѣ связку газетъ и маленькую поздравительную записку отъ купца Бекера, которой случился при самомъ отправленіи драгуна и усильно просилъ меня остановиться у него въ Тобольскѣ.

Де Грави потомъ вынулъ ордеръ, по Руски къ нему писанный, и прочиталъ его мнѣ. Въ ономъ предписано ему было, снабдить меня всѣмъ, чего я потребую, и деньгами, и какъ можно скорѣе меня отправить.

Я все еще не могъ говорить, но наконецъ благотворныя слезы полились изъ глазъ моихъ: я плакалъ громко, сильно и долго; почти всѣ зрители плакали со мною.

Вдругъ бросился Соколовъ въ горницу, повисъ мнѣ на шею, и проливалъ горькосладостныя слезы. „Теперь я опять одинъ останусь!„ сказалъ онъ съ крайнею горестію; но предъ Богомъ! я сердечно радъ!„

Всѣ что нибудь значущіе обыватели собрались около меня; комната моя была полнехонька; всякъ хотѣлъ изъявить мнѣ свою радость, сказать что нибудь пріятное. Честной де Грави почувствовалъ, что тѣснота становится мнѣ въ тягость; онъ заставилъ ихъ по немногу разойтись, и просилъ меня отобѣдать у него. — Ахъ, Боже мой! я не могъ ѣсть и пить. Желалъ только быть одинъ. Онъ спросилъ меня: „ когда намѣренъ ѣхать.„ — Черезъ два часа! отвѣчалъ я — „ Что мнѣ нужно? — Только лошади! — Онъ улыбаясь пошелъ, и я остался одинъ.

Не могу описать, каково мнѣ было. Нѣсколько часовъ еще подгибались у меня колѣни; а сидѣть я не могъ: мнѣ должно было ходить взадъ и впередъ. Мыслить я совсѣмъ не въ состояніи былъ, а только чувствовать: одно воображеніе за другимъ быстро слѣдовали въ неяс-

номъ представленіи; мнѣ все казалось, какъ будто жена моя и дѣти на облакѣ передо мною носятся. Я скоро почувствовалъ, что ощущенія мои умолкли, что я истощился. Теперь хотѣлъ я *подумать*, размыслить, читать газеты, которыя читывалъ охотно; — но все напрасно! По временамъ лились опять слезы мои и я только могъ выговорить: о Боже! Боже!

Когда я напослѣдокъ въ состояніи былъ чувствовать покой и безпокойство, то и капли горечи примѣшались въ чашу восторга моего. — Драгунъ (которому я въ первомъ жару радости далъ болѣе, нежели *могъ* дать) разсказалъ мнѣ: что изъ Петербурга пріѣхалъ Сенатской курьеръ за мною; но какъ ему предписано было ѣхать только до Тобольска, то и не могъ далѣе отправиться, а потому и не возможно было Губернатору уволить меня

отъ обратнаго туда пріѣзда. Такъ эта загадка для меня рѣшилась; но на другой, для меня гораздо важнѣйшій вопросъ драгунъ не могъ мнѣ отвѣчать. ,, Есть ли у курьера письма отъ жены моей? привезъ ли онъ хотя какое нибудь извѣстіе объ ней?,, — Ахъ! этого онъ не зналъ; и слишкомъ вѣроятно было, что и курьеръ не привезъ ни писемъ, ни извѣстія для меня: ибо тогда бы безъ сомнѣнія человѣколюбивый Губернаторъ упомянулъ о томъ. Онъ зналъ, какъ несказанно я люблю своихъ! Онъ видѣлъ горкія слезы мои объ нихъ, даже и самъ плакалъ со мною! — И онъ бы молчалъ о томъ! — Можетъ быть ему должно было скрыть отъ меня что нибудь страшное!

Я многое вымышлялъ къ своему мученію. Щастіе, что дорожные сборы разбивали меня. Италіанецъ мой не могъ ничего довольно скоро

сдѣлать; нетерпѣливость моя была робяческая. Все уклали въ чемоданъ кой-какъ и бросили въ кибитку. Между тѣмъ спѣшилъ я исполнить послѣдній долгъ и съ благодареніемъ проститься съ добрыми людьми въ Курганѣ. Легко понять можно, что у всякаго пробылъ только не много минутъ. У честнаго де Грави оставался всѣхъ долѣе и онъ потребовалъ отъ меня даже очень трудной жертвы, въ которой однакожъ я не могъ отказать усильнымъ его прозьбамъ.

Іюля 7 случился церковный праздникъ и ходъ въ сосѣдственную деревню. Набожный де Грави почиталъ долгомъ своимъ быть въ ходу со всѣми обывателями; и при этомъ то должно было и мнѣ быть. Онъ увѣрилъ меня, что это не продлится и получаса; и я пошелъ съ нимъ.

Послѣ сего обряда поспѣшилъ я домой для послѣднихъ распоряженій.

Тамъ нашелъ я добраго моего Соколова, съ грустью разхаживающаго взадъ и впередъ.

Еще на канунѣ того вечера говорили мы о томъ, что когда одинъ изъ насъ получитъ свободу, то остающійся будетъ очень нещастливъ. Теперь это подлинно случилось; но мы о томъ болѣе не говорили. — Я подарилъ ему ружье мое, патронташъ, всю мою аммуницію и все, безъ чего я могъ обойтись; онъ не говоря ни слова принялъ то, и въ слезящихъ глазахъ его читалъ я: лучше бы было, естьлибъ ты оставался со мною! — Я просилъ его, дать мнѣ письма къ его семейству, увѣряя его, что священнѣйшимъ долгомъ моимъ почту, вѣрно ихъ доставить; однакожъ непонятная его совѣстность не позволила ему и на *это* согласиться. Онъ отнюдъ не хотѣлъ поступить противъ повелѣнія, и

находилъ въ томъ заслугу, все сносить и не быть виновнымъ и въ малѣйшемъ непослушаніи.

Не мало огорчалась радость моя тѣмъ, что этотъ честной человѣкъ отъ бытности моей въ Курганѣ явно нещастнѣе прежняго сталъ. Чрезъ меня привыкъ было онъ опять къ разнымъ удобностямъ жизни, къ общественному обращенію, къ дружбѣ; мнѣ могъ онъ жаловаться, я внималъ всегда его сѣтованіямъ: а теперь оставался онъ опять одинъ въ этой пустынѣ! — Я хотѣлъ взять его изъ норы его и на зиму помѣстить въ своей квартирѣ: а теперь ему должно было опять маячиться въ копотномъ углу своемъ! Со слезами прижалъ я его къ моему сердцу; со слезами пошелъ онъ отъ меня. — Я не видалъ его совсѣмъ послѣ того; — когда вскорѣ потомъ почти всѣ Курганскіе обыватели собрались на дворѣ моемъ провожать меня, но Соколова тутъ не было.

Съ часъ еще должно было мнѣ ждать лошадей. Никогда не бывалъ я нетерпѣливѣе; едва въ состояніи былъ отвѣчать на добросердечныя желанія обывателей. Одинъ приготовилъ пуншу, другой принесъ сѣѣстнова, третій множество огурцовъ *). Мнѣ бы должно пѣшкомъ итти возлѣ кибитки, естьлибъ я хотѣлъ все въ нее укласть. — Богъ да наградитъ васъ, добрые люди! — Я конечно никогда уже васъ не увижу; но память сердечнаго, безкорыстнаго вашего гостепріимства по самой гробъ сохранится съ признательностію въ сердцѣ моемъ! —

Наконецъ запрягли лошадей; со всѣхъ сторонъ меня обнимали, прижимали, и посадили въ кибитку. Старой доброй де Грави сѣлъ ко мнѣ; ибо онъ непремѣнно хотѣлъ

*) Огурцы тамъ такъ рѣдки, что ихъ рѣжутъ ломоточками, какъ у насъ дыни, и подаютъ для лакомства.

меня проводить хотя за городъ. Благія желанія отзывались въ слѣдъ мнѣ, а я — утопалъ въ чувствахъ радости.

Отѣхавъ версты двѣ, де Грави велѣлъ остановиться, наклонился ко мнѣ, поцаловалъ, плакалъ, прижималъ къ сердцу, пошелъ, воротился, потрясъ мою руку, сказалъ рыдаючи только слова: съ Богомъ! и оставилъ меня. — Я всталъ, долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ, съ горестію глядѣлъ на городъ, бросилъ печальную мечту о моихъ страданіяхъ и москакалъ во всю рысь.

На этотъ разъ я не былъ принужденъ ѣхать обратно черезъ Тюмень; потому что воды гораздо уже стекли. Надѣвъ на голову шапку отъ комаровъ — безъ которой невозможно ѣздить въ ту годовую пору — ѣхалъ я шибко во всю ночь. Тамошніе комары въ прочемъ совсѣмъ походятъ на нашихъ, только что они

желты, и — такъ мнѣ покрайней мѣрѣ показалось — еще гораздо несноснѣе и злѣе нашихъ.

Къ утру я на минуту вздремнулъ, и пробужденіе мое доставило мнѣ новое радостное удовольствіе. Съ минуту не могъ я опомниться, что со мною случилось; но эта минута, въ которую мало по малу развилась мысль о свободѣ моей, была небесная!

Послѣ полудни проѣхали мы черезъ Ялуторскъ. И здѣсь находились нѣкоторые ссылочные, а между прочими и Князь С —, бывшій Генералъ отъ Инфантеріи. Едва ли заслуживалъ онъ это наказаніе, по крайней мѣрѣ такимъ образомъ, какъ оно исполнилось. Скованнаго тяжелыми цѣпями, тащилъ его проводникъ, еще въ трое жестокосердѣе моего, и онъ въ оковахъ и больной, принужденъ былъ уступать тому въ киби-

шкѣ свое мѣсто; а самъ итти пѣшкомъ возлѣ нее. Сверхъ того всякими недостойными поступками и подлыми наруганіями старался тотъ извергъ еще болѣе сокрушать нещастнаго. *)

Между тѣмъ на дикихъ берегахъ Тобола ожидала его блаженная минута, въ которой я ему часто завидовалъ, и она конечно усладила ему страданія его. Когда его изъ Тобольска вели обратно въ Ялуторскъ, мѣсто ему назначенное, и ему по причинѣ полой воды, такъ какъ и мнѣ, должно было сдѣлать верстъ двѣсти крюку большею дорогою, и только какъ хотѣлъ онъ отъ Тобола поворотить внутрь страны: то увидѣлъ на этой рѣкѣ отъ другова берега переправляющійся паромъ съ экипа-

*) *Совершенная* невинность его послѣ оказалась, и ему возвращены всѣ чины и достоинства.

жами; а когда паромъ подходилъ ближе и ближе, то узналъ онъ свою фамилію, въ слѣдъ за нимъ отправившуюся. Онъ громко вскричалъ. Съ воды отзывались голоса его дѣтей, и матери ихъ. Они простирали къ нему руки — онъ бросился къ берегу, въ воду, пока только могъ — взлѣзъ на паромъ — Боже! какое зрѣлище! — Крестьяне, бывшіе при томъ, разсказали мнѣ это; они очень чувствовали такое произшествіе, и теперь еще съ умиленіемъ о томъ говорили.

Когда я проѣзжалъ черезъ Ялуторскъ, то Князь С — былъ боленъ, но въ кругу своихъ и утѣшаемъ ихъ попеченіями.

Никогда не видывалъ я тучнѣйшихъ луговъ, какъ въ здѣшней сторонѣ. Косить ихъ можетъ, кто хочетъ, и большая часть остается некошенная по тому, что недостаетъ рукъ снимать сѣно, и скотины, которая бы могла его пріѣсть.

Долженъ я упомянуть о достопамятности, встрѣтившейся мнѣ въ деревнѣ, не подалеку отъ Ялуторска. Безумной мальчикъ, лѣтъ осмнатцати, ходилъ на четвереникахъ и доказывалъ, что человѣкъ по настоящему созданъ такимъ образомъ ходить. Онъ не только, что очень скоро такъ бѣгалъ, но и голову держалъ совсѣмъ прямо вверхъ; по чему конечно шейныя мускулы могутъ привыкнуть къ такому положенію. Впрочемъ мальчикъ очень рѣдко становился на ноги, и ни когда *такъ не ходилъ*; часто же садился почти какъ медвѣдь, на заднихъ ногахъ.

Между Ялуторскомъ и Тобольскомъ много деревень, обитаемыхъ Татарами. Этотъ народъ кажется мнѣ не заслуживаетъ того презрѣнія, какое къ нему имѣютъ. По случаю, какъ изломалась ось у кибитки моей не подалеку отъ такой деревни, могъ я нѣсколько покороче узнать ихъ.

Довольно поздно уже было тогда вечеромъ; однакожъ тотчасъ прибѣжали многіе Татары охотно мнѣ на помощь. Одинъ изъ нихъ умѣлъ плотничать. Я остановился у его двора; и какъ онъ мнѣ сказалъ, что не прежде можно будетъ ѣхать, какъ часа черезъ три, то приказалъ я слугѣ моему между тѣмъ приготовить мнѣ чаю.

Татарскія избы внутри очень гадки; и такъ я въ прекрасной лѣтній вечеръ остался на улицѣ, велѣлъ вынести себѣ стулъ и столъ и открылъ погребецъ свой, чтобъ выпить чаю. Изъ любопытства собрались около меня всѣ деревенскіе жители. По видимому они несвѣдущи были во всемъ до роскоши касающемся. Они удивлялись старому шелковому шлафроку моему, которой жена моя за ветхостію часто уже хотѣла бросить, и каждой хотѣлъ ощупать его.

Но самое радостное изумленіе доставило имъ зеркало въ крышкѣ открытаго моего погребца. Они толпами къ нему присѣли, смѣялись разиня ротъ, и показывали другъ другу, что видны всѣ мѣста за собою. Я для шутки вынулъ зеркало и показалъ молодой женѣ плотниковой, которая прежде украдкою, а по не многу и смѣло и съ удовольствіемъ въ него смотрѣла, будучи очень хороша. (Казалось, что въ деревняхъ не такъ строго наблюдали обычай, закрывать лице, какъ въ Казани; всѣ женщины, которыхъ я видѣлъ здѣсь, были не закрыты.)

Когда готовъ былъ чай, то зажегъ я свою трубку, и сѣлъ на груду бревенъ, лежавшихъ противъ дому хозяина моего. Живописенъ былъ ночной видъ: около меня сидѣло то выше, то ниже до двадцати Татаръ, подо мною разведенъ былъ на самой улицѣ небольшой

огонь, у котораго плотникъ работалъ около кибитки моей; по другую сторону улицы передъ избою сидѣли и стояли Татарскія бабы, дѣвки и робята, которыя не смѣли подойти ближе.

У меня съ ближними ко мнѣ Татарами завелся крайне странной разговоръ. Какъ скоро они узнали, что я не Руской, то съ любопытствомъ разспрашивали они у меня: кто я; куда ѣду; гдѣ мое отечество; каково тамъ? — Какъ они и я дурно говорили по Руски, то намъ трудно было другъ друга разумѣть. Я сказалъ имъ, что я Саксонецъ. Они поговоривъ между собою по Татарски, спросили меня, не при Каспійскомъ ли морѣ лежитъ Саксонія? Я не зналъ, какъ бы имъ обьяснить положеніе Саксоніи. Окололежащихъ владѣній они совсѣмъ не вѣдали, кромѣ Пруссіи, о которой однакожъ очень сбивчиво понимали. О Французской войнѣ они и не слыхивали. Счастливый народъ!

Наконецъ вздумалъ я сказать имъ, что Папа гораздо ближайшій сосѣдъ къ моему отечеству; и вотъ тебѣ на! они объ немъ знали. Я назвалъ слово Папа; но они то поправили, и назвали его *Калифомъ* и къ моему удивленію знали, что онъ соединяетъ духовную со свѣтскою властію.

Молодая женщина, которая по зеркалу стала посмѣлѣе, между тѣмъ слушая подошла ближе. Потому я вздумалъ спросить ихъ: водится ли у нихъ многоженство? — Во всей деревнѣ было только двое мужей, имѣвшихъ не одну жену, и одинъ изъ нихъ былъ самъ хозяинъ мой. Меня спросили: не пріятно ли имѣть нѣсколько помощницъ и хозяекъ? — Каждой старался доказать выгоды такого установленія. „Когда жена устарѣетъ, говорилъ этотъ, то возьмешь другую. — Когда ворчитъ одна, кричалъ тотъ, то смѣется другая.„

Очень хорошо, отвѣчалъ я; но также ли это пріятно и женамъ? — При томъ взглянулъ я на пригожую свою хозяйку. Какъ она мало разумѣла по Руски, то перевели ей сидѣвшіе возлѣ меня вопросъ мой. Она улыбнулась, и раза два кивнула головой, какъ будто хотѣла сказать: да, твоя правда! по томъ взглянула робко къ избѣ, гдѣ сидѣла угрюмая женщина лѣтъ въ сорокъ, конечно ея участница въ супружескомъ ложѣ. Глазъ мой слѣдовалъ за ея взглядомъ и мнѣ показалось, какъ будто я самъ яснымъ взоромъ вникъ во все ея домашнее положеніе.

Участіемъ моимъ я очевидно задобрилъ молодую бабенку; ибо она безъ моего требованія принесла горшокъ съ яйцами, приставила его къ огню у ногъ моихъ, присѣла такъ, что огонь освѣщалъ и разжигалъ ея лице, сварила яйца, положила ихъ въ деревянную чашу и подала мнѣ.

Наконецъ повозка моя была готова. Плотникъ взялъ за работу очень мало; но за угощеніе совсѣмъ ничего не взяли. Мы разстались съ сердечнымъ доброжелательствомъ другъ другу; и хотя я жалѣлъ о потерянномъ времени, но долженъ признаться, что провелъ его очень пріятно.

Тогда продолжалъ я путь свой безъ дальнѣйшихъ случаевъ, и 9 го рано по утру прибылъ на послѣднюю станцію къ Тобольску. Здѣсь еще не очень сбыла вешняя вода, и мнѣ должно было послѣднія четыре мили, какъ и во время пріѣзда моего, плыть въ плохой лодкѣ. Но погода была преотмѣнная, ясная, точно какъ тогда, и чувствованія мои были также ясны. Я совсѣмъ другими глазами увидѣлъ всѣ знакомые уже предметы; душа моя уподоблялась зеркальной поверхности, по которой я покойно плылъ.

Въ 10 часовъ передъ полуднемъ вышелъ я на берегъ Тобольской. Хо-

тя доброй Бекеръ и приглашалъ меня къ себѣ, но я не рѣшился принять его приглашеніе, опасаясь, чтобъ при вездѣ наблюдаемой необходимой осторожности, не противно то было Губернатору.

И я охотнѣе пошелъ опять на старую свою квартиру, гдѣ хозяинъ принялъ меня съ великою радостію и отвелъ мнѣ ту самую комнату, въ которой въ отсутствіе мое жилъ уже еще другой нещастной. — Я велѣлъ черезъ драгуна доложить Губернатору о пріѣздѣ моемъ и сталъ скорѣе одѣваться, дабы въ слѣдъ за нимъ итти къ нему.

Присланный за мною курьеръ, по имени Карповъ, жилъ въ этомъ же домѣ, но отлучился; по тому мнѣ должно было нетерпѣливые распросы о моихъ оставить еще на сердцѣ, и поспѣшить къ благородному Кушелеву. Я нашелъ его, какъ и въ первой

разъ, въ саду. Онъ сердечно прижалъ меня къ груди своей и радость блистала въ глазахъ его.

Первой вопросъ мой былъ о женѣ и дѣтяхъ. Ахъ! онъ ничего не зналъ объ нихъ, но старался успокоить меня разными чаяніями. Онъ показалъ мнѣ относящійся до меня указъ, содержавшій въ нѣсколькихъ строкахъ отъ Генералъ-Прокурора, повелѣніе: „находившагося подъ присмотромъ его Коцебу тотчасъ свободить, отправить въ Петербургъ и на казенной счетъ снабдить его всѣмъ нужнымъ или чего онъ потребуетъ.„ — Сверхъ того приказано было курьеру платить прогоны.

По сему повелѣнію спросилъ меня Губернаторъ, что мнѣ нужно. — У меня еще оставалось не одна сотня рублей и потому я сначала ничего не хотѣлъ взять: но это могло бы показаться упрямствомъ; и

когда Государь изъявилъ уже такое благоволеніе ко мнѣ, то Ему бы могло противно показаться, когда бъ я какъ будто презиралъ Его пожалованіе. Съ другой стороны опасался я просить слишкомъ много; не желая показаться ни безстыднымъ, ни упрямымъ. Губернаторъ весьма одобрилъ мои замѣчанія. По прозьбѣ моей присовѣтовалъ онъ мнѣ взять триста рублей, чтобъ ни мало, ни много не было. Такъ и было положено и я теперь ничего болѣе не желалъ, какъ отправиться черезъ два часа. Губернатору непремѣнно хотѣлось оставить меня еще на нѣсколько дней въ Тобольскѣ; но когда я ему довольно живо представилъ, что всякой часъ замедленія почитаю похищеннымъ у жены моей: то онъ тотчасъ согласился. Потомъ обѣщалъ мнѣ ускорить моимъ отправленіемъ, и хотѣлъ опять выкупить мою коляску. Послѣднее я не принялъ, желая лучше ѣхать въ тряской кибит-

кѣ, нежели поминутно останавливаться дорогой за починками.

Однакожъ отправленіе мое происходило не такъ поспѣшно, какъ я желалъ. Выдача трехъ сотъ рублей — которые бы я охотно оставилъ — требовала разныхъ обрядовъ: надобно было для того писать изъ Правленія въ Казенную Палату. Тамъ же присутствовали только до обѣда; потому сегодня уже поздно было, и мнѣ съ крайнею неволею должно было рѣшиться ночевать въ Тобольскѣ.

Отобѣдавъ у Губернатора, ходилъ я къ пріятелямъ моимъ Киндякову, Бекеру и честному Петерсону, которые всѣ приняли меня съ нелицемѣрною радостію, а потомъ пошелъ домой. Здѣсь нашелъ я наконецъ моего курьера, но и онъ по нещастію не могъ мнѣ ни слова сказать о моемъ семействѣ. Изъ данна

го ему особаго предписанія, которое онъ далъ мнѣ прочесть, усмотрѣлъ я, что въ Петербургѣ совершенно должны быть удостовѣрены о невинности моей; и ему тамъ именно повелѣно было, имѣть обо мнѣ въ дорогѣ попеченіе и оказывать всякое удовольствіе. Но для этаго не такого человѣка выбрали; ибо К — въ былъ очень вялъ и не расторопенъ. Онъ ни о чемъ не заботился, ему все равно было, скороль или тихо мы ѣхали. У него не было прочимъ людямъ его званія свойственной уловки, понукать ямщиковъ и почтовыхъ содержателей и проч. повелительными, дерзкими словами. Это тотчасъ примѣчали въ немъ, и непоколебимая его вялость въ послѣдствіи часто выводила меня изъ терпѣнія. Впрочемъ онъ былъ изрядной человѣкъ: избалованной Аптекарской ученикъ, которому бы отмѣнно годилось сидѣть за печкою и ѣсть въ доволь у матушки; ему

очень не любо было, что онъ не могъ еще недѣли двѣ покойно прожить въ Тобольскѣ. При томъ онъ очень падокъ былъ на деньги: я при первомъ нашемъ свиданіи подарилъ ему сто рублей, и этого ему казалось *мало*.

Во весь вечеръ не выходили изъ моей комнаты поздравляющіе знакомые и незнакомые. Губернаторъ самъ посѣтилъ меня, и всѣ другъ передъ другомъ старались сердечно изъявлять мнѣ учтивости.

Эту ночь спалъ я въ первой разъ хорошо и покойно, — и пробудился рано съ радостною надеждою отправиться въ девять часовъ, къ чему я уже и нанялъ барку; но къ сожалѣнію продлилось еще почти до вечера, пока для маловажной суммы трехъ сотъ рублей все написали, подписали и законнымъ порядкомъ исполнили. Можетъ быть я долженъ почесть это за щастіе, какъ не-

пріятно оно мнѣ тогда нибыло: ибо во весь день была у насъ самая сильная гроза, которая бы на водѣ очень опасна могла быть для меня. Сверхъ того еще другую выгоду получилъ я черезъ то: я въ угодность обѣщалъ взять съ собою до Петербурга вмѣсто слуги сына портнова Нѣмца; но отъ меня утаили, что съ этимъ молодымъ человѣкомъ всякой день бываютъ припадки падучей болѣзни, и такъ бы онъ мнѣ очень тягостной товарищъ былъ въ дорогѣ, естьлибъ замедленіемъ моимъ въ Тобольскѣ не обнаружилась болѣзнь его сама собою.

По неволѣ пропировалъ я этотъ день у пріятелей своихъ. Вечеръ былъ уже, когда напослѣдокъ все порядкомъ было сдѣлано; но самая бурная погода и настающая ночь понудили меня пожертвовать еще нѣсколькими часами. Я назначилъ отъѣздъ свой въ 3 часа утра и легъ не раздѣваясь на постель.

Легко можно повѣрить, что я прежде всѣхъ въ домѣ проснулся, или лучше, совсѣмъ почти не спалъ. На самой зарѣ вскочилъ я и будилъ соннаго моего К—ва. Хотя буря еще усилилась, а не стихла; но я никакъ не могъ долѣе оставаться. Въ четыре часа были мы на берегу Иртыша и я съ радостнымъ восторгомъ видѣлъ повозку свою въ сильно колыхающейся лодкѣ. Не опасенъ ли будетъ переѣздъ? спросилъ я кормчаго. — Не очень опасенъ, отвѣчалъ онъ, не совсѣмъ утѣшно для меня. Но нетерпѣливость моя преодолѣла гораздо страхъ, и — что ни говорили провожатые мои — я настоялъ на томъ, чтобъ ѣхать.

Италіанецъ мой проводилъ меня до берегу. Онъ по виду съ чувствительностію простился со мною; но естьли чувствительность его не притворна была, то происходила можетъ отъ сожалѣнія, что онъ

впередъ не будетъ меня обкрадывать: ибо хотя я сверхъ обѣщанной платы, еще богато наградилъ его, однакожъ черезъ нѣсколько дней послѣ нашелъ, когда разкрылъ чемоданъ свой, что онъ и безъ того нелишними вещьми моими Христіански со мною подѣлился: *подѣлился* въ настоящемъ смыслѣ; ибо отъ всего не находилъ я точно половины, и даже простыню одну распоролъ онъ пополамъ. Желаю, чтобъ онъ покойно почивалъ на ней и не сомнѣваюсь въ исполненіи этого желанія: ибо твердой духъ его не зналъ, что такое есть *совѣсть*.

Наконецъ — наконецъ отвалили мы отъ берегу! съ горестною радостію глядѣлъ я, какъ расширялось пространство между мною и берегомъ. Я устремилъ пристально глаза мои на плывучія мало по малу Тобольскія дома и насладился бы нѣсколькими блаженными часами въ тихомъ

безмолвномъ чувствованіи, естьлибъ усиливающаяся буря, страшное колыханіе судна и попеременной крикъ гребцовъ и кормчаго не нарушали слишкомъ часто пріятной мечты моей.

Пока еще мы плыли по разлившейся только водѣ, и какъ можно ближе къ лѣсамъ держались, по тѣхъ поръ все еще довольно хорошо шло; но когда выплывали далѣе въ открытыя мѣста, или должны были переправляться по разнымъ извилинамъ Иртыша и Тобола: тогда увеличивалась опасность; судно страшно качалось; волны ужасно били въ него; воду должно было поспѣшно вычерпывать шляпами и чашками. На ногахъ стоять никакъ не можно было, чтобъ не быть въ опасности опрокинуться; а одинъ разъ, какъ мы хотѣли переплыть Тоболъ поперегъ и буря намъ была съ боку, то судно чуть-чуть было не пере-

вернулось. За день передъ тѣмъ случилось такое нещастіе. Мы тѣмъ только благополучно избавились опасности, что всѣ въ мигъ бросились на противную сторону, чтобъ удержать равновѣсіе.

Бывали опять и плоскія мѣста, гдѣ видна была трава и судно садилось на дно. Тогда гребцамъ должно было всѣмъ по поясъ входить въ воду, чтобъ стащить его, что часто очень медленно и съ крайнимъ трудомъ дѣлалось.

Наконецъ — пробывъ на водѣ болѣе семи часовъ — пристали мы благополучно къ другому берегу; и такъ миновались для насъ и всѣ неудобства переѣзда водою: ибо всѣхъ прочихъ премногихъ переправъ черезъ разлившіяся воды, толь затруднявшихъ весною прибытіе мое сюда, теперь не было. Мрачная Тура, красивая Кама, величественная Волга,

быстрая Вятка, словомъ всѣ рѣки уже вошли въ берега свои и какъ будто согласно способствовали мнѣ скорѣе достичь нетерпѣливо желаемой цѣли.

Но пока еще доѣхалъ до Тюменя, угрожала мнѣ еще другая опасность; именно я занемогъ, очень занемогъ. Причины я не знаю; но припадки были таковы, какіе прежде ни когда со мною не бывали. Каждое потрясеніе такъ больно мнѣ чувствовалось, что я принужденъ былъ и на самой равной дорогѣ ѣхать шагомъ. Кромѣ лимонатнаго порошка со мною никакихъ лекарствъ не было. Хотя добрый Петерсонъ хотѣлъ мнѣ ихъ дать съ собою; но я почиталъ невозможностію занемочь на такой веселой дорогѣ и по тому пренебрегъ всякую предосторожность. Да я бы и не зналъ, *что* мнѣ принять, какъ у меня такой болѣзни никогда не бывало. И такъ я съ терпѣніемъ стра-

далъ, и мучилъ себя мысліею, что можетъ быть будучи такъ близко къ цѣли, не увижу однакожъ семьи своей.

Такъ притащили меня въ Тюмень, куда мы пріѣхали послѣ полудни. Курьеръ мой совѣтовалъ мнѣ остаться здѣсь и полечиться; но я никакъ на то не согласился. Какой покой или леченіе могъ я тамъ имѣть? Не ужели бы мнѣ ввѣрить себя незнающему врачу? Ибо лекаря тамъ не бывало. По тому рѣшился я на удачу ѣхать далѣе. Теперь уже я не далеко былъ отъ Сибирской границы! покрайней мѣрѣ хотѣлось мнѣ умереть за нею!

И такъ мы поѣхали далѣе; но состояніе мое въ короткое время такъ стало хуже, что я на другой станціи не могъ вынести тряски и принужденъ былъ остановиться въ дурной деревнѣ. Тогда былъ уже

вечеръ. Я приказалъ какъ можно было лучше приготовить себѣ постель въ кибиткѣ и старался уснуть. Но это совсѣмъ невозможно было; а за то природа укрѣпилась въ эту ночь. Конечно потребно было къ тому самое болѣзненное усиліе; однакожъ станется, что этому кризису обязанъ я тѣмъ, что въ слѣдующую зиму наслаждался такимъ совершеннымъ здоровьемъ, какого не зналъ прежде съ двенатцать лѣтъ.

На другое утро, хотя и очень слабъ, но въ примѣтно лучшемъ состояніи, продолжалъ я дорогу, и въ десять часовъ передъ полуднемъ пріѣхалъ къ Тобольскому пограничному столбу, середи самаго лѣса, на которой я прежде ѣдучи сюда, смотрѣлъ съ толь страшною горестію.

Оставляя тогда Москву, дозволили мнѣ запастись немногими бутылками вина для укрѣпленія моего.

Я купилъ Бургонскаго. Но какъ въ Москвѣ бутылка стоила четыре рубли, то кошелекъ мой не позволилъ мнѣ взять болѣе трехъ бутылокъ, которыя сберегалъ я на случай болѣзни. Почти двѣ были опорознены, когда я прибылъ въ Тобольскъ. Третья поѣхала со мною въ Курганъ; я берегъ ее какъ сокровище и назначилъ для радостнаго пиру въ тотъ день, въ который бы пріѣхала ко мнѣ жена моя. Но теперь — въ виду Сибирскаго граничнаго столба — вынулъ я ее. Пробошникомъ, которыи добрая моя мать подарила мнѣ о Рождествѣ прошлаго года, и по нынѣ безъ употребленія лежавшимъ въ погребцѣ моемъ, откупорилъ я ее; съ радостію тянулъ изъ нее, между тѣмъ, какъ слезы катились по щекамъ моимъ. Курьеру и ямщику должно было также пить со мною; пустую же бутылку разбилъ я о столбъ и съ облегченнымъ сердцемъ, какъ будто все горе прошло, поскакалъ съ пѣснями далѣе.

Чѣмъ болѣе я ежечасно становился здоровѣе и радостнѣе, тѣмъ болѣе усиливалось желаніе мое, скорѣе ѣхать. Но не одно обстоятельство препятствовало скорости. Первое было не крѣпкая кибитка моя. Я купилъ ее старую, и проѣхалъ въ ней теперь, считая и дорогу въ Курганъ и оттуда, почти до двухъ сотъ Нѣмецкихъ миль. Она съ часу на часъ болѣе скрыпѣла и качалась; все предвѣщало скорое ея разрушеніе. Разъ уже съ двенатцать я останавливался, и то эмо, то другое починивалъ. Я ожидалъ той минуты, что сяду съ нею на самой дорогѣ и потому рѣшился непремѣнно, на первой станціи бросить не крѣпкую повозку, и лучше продолжать путь въ перекладной кибиткѣ. Конечно такія перекладныя кибитки самыя плохія, беспокойныя, рѣдко покрыты отъ дурной погоды, при томъ такъ коротки, что нельзя протянуть ногъ, на всякой станціи ихъ перемѣня

ютъ, и на всякой поклажу бросаютъ туда и сюда. Напрасно забивается ѣдущій въ холодныя ночи въ подушки: едва успѣлъ онъ согрѣться, такъ должно вылѣзать, каковабъ погода ни была; естьли дождь пойдетъ, то подушенки его совсѣмъ промочитъ; онъ долженъ опять лечь на нихъ и согрѣть своимъ тѣломъ. По истинѣ, надобно очень крѣпкому человѣку быть, чтобъ здорово совершить *такимъ* образомъ дальній путь.

Все это представлялъ мнѣ курьеръ мой; ибо онъ самъ слишкомъ много терялъ въ перемѣнѣ, и потому всячески убѣждалъ меня. Но я расчелъ, что можетъ быть цѣлымъ днемъ и болѣе ранѣе пріѣду, и такъ однимъ днемъ скорѣе увижу мое семейство. Возможность, что добрая жена моя больна, станется опасно больна, что пріѣздъ мой подѣйствуетъ къ ея выздоровленію, что жизнь ея можетъ зависѣть отъ

одного часа ранѣе или позже, преодолѣла всѣ сомнѣнія. Я спросилъ на первой станціи о бѣднѣйшемъ человѣкѣ въ деревнѣ; ему подарилъ свою кибитку и такъ избавился отъ перваго препятствія.

Но другое препятствіе труднѣе было отвратить; ибо — какъ можно было вселить въ моего вялаго К — ва живость и расторопность? — Тутъ не помогала ни брань, ни сердце, не помогали ни подарки, ни угрозы; лѣность его была непреодолима. Онъ вѣчно зѣвалъ, вѣчно спалъ; и для него все равно было, часомъ ранѣе ли или позже мы на станцію пріѣдемъ. Къ мученію моему не могли выбрать лѣнивѣйшаго болвана, какъ этого, который часто доводилъ меня до отчаянія.

Въ этой бѣдѣ къ утѣшенію моему нагналъ насъ наконецъ другой курьеръ, Василій Сукинъ. И онъ оп-

рометью отправленъ былъ изъ Дворца въ Тобольскъ, для освобожденія купца, котораго за восемь лѣтъ всемощный Князь Потемкинъ туда сослалъ. Этотъ человѣкъ находился въ Пелымѣ (естьли не ошибаюсь, еще за тысячу верстъ отъ Кургана) и когда я выѣхалъ изъ Тобольска, то Сукинъ дожидался еще все его прибытія. Наконецъ онъ пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней послѣ моего отъѣзда. Ноги у него опухли и въ ранахъ были; но и онъ изъ нетерѣливости не хотѣлъ дожидаться вылеченія: поѣхалъ; и — благодаря лѣниваго К — ва моего! — подъ Екатеринбургомъ нагналъ уже насъ.

Теперь пошло скорѣе и лучше; ибо Сукинъ былъ проворный, ласковой молодой человѣкъ, у котораго все шло мигомъ, и онъ охотно и услужливо торопилъ перемѣну лошадей, а въ нужномъ случаѣ и самъ бралъ въ руки плеть, и сильно выгонялъ

лѣность людей и лошадей. Теперь моему К—ву не чего было дѣлать, какъ только за нимъ ѣхать. Но и тутъ отставалъ онъ часто совсѣмъ, и мы почти всегда четвертью часа позже пріѣзжали на мѣсто. Однакожъ тогда находили мы уже лошадей въ хомутахъ и все тотчасъ поспѣвало. Безъ этаго расторопнаго Сукина я бы вѣрно цѣлою недѣлью позже пріѣхалъ въ Петербургъ.

Скажу еще слово о Рускомъ купцѣ, котораго онъ везъ. Онъ прежде былъ коронный поставщикъ и человѣкъ богатой, имѣлъ домъ въ Петербургѣ, а другой въ Москвѣ. Какъ ему очень долго не выдавали знатныхъ суммъ, и всякія шиканства дѣлали; то осмѣлился онъ нѣсколько смѣло говорить въ передней у Князя, и тогда его въ мигъ отправили въ Сибирь, отобравъ у него все, даже и шубу его. Тамъ въ Пелымѣ, гдѣ онъ какъ послѣдній рабочій человѣкъ горестно промышлялъ хлѣбъ свой,

забыли о немъ; да онъ сказывалъ даже, что его показали уже умершимъ. Тѣмъ болѣе было его изумленіе и восторгъ, когда вдругъ прибылъ вѣстникъ свободы его. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ это случилось, какъ и черезъ кого Государь о немъ свѣдалъ? — Онъ также оставилъ жену и дѣтей не простившись съ ними; и во всѣ восемь лѣтъ не слыхалъ ни чего ни объ нихъ, ни объ имѣніи своемъ. Можно себѣ представить нетерпѣливость его! онъ былъ слабъ и боленъ! на каждой станціи должно было ему перевязывать свои ноги: однакожъ все по немъ не довольно скоро дѣлалось, а за нимъ ни минуту никогда не мѣшкали.

Іюля 15 пріѣхали мы въ Екатеринбургъ и тамъ не много отдохнули. Тамъ купилъ я нѣсколько Сибирскихъ дорогихъ камней, которые гранены въ тамошней гранильнѣ и очень дешевы были. Я назначилъ ихъ

для двухъ ожерельевъ моимъ дочерямъ и наслѣдникамъ моимъ праправнучатамъ, чтобъ они при томъ воспоминали нещастное приключенiе предка своего.

Въ Кунгурѣ, скверно мощеномъ городѣ, черезъ которой мы черезъ нѣсколько дней потомъ проѣхали, я едва было не убился. Мы во всю скачь ѣхали съ горы. Вдругъ переломилась у меня ось; кибитка опрокинулась, лошади мчали, а я головою волочился по камнямъ. Хотя шляпа сберегла меня не много: но естьлибъ не былъ тогда базарный день въ Кунгурѣ, и во множествѣ собравшiеся крестьяне соединенными силами не удержали испуганныхъ лошадей: то я бы вѣрно погибъ. Еще бы только пятьдесятъ шаговъ, и черепъ мой разшибся бы; теперь же я отдѣлался сильными убоями. Ямщикъ ушибся болѣе моего и у него жестоко кровь текла; вялой К — въ

мой, сидѣвшій къ щастію его на облукѣ свеся ноги, тотчасъ соскочилъ и покойно лежалъ въ грязи.

18 пріѣхали мы въ Пермь, гдѣ я опять остановился у честнаго часоваго мастера Розенберга и покойно отдыхалъ на той самой софѣ, на которой за два мѣсяца съ отчаяніемъ валялся.

На дорогѣ изъ Перми въ Казань не случилось съ нами ничего, и надежная веселость моя нарушалась только иногда частыми встрѣчами многихъ ссылочныхъ. Иные ѣхали, какъ и я прежде, въ каретахъ и колясках; другіе на телѣгахъ; большая же часть шла пѣшкомъ, по двое скованные и провожаемые вооруженными крестьянами, смѣнявшимися отъ деревни до деревни. У иныхъ были на шеѣ деревянныя рогатки, отъ которой толстой клинъ висѣлъ черезъ грудь по самыя колѣна, и въ

клянѣ продѣланы были двѣ диры, въ которые просунуты были ихъ руки. Всѣ эти пѣшеходы жалостно просили милостины; и ахъ! какъ охотно подавалъ я, — свободный! поспѣшающій въ объятія семейства моего! — какъ охотно подавалъ, что у меня было!

Встрѣчалъ я и множество колонистовъ. — Они назначены были къ населенію новаго города, заводимаго по повелѣнію Государя на Китайской границѣ. Взрослые шли пѣшкомъ; ребята большія и малыя, выглядывали изъ повозокъ промежду сундуковъ и коробокъ, между куръ и собакъ.

Іюля 22 по полудни былъ я въ Казани, и жилъ на этотъ разъ въ прекрасномъ, для публичныхъ увеселеній опредѣленномъ домѣ у тихой ласковой хозяйки, но не забылъ побывать и у Евтифея Тимофеевича и еще разъ поблагодарить его за оказанное гостепріимство.

Болѣе всего остался я на этотъ день въ Казани для двоюродной сестры жены моей, которая была тамъ съ мужемъ. Я зналъ, что она имѣетъ переписку съ фамиліею своею въ Эстландіи; и такъ я надѣялся у нее удовлетворить нетерпѣнію моего сердца и получить отъ нее извѣстіе о женѣ моей. Съ трепетомъ вошелъ я къ ней въ домъ, и принятъ былъ очень ласково; но ахъ! — и здѣсь не было утѣшенія для меня! она не знала ничего, совсѣмъ ничего о семействѣ моемъ! — Хотя не давно еще писалъ къ ней одинъ изъ братьевъ ея, и сообщилъ ей разныя неважныя семейственныя извѣстія, на прим. что сестра моей жены, Баронесса Делмингсгаузенъ поѣдетъ въ Германію; но о моей Христинушкѣ ни слова! — Естьлибъ этотъ неласковой человѣкъ зналъ, какое горестное чувствованіе онъ во мнѣ произвелъ этимъ молчаніемъ: то преодолѣлъ бы излишнее свое сомнѣніе и

и поменьшей мѣрѣ въ немногихъ, для постороннихъ ни чего незначущихъ словахъ, не упоминая совсѣмъ моего тогда ненавистнаго имени, сказалъ бы: „ сестра наша Христина здѣсь или тамъ; ей таково или таково. „ — Между тѣмъ я почерпнулъ нѣкоторую надежду изъ письма его: не льзя быть, думалъ я, чтобъ она *умерла*; о томъ бы онъ вѣрно написалъ.

Крайне пріятно удивилъ меня въ Казани пріемъ мнѣ оказанный. Знакомые и незнакомые, Нѣмцы, Французы и Рускіе, съ ласковымъ любопытствомъ толпились ко мнѣ и на перерывъ старались изъявить свое благорасположеніе. За два мѣсяца слышали они кой-что о проѣздѣ моемъ, и очень старались тогда узнать, гдѣ я остановился ночевать; но напрасно! Г. Щ — нъ слишкомъ хорошія принялъ предосторожности.

Казань большой, многолюдной,

хорошо выстроенный, веселый городъ. Гостиной дворъ величиною и множествомъ товаровъ мало уступаетъ Московскому и Петербурскому. Древній замокъ Татарскихъ Хановъ, разоренный Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, представляетъ на скалѣ своей отмѣнно живописный видъ. Окружность его очень велика и развалины обращены теперь въ Комендантской домъ.

Въ Казани между иностранныхъ существуетъ пріятное, ласковое обращеніе. Естьлибъ мнѣ должно было для житья выбрать мѣсто внутри Россіи, то я бы конечно всѣмъ предпочелъ этотъ городъ.

При отъѣздѣ моемъ провожали меня около шести каретъ и дрожекъ до берегу Волги, которая теперь не омывала (какъ при первомъ моемъ пріѣздѣ) стѣны городскія, но вошла въ берега свои, въ семи вер-

стажъ оттуда. — Въ Казани же купилъ я опять себѣ особую кибитку и ѣхалъ теперь гораздо покойнѣе.

За Волгою показалъ мнѣ К — въ мѣсто, гдѣ онъ встрѣтилъ возвращающагося Щ — на и Шульгина, и къ ихъ крайнему удивленію сказалъ имъ, за чѣмъ онъ ѣдетъ. Щ — нъ жалѣлъ, что онъ не ранѣе свѣдалъ о такой перемѣнѣ моихъ обстоятельствъ. — Между Казанью и Нижнимъ Новгородомъ видѣлъ я такъ часто по обѣ стороны дороги около огня расположившіяся толпы вооруженныхъ людей, что наконецъ любопытствовалъ узнать, за чѣмъ они тутъ. Объясненіе было не очень утѣшно. Эти люди были тутъ на караулѣ по поводу многихъ случившихся здѣсь разбоевъ. Славная Макарьевская ярмарка особенно привлекала разбойниковъ въ здѣшніе мѣста. Мнѣ по щастію ничего подозрительнаго не встрѣтилось. —

Подъѣзжая къ Нижнему, глаза мои восхищены были предметами, которыхъ я давно не видалъ; здѣсь попались мнѣ первые вишневыя дерева и первыя пчельники. Извѣстно, что во всей Сибири, — не знаю, отъ чего — не находятъ пчелъ и раковъ. Также нѣтъ тамъ и плодовитыхъ деревъ и я потому не могу описать, какое радостное впечатлѣніе произвелъ во мнѣ видъ старыхъ знакомыхъ моихъ. Теперь я былъ опять въ Европѣ, и какъ мнѣ казалось, такъ близокъ уже къ своему дому!

Прельщаясь этою мечтою, хотѣлъ я заказать для себя въ Нижнемъ, въ трактирѣ хорошій обѣдъ, какъ тогда было обѣденное время; но другаго трактира здѣсь не было, кромѣ негодныхъ кабаковъ. И такъ я остановился у почтоваго двора и приготовлялся съѣсть въ кибиткѣ кусокъ хлѣба съ сыромъ, между тѣмъ какъ Сукинъ вошелъ поторопить пе-

ремѣною лошадей. Отъ него узнали въ домѣ, кто я таковъ; и тотчасъ вышелъ слуга, который отъ имени госпожи Почтмейстерши очень учтиво просилъ меня кушать. Длинная борода моя, всклокоченныя волосы и изорванный шлафрокъ достаточно извиняли меня въ отклоненіи приглашенія; но оное повторено было очень усильно и съ примолвкою: что я одинъ одинехонекъ буду ѣсть въ особой комнатѣ и никто не войдетъ ко мнѣ.

Я не могъ долѣе противиться такой учтивости, какъ сверхъ того и съ нѣсколькихъ дней худо подкрѣпленный желудокъ мой понуждалъ меня къ тому. И такъ я вышелъ и явился почти въ видѣ бѣднаго Тома въ Шекспировомъ Лерѣ. Меня повели въ красивую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ для одного человѣка и гдѣ я подлинно остался нѣсколько минутъ одинъ. Но вдругъ вошла мо-

лодая пригожая дама, хозяйка тамошняя, которая стала говорить со мною по Нѣмецки и въ извиненіе приводила желанія ея, познакомиться со мною.

Хотя я очень почитаю прекрасной полъ, но появленіе благодѣтельницы моей причинило мнѣ не малое замѣшательство. Я стоялъ передъ нею какъ Киникъ передъ Асназіей; милая ласковость ея не могла преодолѣть моего смущенія, когда я взглядывалъ на лохмотья моего шлафрока, или даже въ зеркало. Но что совсѣмъ со мною стало, когда по не многу вся комната наполнилась почетнѣйшими мущинами и женщинами, Рускими и Нѣмцами, которые всѣ учтиво ко мнѣ подходили,, и я въ кругу ихъ одинъ ѣлъ, какъ Король Ишпанской, и они меня то сердечнымъ участіемъ, то лестною похвалою приводили въ замѣшательство, а напослѣдокъ даже принесли

первую часть новѣйшихъ моихъ театральныхъ піесъ, для сличенія находящагося въ ономъ портрета, съ бородатымъ подлинникомъ!

Сколь избыточно питалось здѣсь тѣло мое и тщеславіе вмѣстѣ, но признаюсь охотно, что я тогда только сталъ радоваться этимъ наслажденіемъ, когда опять сидѣлъ въ кибиткѣ моей. А тогда — за чѣмъ мнѣ утаить это! — утѣшало меня пріятное лестное воспоминаніе, что еще на границахъ Азіи, и даже въ этой, по слуху толь дикой части свѣта, нашелъ любителей моей музы, которые въ стѣсненные часы жизни моей охотно мнѣ ласки и помощь оказывали, видя во мнѣ стараго знакомаго, котораго давно уже полюбили. О, такая похвала по истинѣ стоитъ болѣе похвалы Журналистовъ, которая нынѣ — почти могъ бы я утвердительно сказать — *живымъ* Поэтамъ не иначе, какъ изъ

мутныхъ источниковъ проистекаетъ.

Еще разъ только угрожала мнѣ вѣроятная опасность на пути въ Москву, которой избѣжалъ я бдительностію моею. Четыре ночи уже не имѣлъ я сна, и по тому однимъ вечеромъ, какъ еще сверхъ того днемъ сильной дождь шелъ, рѣшился до разсвѣта остановиться въ одной деревнѣ. Я на крѣпко приказалъ, въ четыре часа утра запречь лошадей и меня тогда разбудить. — Меня точно разбудили; а взглянувъ въ окно показалось мнѣ, какъ будто уже свѣтаетъ, и я тотчасъ бросился въ кибитку. Сукинъ съ купцомъ своимъ ѣхалъ впередъ на перекладныхъ; у него ямщикомъ былъ мальчишка; а у меня чернобородой, свирѣпо озирающійся мужикъ.

У самой у деревни еще примѣтилъ я, что свѣтъ, которой я по-

челъ зарею, происходилъ отъ мѣсяца. Я вынулъ часы, и глядь! еще часъ былъ. Это мнѣ показалось странно. Рускіе ямщики, какъ и всѣ въ Европѣ, скорѣе приходятъ позже, нежели ранѣе; по чемуже теперь меня заставили ѣхать за три часа до назначеннаго времени? — Я тотчасъ рѣшился не спать; и какъ я, пока ѣхалъ въ слѣдъ за другою кибиткою, ничего не опасался, то прилежно понукалъ моего ямщика, не отставать, что подъ разными видами очень часто случалось.

К — въ мой съ начала самаго по своему похвальному обычаю, крѣпко уснулъ; и пока я не былъ увѣренъ въ своемъ подозрѣніи, то не хотѣлъ его будить. Ямщикъ очень часто оглядывался то на него, то на меня. Я всякой разъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, чтобъ показать, что я не сплю. Напослѣдокъ вздумалъ я узнать, что можетъ случиться, когда и я засну, дабы по тому взять свою предосто-

рожность. Я закрылъ глаза, но натурально щурился сколько нужно было, чтобъ точно видѣть всякое подозрительное движеніе нашего ямщика. Это показалось мнѣ теперь крайне нужнымъ; ибо я (какъ онъ въ послѣдній разъ слѣзъ привязать вилую, поминутно рвущуюся веревку,) примѣтилъ длинной ножъ, висящій у него на поясѣ. Мы напротивъ были совсѣмъ безоружны, и двумя скорыми ударами назадъ, могъ бы онъ не сходя съ мѣста, отправить насъ обоихъ спящихъ на тотъ свѣтъ.

Лишъ только я началъ притворяться спящимъ, какъ онъ часто и долго сталъ оглядываться на меня, и какъ будто для удостовѣренія смотрѣлъ мнѣ въ глаза. До сихъ поръ боясь моей бдительности, брани и крику не отставалъ онъ отъ передней кибитки; но теперь сталъ опять тише ѣхать. Чтобъ изобли-

чить его въ зломъ умыслѣ, далъ я той не много отъѣхать впередъ, какъ нечаянно мальчикъ долженъ былъ остановиться, что по плохой упряжи часто случается.

И мы остановились. Ямщикъ нашъ слѣзъ, и помелъ будто подвязать колокольчикъ на дугѣ; но я, какъ уже довольно разсвѣло, ясно видѣлъ, что онъ очень крѣпко былъ привязанъ, и что онъ нарочно поправлялъ около лошадей, чтобъ только всколѣзь смотрѣть на меня.

Думая, что я довольно крѣпко сплю, подозвалъ онъ тихонько мальчика, и спросилъ у него, чего я разобрать не могъ. По по отвѣту его догадался я, что ему хотѣлось знать, что тѣ два сѣдока дѣлаютъ въ первой кибиткѣ, ибо мальчикъ довольно громко отвѣчалъ: спятъ.

Тогда начался у нихъ долгой разговоръ шопотомъ, при чемъ мнѣ

не очень понутру было. Наконецъ я вдругъ помѣшалъ имъ рѣзкою бранью и на прямикъ сказалъ ямщику: что онъ мошенникъ. — Онъ божился, что невиноватъ; но я смѣло утверждалъ, что все разумѣлъ, что онъ говорилъ; хвасталъ важностію нашихъ депешей; грозилъ ему пистолетомъ, (котораго совсѣмъ не бывало у меня); растолкалъ К — ва и сказалъ ему о мнимомъ умыслѣ; потомъ выскочилъ изъ кибитки и разбудилъ также Сукина и купца. Всѣ разгулялись, и пустое лѣсистое мѣсто еще болѣе подтвердило слова мои. Они стали ругать и грозить; ямщикъ бормоча про себя, опять сѣлъ и поѣхалъ не оглядываясь болѣе.

Не будетъ съ версту оттуда, около половины дороги, *стояли* два мужика, какъ будто насъ поджидающіе, ибо я завидѣлъ ихъ уже гораздо издали. Ямщикъ нашъ примѣтя ихъ, ударилъ съ крикомъ по лошадямъ,

вѣроятно, чтобъ дать имъ знать, что мы не спимъ. И такъ мы быстро проскакали мимо подозрительныхъ ихъ рожъ, они любопытно смотрѣли на насъ, не отважились ни на что, а мы благополучно прибыли на мѣсто.

Я по нынѣ еще увѣренъ, что у нихъ было умышленіе убить или по меньшей мѣрѣ ограбить, особливо меня. Все объясняется очень естественно. Купецъ ѣхалъ въ открытой телѣгѣ; при перемѣнѣ видѣли бездѣльную его поклажу, которая не могла ни кого польстить. Въ моей же Казанской кибиткѣ напротивъ могли предполагать богатство; я же ввечеру открывалъ погребецъ свой, въ которомъ былъ кофейникъ и разныя другія мѣлочи серебренныя. Притомъ не надобно было глубокаго познанія людей, чтобъ въ минуту узнать К — ва, какъ глупаго малаго, съ которымъ легко управиться можно. И такъ намѣреніе ихъ конечно

было то, чтобъ Сукина съ купцомъ пустить впередъ, а со мною все отставать болѣе и болѣе, пока бы доѣхали до того мѣста, гдѣ впередъ посланные мужики насъ дожидались. Тамъ бы насъ какъ хотѣли ограбили или бы еще и убили, а ямщикъ сверхъ того могъ бы и оправдаться. Еще болѣе утверждаетъ такое чаяніе мое то, что ямщикъ съ начала все жаловался на своихъ негодныхъ лошадей, что онѣ съ мѣста нейдутъ; а на другой половинѣ дороги, когда ему не чего было пріостанавливать ихъ, бѣжали они ясно прыгче мальчиковыхъ лошадей.

Такимъ образомъ избавился я благополучно отъ послѣдней, мнѣ на дальнемъ этомъ пустомъ пути угрожавшей опасности, и 28 Іюля, около полудня, открылась глазамъ моимъ необозримая Москва.

Долго стоялъ я на возвышеніи, смотря на нее. Съ радостною надеждою, здѣсь наконецъ узнать что мы-

будь о семействѣ моемъ, въѣхалъ я и миновавъ премножество улицъ, остановился въ трактирѣ старой, ласковой Француженки, которой Г. Бекеръ рекомендовалъ меня. Здѣсь отдохнулъ я нѣсколько часовъ, сколько нетерпѣливость моя позволила. Едва не много успокоился я, то причесавшись и выбрившись, чтобъ походить на другихъ людей, пошелъ тотчасъ отыскать книгопродавца Франца Куртенера, котораго мнѣ также Бекеръ хвалилъ, какъ очень хорошаго человѣка. Такимъ образомъ узналъ я и его и принятъ былъ въ его домѣ отмѣнно ласково.

Натурально, что первое мое слово и тутъ было о женѣ моей; и вотъ! онъ вспомнилъ, что слышалъ, что Государь велѣлъ ей пріѣхать въ Петербургъ и тамъ дѣйствительно весьма милосердно принялъ. — Заботливо спрашивалъ я: *гдѣ* онъ, *отъ кого* это слышалъ? — Этого онъ къ горю моему, не помнилъ.

Съ нимъ ходилъ я къ извѣстному и въ Германіи по *письмамъ Русскаго путешественника*, любезному писателю *Карамзину*, который сердечно меня принялъ, и также слышалъ о помянутомъ извѣстіи. Но и онъ не зналъ, какъ и гдѣ. Однакожъ оба обѣщали мнѣ развѣдать о томъ.

Впрочемъ можно вообразить себѣ пріятное впечатлѣніе, какое первыя часы жизни и обращенія съ писателями и книгопродавцами должны произвести на такого человѣка, который цѣлые четыре мѣсяца едва видалъ книги! — Въ комнатѣ господина Карамзина было на стѣнахъ собраніе портретовъ Нѣмецкихъ ученыхъ; и съ нимъ говорилъ я о Виландѣ и Шиллерѣ, Гердерѣ и Гёте, и о любезномъ моемъ отечественномъ городѣ, гдѣ ему очень показалось.

Въ Москвѣ пробылъ я до слѣдующаго вечера, отдохнулъ, осмотрѣлъ

нѣкоторыя достопамятности; но тщетно льстилъ себя надеждою, получить подробнѣйшія свѣдѣнія о семействѣ моемъ и потому почелъ то, что слышалъ, за пустой, невѣроятной слухъ.

Въ Твери хотѣлось мнѣ побывать у Генерала Мертенса, чтобъ теперь порадоваться съ нимъ прежнему пасмурному дню на Волгѣ; но онъ въ самое то время объѣзжалъ новую свою губернію.

Въ Вышнемъ Волочкѣ, какъ уже оставалось 432 версты до Петербурга, рѣшился я разстаться съ проворнымъ Сукинымъ, и теперь его — не оставлявшаго меня только изъ угодности, чтобъ я не совсѣмъ зависѣлъ отъ вялости моего К — ва — на скоро послать впередъ, для предупрежденія жены моей, естьли она подлинно въ Петербургѣ, о скоромъ прибытіи моемъ. Для того написалъ

я записочку, въ которой просилъ ее выѣхать мнѣ на встрѣчу на первую станцію. При томъ далъ я ему адресъ къ моему двадцать четыре годъ неизмѣнному, честному другу Граумману, который конечно могъ ему сказать, тамъ ли она, и гдѣ живетъ.

Напутствуемый сердечными желаніями моими, поѣхалъ онъ и я разчитывалъ, что онъ сутками прежде меня пріѣдетъ въ Петербургъ. Однакожъ казалось, что я довѣренностію къ проворству Сукина возбудилъ честолюбіе К — ва; онъ сталъ развязнѣе и дѣятельнѣе прежняго. Мы проѣхали черезъ славный по Ганзеатическому союзу Новгородъ не останавливаясь, и нездѣ, куда ни пріѣзжали, Сукинъ не многими часами передъ нами выѣхалъ.

Наконецъ на передпослѣдней станціи поспѣшный забылъ даже подорожную свою, безъ которой ему

отнюдь не льзя было въѣхать въ Петербургъ. Мы взяли съ собою его подорожную, и на послѣдней станціи нашли его съ беспокойствомъ насъ дожидающаго. Тогда было по полудни около четырехъ часовъ. Мы наскоро одѣлись порядочнѣе и съ трепетнымъ сердцемъ сѣлъ я въ послѣдній разъ въ кибитку.

Въ Царскомъ селѣ раза три или четыре останавливали насъ караулы, о каковомъ задержаніи я не мало вздыхалъ. Но терпѣнію моему предоставлено было еще сильнѣйшее искушеніе; ибо, ахъ! въ самой этотъ день командировано было множество войскъ въ Гатчину къ назначенному ревю и я, едва ли въ двенатцати верстахъ отъ Петербурга, встрѣтилъ шесть марширующихъ полковъ, съ амуничными, лазаретными фурами и проч. такъ что никакъ не возможно было ихъ миновать, а потому намъ должно было болѣе часу стоять.

Можно вообразить себѣ мое отчаяніе! —

Сверхъ того я тутъ легко бы могъ попасть въ невріятныя хлопоты. (Тогдашній) Великой Князь АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ѣхалъ верхомъ впереди войскъ. Я не зналъ ЕГО; а когдабъ и зналъ, то совсѣмъ не вѣдалъ строгаго повелѣнія, выходить при встрѣчѣ всякой Особы Императорской Фамиліи. Нерасторопный мой К — въ конечно также не зналъ ЕГО, и мы остались сидя; меня бы по дѣлу должно было тотчасъ отвезть въ Полицію, естьлибъ любви достойный Великой Князь, пристально смотрѣвшій на меня, по великодушію СВОЕМУ не пропустилъ неумышленное упущеніе такой почести.

Въ девять часовъ вечера прибыли мы наконецъ къ заставѣ. Тутъ, а потомъ при самомъ въѣздѣ насъ опять о томъ и другомъ распрашивали; потомъ отрядили съ нами

коннаго козака, проводить насъ къ Коменданту, жившему во Дворцѣ. Курьеры пошли въ верхъ, а я между тѣмъ съ неизъяснимыми чувствованіями стоялъ на очень знакомой мнѣ площади.

Прошла опять четверть часа. Теперь должно было намъ ѣхать еще къ Военному Губернатору, Графу фонъ деръ Палену. Его не было дома, и мы могли ѣхать далѣе. Охотно бы остановился я у друга моего Граумана, хотя уже и очень поздно было; но курьерамъ именно приказано было отвезти насъ къ Генералу-Прокурору. И такъ мы поѣхали туда. Онъ былъ въ Гатчинѣ, а управляющій дѣлами безъ него при такъ называвшейся *тайной Экспедиціи*, Господинъ Статскій Совѣтникъ Фуксъ, жилъ далеко оттуда. — Что дѣлать? курьеры оставили меня съ купцомъ на самой улицѣ, подъ присмотромъ толпою сбѣжавшихся Генералъ-Прокурорскихъ слугъ, и поскакали.

Добрые полчаса стоялъ я одинъ, облокотясь на перила Мойки, и смотрѣлъ на тихія струи ея, при чемъ множество противорѣчущихъ чувствованій перемѣнялось въ душѣ моей. — Наконецъ курьеры воротились, и въ слѣдъ за ними господинъ Статской Совѣтникъ Фуксъ, который принялъ меня очень вѣжливо, и повелъ въ маленькую комнату, чтобъ пробыть тамъ ночь. Я объявилъ ему желаніе нашли къ другу моему Грауману; но онъ сказалъ мнѣ, что хотя я совсѣмъ не арестантъ, однакожъ онъ въ разсужденіи меня не имѣетъ точнаго повелѣнія, а долженъ напередъ донести о прибытіи моемъ въ Гатчину, что и хотѣлъ тотчасъ исполнить съ эстафетомъ. До полученія же отвѣта, котораго ожидалъ завтра по утру, должно мнѣ уже пробыть здѣсь.

Я спросилъ тогда о женѣ моей. Онъ ничего не зналъ о ней; — и такъ вдругъ разрушилась прекрасная

мечта, услаждавшая мнѣ толь многіе часы отъ Москвы до Петербурга!

Я просилъ разрѣшить мнѣ страшную *загадку, за что* со мною такъ поступлено. — И на это не могъ онъ ничего болѣе сказать, кромѣ того, что все дѣлалось по особенному повелѣнію Государя и что Онъ въ послѣднее время не одинъ разъ спрашивалъ, не возвратился ли я? При томъ, что всѣ мои бумаги хранятся въ Экспедиціи Генералъ-Прокурора, и что я всѣ ихъ получу обратно.

По томъ пожелавъ мнѣ покойной ночи, пошелъ онъ отправить эстафетъ.

Первая ночь прошла для меня очень грустно и почти безъ сна. Больнѣе прежняго чувствовалъ я мученіе обманутаго ожиданія, по тому непремѣнно надѣялся узнать напослѣдокъ, что стало съ моимъ

семействомъ. Къ этой горести присоединилась еще унылость мѣста, гдѣ я находился: въ маленькой, узкой комнатѣ, въ которую вводили всякаго, кто попадался въ руки *тайной экспедиціи*. Кромѣ стола, стула и и кровати безъ постели, ничего болѣе не было. Сверхъ того въ кровати копошились еще гадины; и такъ у меня совершенно отняты были и тѣ минуты, которыя страданія души оставили тѣлу для успокоенія. — О, какъ радъ я былъ, когда опять стало свѣтать! какъ вздыхалъ я о возвращеніи эстафета, дабы поспѣшить къ другу моему Грауману!

Около осьми часовъ утра вошелъ опять ко мнѣ Господинъ Статской Совѣтникъ Фуксъ. Изъ Гатчины еще не было отвѣта. — Но — о Боже! какое чувствованіе разлилось во мнѣ, какъ онъ сказалъ мнѣ: супруга ваша въ Петербургѣ. — Таково бываетъ давно разслабленному больному, когда

благодѣтельный электрической ударъ вдругъ возвращаетъ ему движеніе. — Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на него — радостные слезы катились у меня. — Гдѣ?! проговорилъ я запинаясь. — Этого онъ не зналъ. Также не могъ онъ свободить меня изъ того ареста, подъ которымъ я еще находился. Однакожъ вамъ не запрещается, сказалъ онъ мнѣ въ утѣшеніе, видѣться здѣсь съ кѣмъ хотите.

Тотчасъ послалъ я проворнаго Сукина съ запискою къ Грауману. Онъ скоро воротился, описалъ мнѣ восхищенія добраго моего друга, щедро его одарившаго, и принесъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія.

„Жена твоя и дѣти здоровы и живутъ не далеко отъ меня. Но прежде свиданія съ ними, приди ко мнѣ, дабы я могъ Христинушку приготовить; внезапная радость можетъ ее погубить.“

Тотчасъ побѣжалъ мой вѣстникъ сказать ему, что я не могу еще выходить, но у себя всѣхъ принимать, и что я умоляю его дружбою нашею, поскорѣе соединить меня съ моимъ семействомъ.

Теперь пришелъ онъ самъ. — Умалчиваю о безмолвной, прискорбной радости нашей; — она была первая ступень лѣстницы на небо, на которое мнѣ скоро должно было вступить! — Онъ разсказалъ мнѣ: что жена моя хотя здорова; однакожъ натурально еще очень слаба, какъ она отъ моего нещастія преждевременно выкинула, и отъ кровотеченія на краю могилы была. Потому крайне нужно было осторожно ее приготовить, хотя она и давно уже меня ожидаетъ. — Я чувствовалъ важность его причинъ, укротилъ сильную свою нетерпѣливость и далъ ему волю дѣлать какъ хочетъ.

Онъ былъ уже у нее прежде нежели ко мнѣ пришелъ; веселое лице

его при входѣ въ комнату тотчасъ обѣщало ей хорошее. „Конечно, говорила она ему на встрѣчу, получили вы извѣстіе о Коцебу!„ — Да, отвѣчалъ онъ; онъ скоро пріѣдетъ. И тогда вынулъ онъ изъ кармана записку, писанную мною изъ Вышняго Волочка, въ которой я просилъ ее выѣхать ко мнѣ на встрѣчу на первую станцію. Эту записку, хотя она теперь и не нужна казалась, отдалъ ему сегодня поутру Сукинъ, и другъ мой умѣлъ ее очень къ стати употребить. Добрая живая Христинушка внѣ себя была: тотчасъ приказала итти за каретой и лошадьми и на скоро готовилась къ отъѣзду; требовала, чтобъ Грауманъ пошелъ поскорѣе къ Военному Губернатору за нужнымъ пропускомъ. Онъ обѣщалъ ей немедленно исполнить это желаніе, и пошелъ отъ нее подъ видомъ, будто идетъ къ Губернатору, однакожъ съ намѣреніемъ, на передъ еще увидѣться со мною.

У меня нашелъ онъ такую жъ нетерпѣливость: я хвалилъ и бранилъ его благоразумную осторожность. Скоро пошелъ онъ, обѣщая привести ко мнѣ милую жену мою, когда увидитъ, что безъ опасности то можно сдѣлать.

Когда онъ опять къ ней вошелъ, то она спѣшила къ нему на встрѣчу совсѣмъ готовая ѣхать и спрашивала: принесли ли мнѣ пропускъ?,,— Онъ улыбается. — ,, Теперь ужъ онъ не нуженъ" — Она понимаетъ его и бросается къ нему на шею! —

Теперь уже напрасно говорить ей болѣе объ осторожности. Грауманъ долженъ тотчасъ взять ее съ собою въ карету, и только еще радоваться, что она согласилась до тѣхъ поръ спокойно просидѣть на улицѣ, пока онъ предупредитъ меня о ея приходѣ.

Въ то самое время разговаривалъ я съ господиномъ Статскимъ Совѣт-

никомъ Фуксомъ, когда Грауманъ, съ радостію Ангела въ лицѣ вошелъ и сказалъ мнѣ: „жена твоя здѣсь; я не могъ ее долѣе удержать.„ — Я громко вскрикнулъ. — Господинъ Статской Совѣтникъ Фуксъ столько былъ нѣженъ, что вышелъ, дабы не мѣшать своимъ присутствіемъ первой радости нашей. Добрый Грауманъ пошелъ за нею. — Я съ трепетомъ стоялъ у окна противъ самаго крыльца — видѣлъ, какъ онъ велъ жену мою — потащился къ дверямъ, и — она безъ памяти лежала въ моихъ объятіяхъ! —

Прочь всякое покушеніе описать эту сцену! — Горе читателю, не чувствующему ее! — О Боже! — Да, бываютъ минуты, взвѣшивающія многіе годы — и многія бѣдственные годы! — За все на свѣтѣ не истребилъ бы я въ эту минуту памяти страданій моихъ; несказанная сладость этой минуты перевѣшивала ихъ гораздо!

Съ Грауманової помощію посадилъ я жену мою на стулъ; сталъ передъ нею на колѣни, положилъ голову на ея и плакалъ — о! плакалъ такъ какъ никогда не плакивалъ! — Она оправилась, любительно наклонилась ко мнѣ, и рыдаючи смѣшала слезы свои съ моими. — Долго, очень долго не могли мы говорить! — И другъ мой молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и наслаждался трогательнымъ зрѣлищемъ. — Да, доброй, честной, истинный человѣкъ! благородное сердце твое вознаграждено было въ этотъ часъ за то, что ты дѣлалъ для меня и моихъ! ты былъ свидѣтель такой сцены, каковыя конечно рѣдко случаются на большомъ театрѣ свѣта, и благодушная дружба твоя помогла приготовить эту сцену! —

Когда утихла первая буря восторга, и развился хаосъ чувствованій нашихъ; когда мы опять говорить

могли и слова находили: — о, сколько тогда было вопросовъ, разсказовъ, отвѣтовъ! — Какъ часто перебивали мы сами себя, съ улыбкою цѣлуя слезы свои съ губъ! — Намъ казалось, какъ будто гробы наши открылись, какъ будто мы преображенные воскресали къ новому соединенію въ лучшемъ свѣтѣ, и теперь бросали взглядъ на страданія земной прошедственности! —

Добрая жена моя разсказала мнѣ участь свою съ минуты нашей разлуки. — Она описала мнѣ страшное пробужденіе изъ безпамятства — дикое безмолвіе вокругъ ее — нарушаемое только рыданіями моей Эмми, которая сѣвъ въ углу на полъ, тихонько плакала.

Напрасно льстилъ я себѣ въ бѣдствіи моемъ, что Губернаторъ Курландской и фамилія его будутъ имѣть попеченіе о ней. Оставленная

всѣми, тамъ только нашла она утѣшеніе въ страданіи своемъ, гдѣ его не искала. Доброй трактирщикъ *Редеръ* и жена его поступили съ нею человѣколюбиво и съ нѣжнымъ чувствомъ, показавъ прекрасной примѣръ, что корыстолюбіе и въ такомъ состояніи, въ которомъ оно очень обыкновенно, уступаетъ благороднѣйшимъ чувствованіямъ. По отъѣздѣ моемъ, по волѣ и нуждѣ будучи обязана къ строгой экономіи, жена моя не давала дѣтямъ своимъ и пустыхъ привычныхъ ихъ лакомствъ; но гжа Редеръ тихонько всего довольно имъ доставляла. И больной матери приносила она всякой день желеи и другія кушанья, которыхъ никогда на счетъ не ставила. — Сердце мое необходимо заставляетъ меня обнародовать такія мѣлкія черты.

Генералъ Эссенъ, родственникъ нашъ — (тотъ самой, который послѣ несчастнаго сраженія въ Гол-

ландіи, гдѣ Генералъ Германъ попалъ въ полонъ, принялъ начальство, но вскорѣ по томъ исключенъ былъ изъ службы за то, что . . . . . ненавидѣлъ свидѣтеля дѣлъ своихъ) — этотъ храброй, чувствительной и благородный мужъ всякой день два раза навѣщалъ жену мою, не взирая на опасность, каковой подвергался самъ, какъ уже оклеветанный. Онъ всячески старался утѣшить несчастную — Богъ да наградитъ его за то!

Совѣтникъ Правленія Вехтеръ и супруга его, съ которыми мы познакомились прежде въ Ревелѣ, но никогда въ тѣсной связи не были, доказали теперь, что нещастіе соединяетъ болѣе добрыхъ людей съ ихъ знакомыми.

Съ какимъ удовольствіемъ, съ какою благодарностію упоминаю здѣсь имена не многихъ благородныхъ, которые по силамъ старались облегчить угнетенной тяжесть горести ея!

Г. Секретарь В — — въ приходилъ еще только разъ къ женѣ моей и *досадовалъ* на ея слезы. „ Да не плачьте же! твердилъ онъ; это пособить не можетъ! „ — Она требовала видѣть Губернатора. „ Боже мой! Губернаторъ также не можетъ терпѣть слезъ. „ — О! возразила жена моя по неволѣ; когда онъ не можетъ видѣть нещастныхъ, то за чемъ же онъ Губернаторъ? —

Наконецъ ей удалось получить доступъ у Губернатора. Онъ принялъ ее въ шлафрокѣ съ трубкою; не просилъ даже сѣсть; насказалъ нѣсколько учтивыхъ, незначущихъ словъ; извинялъ жену свою беременностію, почему она не можетъ принять у себя нещастную; откланялся и не заботился болѣе о ней. Отъ нее все еще тщательно таили, что со мною подлинно сдѣлалось. Всякой часъ ожидала она моего возвращенія; при каждой скоро скачущей повозкѣ

вскакивала она съ надеждою. Всѣ письма, которые она между тѣмъ писала, должна была доставлять Губернатору. Она не смѣла въ нихъ ни словомъ упоминать о горестномъ своемъ положеніи и нещастіи моемъ. Не многія были отправлены, но всѣ списаны и копіи посланы въ Петербургъ. Одно только письмо къ Грауману спасъ трактирщикъ Редеръ, отдавъ его самъ на почту.

Благодареніе Богу, что теперь можно безъ опасенія обнародовать въ этой исторіи какъ благородныя, такъ и неблагородныя черты!

Наконецъ, черезъ двѣ въ сомнѣніи и вздохахъ проведенныя недѣли, получила жена моя позволеніе отъ Государя, ѣхать къ родственникамъ своимъ въ Эстляндію. Она поѣхала; но въ Ригѣ уже принудила ее болѣзнь остановиться. Трактирщикъ Лангвицъ, въ Петербургскомъ Отелѣ,

гдѣ она остановилась, былъ первой, который на вопросъ ея: останавливался ли я у него? очень неосторожно отвѣчалъ: нѣтъ; что я прямо черезъ Ригу повезенъ въ Тобольскъ. — Можно вообразить себѣ испугъ ея! — Это ей никогда еще не приходило въ голову. Однакожъ она еще этому не повѣрила, и честной другъ мой, Секретарь правленія *Экардъ*, подкрѣпляемый нѣкоторыми другими добрыми и благородными людьми, старался по возможности утѣшить и ободрить ее.

Спѣшу съ благодареніемъ назвать въ числѣ сихъ друзей человѣчества и господина Губернатора Рихтера. Онъ самъ навѣщалъ жену мою, оказывалъ ей всякія ласки, и *тѣмъ* сугубо заставилъ ее чувствовать то, чего она не имѣла въ Митавѣ. Только въ горестной прозьбѣ, сказать ей, гдѣ я нахожусь, долженъ былъ онъ отказать ей;

однакожъ онъ по чести увѣрилъ ее, что я не въ Рижской крѣпости, и не въ тамошней странѣ, и что онъ имѣетъ извѣстіе о жизни и здоровьи моемъ. — Съ признательнымъ чувствомъ долженъ я еще упомянуть о двухъ особахъ, которыя по родству и человѣколюбію не оставили бѣдную: Графѣ Сиверсѣ изъ Вендена и супругѣ его. Эта благородная чета отыскала жену мою и поступила съ нею съ нѣжнѣйшимъ состраданіемъ, щадительнѣйшимъ попеченіемъ. О естьлибъ оба прочли эти строки, но не по немногимъ словамъ, а по собственному своему благородному чувству измѣрили искренность благодарности моей!

Хотя жена моя и утѣшена была сердечнымъ участіемъ достойнаго Губернатора Рижскаго и всего города въ судьбѣ моей; хотя и подкрѣплена была болѣе нежели братскими поступками отмѣннаго моего друга

Экарта во многихъ горестныхъ минутахъ; хотя пользована была сколь искусно, столь и безкорыстно честнымъ врачемъ Шпофрегеномъ — однакожъ бывали часто для нее такія минуты, въ которыя тяжесть страданій ея грозила сокрушить ее. На примѣръ, осиротѣвшіе дѣти, часто играли на крыльцѣ; многіе изъ проходящихъ останавливались, спрашивали, чьи они, и шли тогда далѣе, говоря: *бѣдные дѣти*! — Какъ это часто случалось, то дѣти разъ прибѣжавъ на верхъ, спросили „Маминька, почему мы бѣдные дѣти?„ — Въ другой разъ моя Эмми сама собою начала:„ Матушка, велите принести оковы; Эмми даетъ себя сковать и будетъ смирнехонько сидѣть, когда только Эмми съ папинькой будетъ? — Можно себѣ представить дѣйствіе такихъ случаевъ на встревоженный духъ, разстроенное здоровьѣ жены моей!

Какъ скоро жена опять не мно-

то собралась съ силами, то поѣхала черезъ Дерптъ, въ любезной нашъ *Фридентал*ь. Горестнѣйшія чувства пробудились съ новою силою, какъ она съ возвышенія увидѣла теперь опять *то* мѣсто, гдѣ мы прожили нѣсколько годовъ въ тихомъ домашнемъ блаженствѣ. Она не смѣла войти въ собственный домъ нашъ, въ наши веселые покои, гдѣ бы каждой уголъ, каждая мебель меня ей напоминала, но поѣхала къ Пробсту *Коху*, приходскому проповѣднику, изъ числа отличнѣйшихъ людей, когда только на каѳедрѣ бывшихъ. Равнаго съ нимъ сердца и ума, чувства и образованія, благородная жена его, Француженка, прежде какъ наставница жены моей, надѣлила духъ ея и сердце разумомъ и чувствительностію. Супругъ ея былъ тогда учителемъ въ томъ же домѣ; тамъ узнала она его и полюбила; тамъ вышла она за него. При томъ былъ онъ изъ старыхъ моихъ учени-

ческихъ друзей: потому была всегда тѣсная и сердечная связь между нашими домами; по тому благородная чета приняла теперь жену мою, какъ отецъ и мать, утѣшала съ нѣжнѣйшею щадительностію и съ любезнѣйшею заботливостію пеклась о ней.

Были такіе услужливые люди — не хочу именовать ихъ, — которые честному человѣку совѣтовали выпроводить жену мою изъ дому его, чтобъ самому избавиться опасности. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ досадою; никогда этого не сдѣлаю, хотябъ меня самаго сего дня въ Сибирь послали.„

Да благословитъ Богъ рѣдкую эту семью, добро творящую безъ огласки въ уединеномъ углу свѣта, и соединяющую въ себѣ честность добрыхъ поселянъ съ лучшимъ образованіемъ ума! Да благословитъ ихъ

Богъ! и естьли когда своенравіе судьбы постигнетъ ихъ дѣтей или внучатъ, то да будутъ эти строки для меня и потомковъ моихъ явнымъ обязательствомъ, и здѣсь передъ всей Европой объявляю: что пока еще я самъ дышу, или пока память моя и благословеніе будутъ священны моимъ дѣтямъ, то каждому нещастному изъ той фамиліи открытъ будетъ у меня и потомковъ моихъ домъ и сердце!

Здѣсь, въ домѣ этихъ отмѣнныхъ людей, получила наконецъ жена моя письмо, писанное къ ней изъ Штокмансгофа. Съ этимъ письмомъ случились удивительныя судьбы, пока оно достигло мѣста назначенія своего. Молодой человѣкъ, которому я его и два другія письма поручилъ, конечно не имѣлъ довольно смѣлости отправить ихъ по надписи. Камергеръ Бейеръ, а можетъ быть и осторожный Г. Простеніусъ послалъ

ихъ вѣрно къ Рижскому Губернатору, который по долгу своему обязанъ былъ доставить ихъ къ Генералу-Прокурору въ Петербургъ. (Однакожъ какъ я послѣ свѣдалъ, письмо къ Графу Кобенцлю совсѣмъ удержали; и по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ очень благоразумно сдѣлали.) Генералъ-Прокуроръ поднесъ письма Государю.

Письмо къ женѣ моей повелѣлъ Государь доставить ей, и съ роспискою. И такъ его отправили къ Эстландскому Губернатору, который послалъ его къ Везенбергскому уѣздному Судьѣ, Барону Розену. Онъ наконецъ принесъ его къ женѣ моей и получилъ росписку отъ трепещущей руки ея.

Это бѣдственное письмо произвело, какъ я и опасался, печальнѣйшее слѣдствіе. Бѣдная, совсѣмъ уже истощенная жена моя вскорѣ по-

томъ выкинула трехмѣсячный плодъ — послѣдовало кровотеченіе — ожидали конца ея страданій! — Безъ несказанной любви, безъ нѣжной попечительности Кохова семейства, я бы теперь съ шестью сиротами оплакивалъ смерть ея! —

Ее спасли.—Коль скоро она немного пришла въ силы, то по приглашенію братскаго друга моего фонъ *Кнорринга* поѣхала въ Ревель, посовѣтоваться съ родственниками и друзьями моими: не о томъ, что ей дѣлать; — ибо благодушная жена рѣшилась уже: *отправиться за мною въ Сибирь!* — но о томъ, *какъ* ей это сдѣлать и какъ распорядить нашими хозяйственными дѣлами.

Многіе прежде такъ называвшіеся друзья въ Ревелѣ при ея прибытіи поступили очень сомнительно, — я молчу объ нихъ; но добрый мой *Кнорингъ*, любезная его жена, честной мой *Гвекъ* и еще нѣкоторые благородные и праводушные люди не она

саясь послѣдовали внушеніямъ сердецъ своихъ.—Напрасно предостерегали и Кнорринга заботливые люди не принимать у себя нещастной гостьи. Онъ остался честнымъ, вѣрнымъ моимъ другомъ, хотя и самъ признался намъ послѣ, что ожидалъ непріятныхъ слѣдствій, а можетъ быть и внезапной поѣздки въ Петербургъ.

Жена моя только и думала и говорила теперь объ отправленіи своемъ въ Сибирь. Что ни говорили противъ того: она настояла твердо въ своемъ намѣреніи; и когда ее иногда старались отвратить отъ того утѣшеніемъ, что заточеніе мое конечно не долго будетъ, то она ревностно отвѣчала: „ хотябъ я и на недѣлю облегчила его участь!„ Горничная ея, *Катерина Тенгинъ*,— она стоитъ того, чтобъ я ее съ признательностію именовалъ, — сама вызвалась ѣхать съ нею, хотя

и должна была оставить старую семидесяти лѣтнюю мать.,, Я имѣла у васъ, говорила благомыслящая дѣвка, хорошую жизнь; теперь хочу и горе дѣлить съ вами.,, — Жена моя намѣрена была взять съ собою нашу Эмми, а другихъ дѣтей оставить. Хотѣли приговорить надежнаго проводника за хорошую плату, и отъѣздъ назначенъ былъ 1 го Іюля.

Таковы были обстоятельства 17 Іюня, въ которой день жена моя все утро была необычайно пасмурна. Послѣ обѣда пошла она въ свою комнату и бросилась на постель, чтобъ вздремнуть не много. — Кноррингъ стоялъ на балконѣ сельскаго своего дома — тутъ скакалъ курьеръ по аллеѣ — проскакалъ — спросилъ — воротился — держалъ вверхъ пакетъ свой — соскочилъ и бросился въ домъ — Кноррингъ пошелъ ему на встрѣчу, въ надеждѣ и страхѣ; домашніе его тревожились о немъ са-

момъ. — Но — „ хорошіе вѣсти! „ были первые слова курьера — и въ рукѣ держалъ онъ письмо Графа фонъ деръ Палена къ женѣ моей. Кнорингъ хотѣлъ у него взять письмо; но курьеръ настоялъ въ томъ, чтобъ самому отдать ей.

Восхищаясь чистою радостію, друзья мои при томъ не забыли, что тутъ надобна необходимо крайняя осторожность. Они не хотѣли будить жены моей, а нетерпѣливо желали сообщить ей радостную вѣсть. Тихохонько отворили они комнату.— Жена моя не спала — она видѣла, какъ одна голова изъ за другой весело высовывалась въ полуоткрытую дверь — и что всѣ лица были веселѣе нежели она давно привыкла ихъ видѣть. — Она тотчасъ привстала — „ Не хотите ли мнѣ что сказать? „ —

Ахъ нѣтъ, отвѣчали съ насильнымъ равнодушіемъ; мы хотѣли посмотрѣть только, спишь ли ты еще? „

„Нѣтъ! нѣтъ! конечно есть у васъ что нибудь для меня пріятное; я это вижу по радостнымъ вашимъ лицамъ.“ —

Ну такъ — хорошія вѣсти о Коцебу — къ тебѣ присланъ курьеръ отъ Графа Палена. —

При этихъ словахъ жена моя соскочила уже съ постели. Побѣжала изъ комнаты, вырвала у курьера письмо, распечатала его и сквозь слезы читала:

„Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйше угодно было позволить вамъ съ супругомъ вашимъ жить въ Петербургѣ. Съ искреннѣйшимъ удовольствіемъ спѣшу васъ увѣдомить о таковой особенной милости Великаго нашего Государя, дабы вы могли, когда вамъ угодно отправиться сюда. За супругомъ вашимъ посланъ нарочный, и онъ по прибытіи вашемъ сюда или здѣсь

уже будетъ, или вскорѣ пріѣдетъ. Впрочемъ для меня пріятно будетъ стараться, чтобъ для васъ уже впередъ нанята была приличная квартира."

„Позвольте мнѣ, Милостивая Государыня моя, увѣрить васъ въ искреннемъ участіи моемъ и совершенномъ почитаніи, съ каковымъ честь имѣю быть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.
Графъ фонъ деръ Паленъ."

Іюня 16 дня 1800.
С. Петербургъ.

Крайне трогательно было то, что мнѣ разсказывали друзья мои о дѣйствіи этаго письма. Радость ея походила на сумасшествіе. Не въ состояніи бывъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ безъ помощи прошащиться отъ одной софы къ другой, прыгала она теперь какъ серна; ни

минуты не могла пробыть на мѣстѣ, приносила все сама, что ей или другимъ нужно было; при томъ жестоко плакала и смѣялась еще болѣе, все въ одно время. Курьеру подарила всѣ наличныя деньги, которыя только у нее были. Тотчасъ должно было готовить все къ отъѣзду въ Петербургъ; завтра же хотѣла она ѣхать, и кто противъ того говорилъ что нибудь, того называла она своимъ недругомъ.

Къ щастію вступился еще благородный, отмѣнный врачь мой, Докторъ Блумъ, за которымъ послали. Онъ вразумилъ ее, что напряженное ея состояніе не есть *укрѣпленіе*; и она непремѣнно должна была рѣшиться пробыть еще нѣсколько дней.

Между тѣмъ послѣ курьера прибылъ скоро и посланный отъ Рижскаго Губернатора. Генералъ-Проку-

ворЪ сообщилЪ ему это извѣстіе сЪ присовокупленіемЪ: чтобЪ онЪ по Высочайшему повелѣнію снабдилЪ Госпожу Коцебу всѣмЪ на дорогу потребнымЪ, и по томЪ донесЪ, сколько на то денегЪ вышло. Что Господину Военному Губернатору Петербургскому повелѣно отвести мнѣ и женѣ моей приличную квартиру.

Добрая жена вЪ разсужденіи милости Государевой находилась вЪ такомЪ же затрудненіи, какЪ я нѣсколько недѣль спустя вЪ Тобольскѣ. Она слишкомЪ горда была, чтобЪ просить *много*, и не хотѣла также показаться упрямою, естьли *совсѣмЪ ничего* не потребуетЪ. Посовѣтовавшись сЪ друзьями своими, потребовала она наконецЪ только на путевыя издержки до Петербурга, которыя ей тотчасЪ и выдали.

Вѣчно дорого будетЪ мнѣ воспоминаніе любезнаго города Ревеля за

то, какимъ образомъ большая часть жителей поступила въ семъ случаѣ. Въ полчаса разнеслось это извѣстіе по всему городу; одинъ кричалъ на улицѣ другому; ѣхавшихъ въ каретахъ останавливали, сказывали новость и отпускали; тѣже опять останавливались встрѣчаясь со знакомымъ. Знаете ли уже вы? ,, кричали издали на встрѣчу. — Да, знаю! былъ обыкновенный отвѣтъ. Не только *друзья* мои веселились; *человѣчество* радовались! — О, въ Ревелѣ такъ много благородныхъ, истинныхъ человѣковъ!

Черезъ три дни жена моя поѣхала. Не отдыхая ни часа дорогою, спѣшила она совершить пятьдесятъ миль до Петербурга, почитая по письму Графа фонъ деръ Палена найти меня уже тамъ можетъ быть. Конечно Графъ по доброжелательству такъ расчелъ: ибо какъ посланный за мною курьеръ только 15 Іюня

отправленъ былъ, то мнѣ никакъ не возможно было ближе семи недѣль быть въ Петербургѣ; и для этого еще должно было мнѣ, (что я подлинно и сдѣлалъ) ѣхать скорѣе обыкновенной почты съ письмами. И такъ жена моя слишкомъ еще рано пріѣхала и остановилась въ трактирѣ, какъ обѣщанная ей квартира еще не готова была, а послѣ и совсѣмъ объ ней забыли, потому что тонкость ея не позволила ей напоминать о томъ.

Я бы не упомянулъ совсѣмъ объ этомъ обстоятельствѣ, естьлибъ оно не подавало мнѣ пріятной случай снова показать нѣжное благодушіе друга моего Граумана. Когда онъ примѣтилъ, что издержки въ трактирѣ съ многочисленною семьею превосходили теперешній достатокъ жены моей, то нанялъ ей тихонько квартиру, заплатя за два мѣсяца впередъ и наскоро убралъ ее. Когда

уже было готово по мыслямъ его, попросилъ онъ туда жену мою. Она съ пріятнымъ удивленіемъ вошла въ веселую, просторную квартиру изъ пяти нарядно меблированныхъ коммать, и нашла въ спальнѣ постели, въ кухнѣ посуду отъ мѣлочи до большой, для стола всякое бѣлье съ приборами, для чаю фарфоровый сервизъ, въ шкафахъ чай, кофе, сахаръ, восковыя свѣчи и проч. во множествѣ. Не забыто было и мужное серебро; и милая жена моя очушилась вдругъ въ совершенно устроенномъ хозяйствѣ, хотя и не могла узнать отъ благороднаго мужа, все это какъ бы волшебствомъ приготовившаго, сколь велики были издержки, которыя геній дружбы заставилъ сердце его употребить на то. — О, самая горчайшая чаша страданій стоитъ слезъ, когда при послѣднемъ глоткѣ видишь на днѣ рѣдкій залогъ истинной дружбы.

Въ такихъ перемѣнныхъ разска-

захъ летѣли часы мимо меня и вновь дарованной мнѣ жены! — Стѣны, вмѣщавшія насъ, тѣ самыя стѣны, гдѣ прежде заглушались вздохи многихъ нещастныхъ, отзывались теперь кроткимъ восторгомъ нѣжнѣйшей любви, признательнѣйшей дружбы! —

Одного только недоставало къ совершенству сего радостнаго торжества щастливаго — дѣтей моихъ! Мать поѣхала за ними — они давно уже съ безпокойною нетерпѣливостію того дожидались; они пріѣхали — я видѣлъ, какъ они прыгали изъ кареты — опрометью взбѣжали ко мнѣ — повисли мнѣ на шею — а я — о! кто самъ отецъ, тотъ понимаетъ меня!

Сталъ полдень и вечеръ, а мы того не примѣчали. Эштафетъ изъ Гатчины все еще не бывалъ, но я о томъ не заботился. Не было ли

все, что сердце мое желаю, въ тѣсной комнатѣ — хотябъ она и тюрьмой называлась!

Приключеніе, послѣдовавшее въ вечеру, возобновило и умножило прискорбную нашу радость. Руской купецъ, со мною ѣхавшій, надѣялся — какъ я забылъ упомянуть — въ Москвѣ еще получить свѣдѣніе о женѣ своей и дочери. Онъ пошелъ со двора отыскать одного родственника, и воротился съ крайнею печалію на лицѣ. Я такъ радовался, сказалъ онъ просто; — но теперь Богъ послалъ мнѣ много горя! Жены моей и дочери нѣтъ на свѣтѣ! — потомъ онъ не говорилъ о томъ — вообще говорилъ очень мало и часто видѣлъ я, какъ сидя въ повозкѣ безмолвно катились слезы его на сѣдую бороду. По прибытіи нашемъ въ Петербургъ и онъ оставался въ одной со мною комнатѣ. Когда пришла ко мнѣ жена моя, то онъ былъ безмолвный вздыхае-

щій свидѣтель нашего счастія. Во весь день онъ ни однимъ словомъ не нарушалъ нашей радости, а сидѣлъ смирно потупя въ землю глаза.

Теперь какъ уже смерклось, вдругъ вбѣжалъ его курьеръ: Иванъ Семеновичь! жена твоя и дочь здѣсь! — Онъ вскочилъ какъ бы изъ тяжкаго сна — потащился къ двери — и гляль! жена и дочь повисли ему на шею. — Это было повтореніе собственнаго моего безмолвнаго восторга! Онъ былъ еще трогательнѣе по долготѣ времени, которое онъ разлученъ былъ съ семействомъ своимъ. Онъ оставилъ жену свою стройною и проворною; а нашелъ уже довольно дородною старухою. Дочери его было тогда еще восемь лѣтъ; теперь видѣлъ онъ ее прекрасною, свѣжею шестнатцати лѣтнею дѣвушкою. Долго не могъ онъ примѣниться къ своему щастію; онъ поминутно бралъ свѣчу и со всѣхъ сторонъ

осматривалъ дочь свою. Съ радостію на лицѣ катились у него слезы на длинную бороду, и онъ не могъ ничего промолвить, кромѣ часто повторяемаго изумительнаго: ахъ! — ахъ! — ахъ! —

Въ такимъ неоцѣненныхъ чувствованіяхъ прошелъ день и наступила уже ночь. Какъ мнѣ покой очень нуженъ былъ, а здѣсь никакой удобности не было, то изъявилъ я желаніе, по крайней мѣрѣ на эту ночь поѣхать на свою квартиру, обѣщая на утро въ надлежащее время воротиться. Господинъ Стацкой Совѣтникъ Фуксъ по милости своей позволилъ мнѣ это на свой отчетъ. Съ несказанно веселымъ сердцемъ вошелъ я въ свою любовью и дружбою украшенную квартиру и встрѣченъ былъ вѣрными людьми моими съ нелицемѣрною радостію.

Едва былъ я съ часъ дома, какъ запискою Господинъ Стацкой Со-

вѣтникъ Фуксъ увѣдомилъ меня, что онъ только что получилъ повелѣніе совершенно свободить меня. Такъ эту ночь спалъ я черезъ четыре мѣсяца въ первой разъ опять на свободѣ, въ объятіяхъ жены моей, съ дѣтьми своими. — Блаженное пробужденіе!

Въ слѣдующее утро я по долгу своему явился къ Военному Губернатору Графу фонъ деръ Палену. Однакожъ не только по долгу, но и изъ благодарности пошелъ я къ нему; ибо онъ при всѣхъ своихъ крайне многихъ дѣлахъ нашелъ время, не только женѣ моей, но и крайне заботившейся обо мнѣ старой матери моей самымъ чувствительнымъ образомъ дать знать о свободѣ моей. Множество людей его окружавшихъ, не дозволило мнѣ ничего сказать ему, и отъ него слышать, кромѣ обыкновенныхъ рѣчей.

Августа 13 получилъ я копію съ указа, по которому Государь по-

жаловалъ мнѣ въ Лифляндіи находящуюся казенную дачу Воррокюль въ 6 1/3 гаковъ, безъ всякихъ повинностей. Эта дача, въ которой близь 400 душъ мужеска полу, съ покойнымъ домомъ и всѣми желаемыми угодьями, доставляющая мнѣ 4000 рублей ежегоднаго откупу, есть подлинно Царской даръ и при томъ неопровергаемое доказательство невинности моей.

Теперь бы я охотно желалъ ѣхать опять въ Германію, чтобъ забыть сонъ страданій моихъ; но друзья мои основательно не совѣтовали мнѣ просить о позволеніи на то. Я послушался ихъ совѣту и въ благодареніи моемъ къ Государю, въ Гатчину посланномъ, упомянулъ только, что намѣренъ ѣхать въ деревню, дабы тамъ въ тишинѣ наслаждаться Его щедротами.

Писаніе мое произвело самое неожидаемое дѣйствіе. На другой же

день по утру получилъ я отъ Статсъ-Секретаря Господина Тайнаго Совѣтника Брискорна слѣдующій Кабинетской Указъ:

„ Имѣвъ счастіе читать Его Императорскому Величеству благодарительное ваше письмо, получилъ я Высочайшее повелѣніе заготовить Указъ объ опредѣленіи васъ Директоромъ Придворнаго Нѣмецкаго театра, съ чиномъ Надворнаго Совѣтника и тысячью двумя стами рублей жалованья; когда же дошелъ до того мѣста въ письмѣ вашемъ, гдѣ вы изъясняете намѣреніе ваше ѣхать въ деревню, то Его Величеству благоугодно было повелѣть мнѣ истребовать отъ васъ соглашеніе ваше на вышепомянутое опредѣленіе. Исполняя симъ долгъ мой, прошу васъ незамедлительно увѣдомить меня, согласны ли вы принять Всемилостивѣйшее предложеніе Всеавгустѣйшаго нашего Государя; увѣряя

васъ впрочемъ объ отличномъ почитаніи, и проч.

Брискорнъ.,,

Приписка. По дирекціи вашей будете вы состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Господина Оберъ-Гофмаршала Нарышкина.,,

Недоумѣніе мое при полученіи сего письма было также велико, какъ испугъ мой. Мнѣ должно опять принять дирекцію театра? — *мнѣ*, когда уже и въ Вѣнѣ, при самой дружеской связи съ праводушнымъ Барономъ Брауномъ, она мнѣ наскучила; — когда я часто себѣ и женѣ моей клялся, что рѣдкія розы никогда опять не заманятъ меня на эту терновую дорогу; — когда по многимъ опытамъ зналъ, что самые достойнѣйшіе актеры часто къ горю бываютъ самые дурные люди; — что одно охуждающее слово тихо охуждаемаго — хотябъ ты прежде

его до небесъ превозносилъ — заставляетъ быть непримиримѣйшимъ врагомъ твоимъ, хотя онъ самъ же часто со всѣми признаками откровенности и скромности просилъ о твоемъ сужденіи; — что большая часть актеровъ и даже лучшіе изъ нихъ не *искусство*, но только *искусника въ себѣ* любятъ, что они съ удовольствіемъ видятъ большую картину однѣхъ безобразныхъ рожъ, когда только собственное ихъ милое лице, лестными красками красиво представленное сзади выходитъ! — Однакожъ какое отступленіе заставилъ меня сдѣлать двадцатилѣтній, часто горкій опытъ! довольно! скажу только словами Шекспира: *тщеславіе, настоящее твое имя актеръ!*

И съ такимъ удостовѣріемъ должно бы мнѣ было принять начальство надъ театромъ, который содержатель, по имени Мире, составилъ изъ остатковъ бродящихъ труппъ

и нѣкоторыми изъ Германіи выписанными членами хотя поправилъ, но по истинѣ еще не довелъ до совершенства! До сихъ поръ поддерживало его общество купцовъ взносами, но теперь онъ близокъ былъ къ разрушенію. По представленію Графа фонъ деръ Палена Государь рѣшился принять ихъ на свой счетъ. По несчастію возвращеніе мое случилось въ самое это время и потому натурально было, что Государю пришло на мысль поручить мнѣ управленіе новаго Его Придворнаго театра. Явно, что благоволеніе и желаніе сдѣлать мнѣ пріятное, внушили Ему это; труднѣе было отклонить мнимую милость.

Однакожъ я старался, самыми тонкими изворотами, какіе только выдумать могъ, какъ нибудь отдѣлаться, и равно сильными выраженіями изъявить какъ признательность мою, такъ и неохоту. Но все было напрасно! Вмѣсто того получилъ

я копіи съ трехъ указовъ, изъ коихъ по одному, данному Оберъ-Гофмаршалу, назначенъ я былъ Директоромъ, по другому Сенату, пожалованъ Надворнымъ Совѣтникомъ; а по третьему указано было получать мнѣ жалованье изъ Кабинета. Къ сему по видимому не большому жалованью присовокуплялись еще 1800 рублей изъ кассы Придворнаго театра на экипажъ, и сверхъ того опредѣлена мнѣ сверхъ дровъ к свѣчь и прекрасная, просторная квартира. Въ экономическомъ отношеніи, долженъ съ благодареніемъ признаться, я Царски былъ обеспеченъ, получая вдругъ ежегодно со включеніемъ откупа съ дачи моей, по меньшей мѣрѣ 9000 рублей, и сверхъ того назначенъ былъ мнѣ сборъ отъ втораго представленія всѣхъ моихъ новыхъ піесъ, отъ чего также доходъ мой нѣсколькими тысячьми умножился. *) Но — надобноль мнѣ было все

*) Въ одномъ листѣ вѣдомостей для

это? можноль за золото получить покой, довольство, здоровье? — Не имѣлъ ли я въ Енѣ и Веймарѣ не толь великолѣпную, но веселѣйшую квартиру, не толь богатое, но достаточное содержаніе? — А наконецъ — что всего болѣе! — тамъ была мать моя, любви которой обязанъ я всѣмъ моимъ образованіемъ, ожидавшая меня съ крайнимъ нетерпѣніемъ, дабы я веселилъ немощную ея старость? —

Но всѣ мои желанія и разсужденія должны были покориться необходимости. Я послѣдовалъ судьбѣ своей и вступилъ въ должность.

людей со вкусомъ (elegante Welt) сказано было, что я въ бытность мою въ Петербургѣ, получилъ *шестнатцать* бенефисовъ; но я знаю только *шесть*, въ которые собралъ немногимъ болѣе трехъ тысячь рублей.

Не за долго передъ тѣмъ изъ тайной Экспедиціи возвратили мнѣ всѣ мои на границѣ отнятыя бумаги. Все до листочка было цѣло, и я долженъ здѣсь съ признательностію упомянуть о крайне важномъ обстоятельствѣ.

Какъ я въ дальномъ моемъ заточеніи ни увѣренъ былъ, что во всѣхъ моихъ бумагахъ нѣтъ ни одной строчки, которая моглабъ подать вину къ строгому со мною поступленію; однакожъ подлинно точно была тамъ строка, которая естьлибъ попалась на глаза Государя, можетъ быть усугубила бы мое нещастіе, или конечно бы оное продлила. Эта строка находилась въ дневной моей запискѣ, веденной въ Вѣнѣ. И тамъ, пока короче меня узнали, подозрѣвали меня Якобинцемъ. Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Вѣну объяснилъ я опасенія мои о томъ Барону Брауну, который

однакожъ успокоилъ меня увѣреніемъ: ,,что Императоръ Францъ крайне правосуденъ, и ни какого обвиненнаго не осудитъ безъ строжайшаго изслѣдованія.,, Относительно къ симъ словамъ написалъ я въ денной запискѣ своей нѣкоторыя не очень осторожныя слова.

Я совсѣмъ запамятовалъ эти нещастныя, конечно жестокія слова. Можно себѣ представить ужасъ мой, когда они при разбираніи бумагъ моихъ попались мнѣ на глаза! Но да представятъ себѣ и трогательную радость мою, когда я притомъ примѣтилъ: что благородная доброжелательная рука такъ густо *помарала* эту строку чернилами, что и я самъ едва могъ угадать, что тутъ было! доказательство, что какъ ни страшна была *тайная Экспедиція*, но члены ея повиновались только строгимъ повелѣніямъ, и охотно ослабляли, когда могли. Особенно

Господинъ Статской Совѣтникъ Макаровъ вообще пріобрѣлъ себѣ такую похвалу; часто собственныя его слезы текли вмѣстѣ со слезами нещастныхъ. Не знаю, ему ли, или Господину Статскому Совѣтнику Фуксу или кому третьему поручено было разсмотрѣніе бумагъ, и при всемъ моемъ стараніи я того ни какъ свѣдать не могъ. И такъ я долженъ удовольствоваться тѣмъ, чтобъ гласно предъ свѣтомъ и тихо предъ Богомъ изъявить мою признательность. Щастіе мое, что я попалъ въ руки этаго благороднаго неизвѣстнаго!

Впрочемъ нашелъ я кой-гдѣ многія неважныя мѣста въ бумагахъ моихъ подчеркнутые карандашемъ; но ничего такого, чтобы могло вредить мнѣ, а только разныя статистическія замѣчанія, анекдоты и тому подобное, все такое, что я записалъ для памяти, и при чемъ дѣлалъ свои разсужденія.

Читатель конечно, какъ и я самъ, любопытенъ узнать, *какому* благопріятному обстоятельству я подлинно обязанъ моимъ освобожденіемъ. Мы уже знаемъ, что оно не послѣдовало по отправленной отъ меня изъ Тобольска прозьбѣ къ Государю, какъ везшій оную прозьбу около Казани встрѣтился уже съ курьеромъ, который за мною былъ посланъ — Здѣсь сообщу я, что собралъ о томъ изъ достовѣрныхъ извѣстій.

Четыре недѣли — такъ увѣряютъ — лежали бумаги мои безъ напамятованія о нещастномъ, который за эти нерассмотренныя бумаги страдалъ уже въ заточеніи. Наконецъ Государь спросилъ о содержаніи ихъ; тогда должно было доложить о томъ, и невинность этихъ бумагъ конечно была первою причиною къ перемѣнѣ мыслей Государя. Однакожъ сомнительно, получилъ ли бы я свободу по *одной* невинности моей. Но доб-

рый геній мой присоединилъ къ тому еще другое обстоятельство, которое случилось въ благопріятнѣйшее для меня время.

Маленькую драму, *Лейбкучеръ Петра третьяго*, которую я за четыре года отъ чистой радости о благодушномъ дѣлѣ Императора написалъ, ни мало не думая при сочиненіи оной, какое важное вліяніе она нѣкогда имѣть будетъ на судьбу мою — эту маленькую драму теперь только молодой человѣкъ *Краснопольскій*, перевелъ по Руски. Онъ желалъ посвятить ее Государю, и для того спрашивался многихъ сильныхъ особъ. Но ему этого не совѣтовали; по крайней мѣрѣ говорили, чтобъ онъ не ставилъ моего имени въ заглавіи, какъ это ненавистное имя все можетъ испортить.

Праводушный молодой человѣкъ не посмотрѣлъ ни на что. Піеса

эта, говорилъ онъ, *моя* ; онъ не можетъ убирать себя чужими перьями, и слѣдовательно мое имя должно остаться. Находя затрудненія въ поднесеніи, послалъ онъ ее отважно по почтѣ на имя Государя.

Она произвела рѣдкое впечатлѣніе въ Государѣ. Онъ читалъ ее — былъ тронутъ и доволенъ — повелѣлъ тотчасъ послать переводчику дорогой перстень, — однакожъ думалъ, чтобъ оставить манускриптъ не печатавъ. Черезъ нѣсколько часовъ Онъ потребовалъ ее въ другой разъ, просмотрѣлъ еще, и позволилъ печатать, съ упущеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, между коими — что для меня не понятно — и *то* было, гдѣ старый Лейбкучеръ говоритъ: " Государь мнѣ поклонился! Онъ кланяется всѣмъ честнымъ людямъ!" — Въ тотъ же день потребовалъ Онъ піесу въ третій разъ, еще просмотрѣлъ ее и позволилъ тогда печатать

безъ всякой перемѣны. ,, Мнѣ, говорилъ Онъ, мнѣ долженъ Онъ удовлетворить и по крайней мѣрѣ подарить столько жъ, сколько подарилъ старому Лейбкучеру *) ,,. Тотчасъ отправленъ былъ курьеръ за мною.

Вскорѣ потомъ получено было прошеніе мое изъ Тобольска. Государь прочелъ его, хотя оно и длинно было, два раза съ начала до конца, и слѣдствіемъ того было отъ нѣжнаго чувства происходящее повелѣніе Эстландскому Губернатору: выбрать для меня *прекрасную* казенную дачу въ сосѣдствѣ моего *Фриденталя*. ,, Итакъ Онъ не только *жаловать* хотѣлъ, но и самымъ пріятнѣйшимъ для меня образомъ. Конечно неоспоримо, что эта черта происходила отъ нѣжно чувствующаго сердца. — Близь Фриденталя

*) Двадцать тысячь рублей.

однакожъ не нашлось такой казенной дачи.

Вотъ все, что я съ достовѣрностію могъ узнать о причинахъ освобожденія моего. Естьлибъ столько жъ свѣдалъ о причинахъ арестованія моего! но сомнѣваюсь, чтобъ когда либо рука времени открыла эту завѣсу.

При всѣхъ явныхъ знакахъ благоволенія Государева, страхъ такъ сильно овладѣлъ моимъ духомъ, что у меня всегда билось сердце, когда я только увидалъ фельдъегеря или Сенатскаго курьера, и что я никогда не ѣзжалъ въ Гатчину, не запасшись изрядно деньгами, какъ бы готовясь къ новой ссылкѣ.

При таковомъ расположеніи можно себѣ вообразить страхъ мой, когда 16 Декабря, по утру въ восемь часовъ Графъ фонъ деръ Паленъ

прислалъ ко мнѣ Полицейскаго Офицера съ приказаніемъ тотчасъ къ нему явиться. Хотя онъ для сего выбралъ смирнаго, вѣжливаго, мнѣ знакомаго молодаго человѣка, и еще именно приказалъ ему сказать мнѣ: чтобъ я не пугался; тутъ ничего худаго нѣтъ. Однакожъ одного его вида, первыхъ словъ его довольно уже было облить кровью сердце мое, а жена моя отъ того такъ встревожилась, что принуждена была принять лекарство.

Когда я пришелъ къ Графу фонъ деръ Палену, то говорилъ онъ мнѣ улыбаясь: Государь хочетъ обнародовать вызовъ на карусель всѣхъ Европейскихъ Государей и Министровъ ихъ. Вы должны его написать, а потомъ онъ помѣщенъ будетъ въ газеты. Черезъ часъ должно, чтобъ готовъ былъ онъ и Государь повелѣлъ, чтобъ я ему лично оной подалъ.

Я повиновался и черезъ часъ при-

несъ вызовъ. Графу, лучше знавшему мысли Государя, показался онъ не довольно колкимъ. Я сѣлъ въ кабинетѣ его, и написалъ другое, которое показалось ему лучше. Теперь поѣхали мы во Дворецъ. Въ первой разъ должно было мнѣ предстать предъ того Человѣка, который для меня строгостію и щедротами, страхомъ и радостію, горестію и благодарностію моею сталъ такъ достопамятенъ; Едва желалъ я этой чести, и сомнѣвался когда либо имѣть ее.

Долго ждали мы въ передней. Государь поѣхалъ верхомъ прогуляться; но наконецъ Онъ пріѣхалъ. Графъ Паленъ пошелъ къ Нему съ бумагою,— пробылъ довольно долго, вышелъ съ досадою, и мимоходомъ сказалъ мнѣ: приходите ко мнѣ въ два часа; надобно написать еще колчѣе.

И такъ я поѣхалъ домой и удостовѣренъ былъ, что я чрезъ то едва

ли пріобрѣту благоволеніе Государя. Едва я пробылъ съ полчаса дома, какъ придворный лакей запыхавшись вбѣжалъ въ мою комнату и сказалъ, чтобъ я сей часъ былъ къ Государю. — Я спѣшилъ сколько могъ.

Вотедъ въ Государевъ Кабинетъ, гдѣ кромѣ Его былъ только Графъ Паленъ, всталъ Онъ отъ стола Своего, выступилъ на шагъ ко мнѣ и поклонясь сказалъ неизъяснимо привлекательнымъ тономъ: „ Господинъ Коцебу, я долженъ напередъ помириться съ вами. „

Меня крайне растрогалъ неожидаемой такой пріемъ. Какую волшебную силу имѣютъ Государи! *милость.* — Все прошедшее истребилось изъ сердца моего.

По обряду хотѣлъ я ставъ на колѣни поцаловать руку у Государя; но Онъ ласково поднялъ меня, по-

цаловалъ меня въ лобъ и продолжалъ чисто по Нѣмецки:

„Вамъ довольно извѣстны политическія обстоятельства. Я желаю, чтобъ это — (у Него въ рукѣ была бумага) — помѣщено было въ Гамбургскія и другія газеты.„

Потомъ взялъ Онъ меня снисходительно за руку, повелъ къ окну и прочелъ по Французски собственноручно писанную бумагу.

При концѣ Онъ Самъ отъ всего сердца засмѣялся. И я обязанъ былъ смѣяться.

„Чему вы смѣялись? спросилъ Онъ меня два раза на скоро, все еще Самъ смѣясь. —

Тому, что Ваше Величество такъ хорошо обо всемъ вѣдаете, отвѣчалъ я.

„Вотъ, вотъ! сказалъ Онъ, подавая мнѣ бумагу: переведите

это. Оставте у себя подлинникъ, а Мнѣ принесите копію. „

Я пошелъ и сталъ переводить. — Въ два часа по полудни я опять поѣхалъ во Дворецъ и Графъ Кушайсовъ доложилъ обо мнѣ Государю. Меня тотчасъ впустили и теперь нашелъ я Его одного.

„Садитесь, сказалъ Онъ очень ласково. Изъ благоговѣнія я не тотчасъ повиновался. „ Нѣтъ, нѣтъ, садитесь! повторилъ онъ нѣсколько важно. И такъ я взялъ стулъ и сѣлъ противъ Него у письменнаго стола.

Онъ взялъ Французской подлинникъ. „ Прочтите. „ Я читалъ не скоро, и взглядывалъ иногда черезъ бумагу. Онъ кивалъ головою въ знакъ одобренія; потомъ благодарилъ меня ласково и сердечно за такой малый трудъ и отпустилъ истинно растроганнаго и восхищеннаго снисхо-

дительнымъ Его обращеніемъ. Когда только бывалъ кто когда близокъ къ Нему, тотъ подтвердитъ, что Онъ умѣлъ чрезвычайно плѣнять, и трудно, да почти и невозможно было не быть къ Нему приверженнымъ.

Мнѣ подарилъ онъ черезъ два дни послѣ того табакерку осыпанную бриліантами, цѣною около двухъ тысячь рублей. Вѣрно никогда не заплаченъ былъ щедрѣе переводъ слово въ слово двадцати строкъ!

Императрицѣ сказывалъ Онъ, что познакомился со мною. C'eſt à préſent un de mes meilleurs ſujets, *) сказалъ Онъ. Я это знаю отъ человѣка при томъ бывшаго. — Не знаю, почему Государь почиталъ меня теперь лучшимъ подданнымъ, нежели до поѣздки моей въ Сибирь.

(*) Онъ теперь изъ лучшихъ моихъ подданныхъ.

Были люди, которые осуждали меня, что я не воспользовался прекраснымъ случаемъ, просить Государя о новыхъ щедротахъ. Правда, Онъ Самъ какъ будто ожидалъ такой прозьбы; снисходительно милостивой взоръ Его какъ будто ободрялъ меня къ тому: но чувство мое не позволяло того и можетъ быть я никогда не буду жалѣть о томъ, что тутъ потерялъ.

За то не выигралъ ли я съ другой стороны неоцѣнимое благо *спокойствіе*, которое такъ давно чуждо было сердцу моему: ибо теперь, когда я самъ говорилъ съ Государемъ и видѣлъ открытымъ благородное сердце Его, то изчезъ весь мой страхъ: я теперь Его болѣе любилъ, нежели боялся, и былъ удостовѣренъ, какъ и по нынѣ еще, что откровенность, прямыя поступки, безъ низости, безъ потупленія глазъ, всегда Ему пріятны были. Должно было толь-

ко угождать не большимъ Его особенностямъ; а какъ это легко было!

Послѣ того разговора видѣлъ я множество опытовъ милости Государевой; когда только встрѣчался я съ Нимъ на улицѣ, то Онъ всегда останавливался и съ минуту благоволительно со мною разговаривалъ. Комнѣ остался Онъ по кончину Свою всегда одинаковъ, милостивъ, снисходителенъ и благодушенъ. Признаюсь, что слезы мои льются усыпая этими цвѣтами благодарности гробъ Его! —

Въ Январѣ назначили Французскіе актеры играть въ *Эрмитажѣ* Ненависть къ людямъ и раскаяніе. Извѣстно, что съ прежнихъ временъ въ этотъ тѣсной кругъ Двора, кромѣ Офицеровъ Гвардіи, имѣютъ доступъ только четыре первые класса; но Государь для меня сдѣлалъ исключеніе и повелѣлъ именно пригласить

меня въ театръ. Съ того времени я имѣлъ свободной входъ всегда, когда только играли въ Эрмитажѣ.

Легко себѣ представятъ, что сердце мое билось, когда я шелъ къ представленію Ненависти къ людямъ и раскаянія. Отличной игрѣ госпожи Вальвиль въ роли Эйлаліи обязанъ я особенно, что Государь чрезвычайно былъ тронутъ. Болѣе нежели семидесятилѣтній Офренъ, который славенъ и въ Германіи, игралъ старика. — Государь сидѣлъ за самымъ оркестромъ и для меня странно было, что во все время представленія Гвардеецъ Мальтійской гвардіи стоялъ за его креслами.

Естьлибы — при всемъ благорасположеніи и отличіи начальника моего Обергофмаршала Нарышкина, коего обращеніемъ я съ признательностію похвалиться долженъ — премножествомъ досадъ не надоѣдала

мнѣ дирекція театра: то бы я могъ утверждать, что велъ въ то время счастливую жизнь; ибо я составилъ себѣ не большой любезный кругъ, и пріобрѣлъ *не многихъ* друзей: *не многихъ* только; однакожъ они стоили *многихъ*. Въ числѣ ихъ былъ Коллежской Совѣтникъ *Шторхъ*, всякому образованному Нѣмцу извѣстный писатель, котораго я сверхъ того еще почитаю преблагороднымъ, чувствительнымъ человѣкомъ; также праводушный Статской Совѣтникъ *Зутгофъ* съ любезною его супругою; простообычный Статскій Совѣтникъ *Вельцинъ*, особенно забавный человѣкъ. У насъ бывали вечеринки, гдѣ проводилъ я часы, которые долго еще въ радостно-горестной памяти у меня пребудутъ. О, я увѣренъ, что и эти друзья мои часто будутъ вспоминать обо мнѣ въ дружескихъ своихъ собраніяхъ!

Но и отъ тягостной теат-

ральной дирекціи я вдругъ случайно пріятнѣйшимъ образомъ избавился. Государь совершилъ Свой новой прославившійся *Михайловской* дворецъ, и жилъ и былъ только въ этомъ какъ бы чародѣйнымъ ударомъ возникшемъ волшебномъ замкѣ, который по счету стоилъ отъ пятнатцати до осмнатцати миліоновъ рублей. Государь перешелъ зимою изъ такъ называемаго *зимняго* въ новый Дворецъ и Ему тамъ чрезвычайно нравилось. Онъ радъ былъ водить Самъ гостей своихъ и показывать сокровища мармора и бронзы, выписанныхъ имъ изъ Рима и Парижа. Чрезмѣрная похвала, которою натурально до самой малости возносили до небесъ и вѣчное повтореніе, что ничего подобнаго не видно въ свѣтѣ — произвели наконецъ въ Немъ мысль, сдѣлать описаніе сего замка. Самымъ лестнымъ образомъ *поручилъ* Онъ мнѣ это дѣло. Не одинъ разъ сказывалъ мнѣ Самъ, что ожидаетъ отъ

меня чрезвычайнаго, и такимъ изъясненіемъ приводилъ меня въ немалое затрудненіе. Изъ собственной его библіотеки получилъ я Николаево описаніе Берлина и Потсдама, и при томъ изъявилъ Онъ желаніе, чтобъ я описалъ предметъ свой точно такъ, но только сколько можно *еще подробнѣе*.

Натуражно, что я тотчасъ повиновался волѣ Его, но признался при томъ: что я не имѣю многихъ къ сему дѣлу потребныхъ свѣдѣній; что я не умѣю по искусству судить о красотахъ архитектуры, картинъ, статуй и для того просилъ позволенія дать примнѣ знающихъ въ сихъ частяхъ людей. Позволеніе на то тотчасъ мнѣ дано было. Я представилъ для древностей славнаго Надворнаго Совѣтника *Келера*, который имѣетъ присмотръ за находящимися въ Эрмитажѣ искусственными собраніями, и свѣду-

щій, добрый, услужливый человѣкъ. Для архитектуры выпросилъ я себѣ Римскаго Архитектора *Бренна*, а для живописи искусныхъ и любезныхъ братьевъ *Кюгельченовъ*.

Государь ласково преподавалъ мнѣ всякое пособіе, и повелѣлъ меня всегда и вездѣ впускать въ замкѣ. Обергофмаршалъ, какъ Капитанъ отъ замка, въ первой разъ самъ водилъ меня по всему Дворцу, а потомъ я смѣло принялся за дѣло.

Всякой день, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда и часто до позднаго вечера, проводилъ я время въ Михайловскомъ Дворцѣ. Не проходило почти дня, въ который бы Государь не встрѣчался мнѣ здѣсь или тамъ, когда я съ записною книжкою въ рукѣ записывалъ многоразличные предметы; и всякой разъ останавливался Онъ и съ минуту разговаривалъ со мною съ плѣнительнѣйшею сни-

сходительностію, а иногда и напоминалъ, чтобъ я ничего слегка, но все очень подробно описывалъ.

При такихъ обстоятельствахъ вздумалъ я, что могу осмѣлиться просить о увольненіи меня отъ дирекціи Нѣмецкаго Придворнаго театра. Февраля 8 го подалъ я *письменно* о томъ прозьбу Начальнику моему. Онъ по милости своей дѣлалъ разныя лестныя возраженія на то; и когда я настоялъ въ моемъ намѣреніи, то онъ по крайней мѣрѣ отложилъ это до неозначеннаго времени. Черезъ нѣсколько дней я опять о томъ напамятовалъ ему, и не переставалъ такъ часто напоминать, пока ясно увидѣлъ, что все это напрасно. Тогда пошелъ я другой дорогой, чтобъ облегчить себѣ тягостныя театральныя дѣла. Я представилъ, что при беспрестанной работѣ моей въ Михайловскомъ замкѣ, мнѣ никакъ не возможно употре-

бить нужное время для театра, и по тому, когда мнѣ отказывали въ увольненія, покрайней мѣрѣ просилъ опредѣлить помощника. На эту прозьбу согласились и выборъ помощника предоставили мнѣ самому. Такъ получилъ я наконецъ одного изъ любезныхъ друзей моихъ помощникомъ, которому назначено было 1500 рублей жалованья и сборъ съ одного бенефиснаго представленія. На него могъ я впередъ сложить тягостнѣйшее бремя и избавиться отъ премножества досадъ.

Марта 11 дня около часу по полудни, и такъ часовъ съ двенатцать до кончины Его, видѣлъ я и говорилъ съ Государемъ въ послѣдніе. Онъ пріѣхалъ верьхомъ съ прогулки съ Графомъ Кутайсовымъ и былъ очень веселъ. На парадной лѣстницѣ, у самой статуи Капитолинской Клеопатры, встрѣтилъ я Его. По обыкновенію Своему Онъ остановился, и

на этотъ разъ помянутая статуя была предметомъ Его разговора. Онъ хвалилъ копію, разсматривалъ разные сорты мармора въ пьедесталѣ, спрашивалъ у меня названія ихъ; потомъ говорилъ о исторіи Египетской Царицы, дивился геройской смерти ея; но улыбаясь одобрялъ меня, когда я думалъ, что она едва ли бы умертвила себя, естьлибъ Августъ не презрѣлъ прелестей ея. Напослѣдокъ спросилъ Онъ еще меня: много ли я успѣлъ въ описаніи Дворца? Когдажъ я сказалъ Ему, что оно почти готово, то Онъ ласково оставилъ меня съ словами: „Я тому радъ.“ —

Я смотрѣлъ ему въ слѣдъ, какъ Онъ шелъ по лѣстницѣ вверхъ; и Онъ также у дверей еще сверху взглянулъ на меня. Мы оба конечно не предчувствовали, что въ послѣдній разъ видѣлись. — Мѣсто у Клеопатры по этому послѣднему разго-

вору съ Государемъ стало для меня очень достопамятно, и не одинъ разъ послѣ кончины Его бывалъ я тамъ съ горестію. —

Марта 12 дня, очень рано, разнеслася вѣсть о возшествіи на престолъ достолюбимаго нынѣшняго ГОСУДАРЯ. По ЕГО повелѣнію скоро потомъ Сенатъ приказалъ напечатать три списка именъ сосланныхъ, возвращаемыхъ изъ Сибири. Лишь только я это узналъ, то послалъ тотчасъ слугу свою достать мнѣ эти списки. — Съ какою поспѣшностію пробѣгали ихъ глаза мои, пока — сквозь радостныхъ слезъ — остановились на имени Соколова. — Да, и онъ свободенъ; въ эту минуту, какъ пишу сіе, прижалъ онъ уже жену свою и дѣтей къ отеческому сердцу! — Дай Богъ, чтобъ онъ также какъ я нашелъ ихъ всѣхъ шестерыхъ опять! — чтобъ отъ тяжкаго сна ничего не осталось у

него кромѣ дружескаго иногда воспоминанія обо мнѣ, сострадальцѣ его! — И господина Киндякова и братьевъ его, и купца Бекера изъ Москвы, и многихъ другихъ знакомыхъ моихъ нашелъ я въ спискѣ жизни. —

По кончинѣ Государя открылась для меня надежда, возвратиться въ отечество мое. Я рѣшился — коль скоро только удобно будетъ трудить новаго Государственными дѣлами обремененнаго ИМПЕРАТОРА такою малостію — просить о увольненіи. Марта 30 дня исполнилъ я это намѣреніе, подавъ прозьбу мою чрезъ Генералъ-Адъютанта Князя Зубова. Апрѣля 2 получилъ я черезъ него лестный отвѣтъ: „что Государь желаетъ, чтобъ я остался въ службѣ.“ — Такая благость, такая честь, натурально воспрепятствовала исполненію моего намѣренія. Съ чувствительнѣйшею признательностію представилъ я: что за щас-

тіе почту служить АЛЕКСАНДРУ Достолюбимому; но при теперешнемъ положеніи Нѣмецкаго Придворнаго театра не удобно мнѣ быть начальникомъ онаго. Когда угодно будетъ ГОСУДАРЮ сдѣлать въ немъ полезную перемѣну; учредить его настоящимъ Придворнымъ театромъ и во всемъ уравнить съ Французскимъ: то я съ радостію всѣ силы употреблю довести Нѣмецкой театръ до того, чтобъ онъ достоинъ былъ одобренія Двора.

По сему получилъ я повелѣніе, подать планъ къ усовершенствованію Нѣмецкаго Придворнаго театра. Я повиновался. Этотъ планъ сдѣланъ былъ со всевозможною бережливостію. Вмѣсто того, что Французской театръ ежегодно однимъ жалованьемъ стоитъ болѣе ста тысячь рублей, обязался я, содержать за шестьдесятъ тысячь такую труппу, которая бы не уступала Французской.

Государь отдалъ планъ мой на разсмотрѣніе Обергофмаршала, который и одобрилъ его.

„Сколько жъ по этому плану будетъ стоить Нѣмецкой театръ?„ спросилъ Государь.

Шестьдесятъ тысячь рублей каждой годъ.

„А по сіе время сколько стоилъ?„

Ничего.

Натурально, что такой отвѣтъ удивилъ ГОСУДАРЯ. Нѣкоторымъ образомъ это было справедливо. Поощряемый усердіемъ и честолюбіемъ, я трудами и стараніемъ довелъ до того, что въ прошедшіе зимніе полгода сбору было до 32,000 рублей, и изъ этой суммы платилъ *всѣ* издержки. Но Господинъ Обергофмаршалъ позабылъ, что въ семь недѣльностя совсѣмъ никакого, а лѣтомъ очень малый сборъ былъ; что сверхъ того театръ былъ самой посредственной и очень много починокъ

нужно было. Конечно ГОСУДАРЮ нельзя было входить въ такія мѣлочныя подробности, тѣмъ болѣе, что объ нихъ и не упомянуто было. Потому мудрено ли, что та сумма показалась ЕМУ велика!

Я достаточно зналъ расположеніе къ Нѣмецкому театру, и слѣдовательно приготовился на этотъ случай, и — тогда ГОСУДАРЮ не покажется планъ мой — присовокупилъ къ тому вторичную прозьбу о увольненіи моемъ: по чему и получилъ я оное наконецъ и притомъ Всемилостивѣйше пожалованъ Коллежскимъ Совѣтникомъ.

29 Апрѣля выѣхалъ я съ моимъ семействомъ изъ Петербурга, исполненъ признательности къ покойному и здравствующему ГОСУДАРЯМЪ. Въ Евѣ пробыли мы еще нѣсколько недѣль у Пробста Коха и благороднаго его семейства. Напутствуемые ихъ

истинно дружескими желаніями продолжали мы путь свой до Вольмерсгофа, помѣстья праводушнаго Барона Левенштерна, куда мы приглашены были немногими сердечными строчками.

О! какъ билось мое сердце, когда мы подъѣхали къ этому жилищу честности и благодушія! наконецъ исполнялось усерднѣйшее мое желаніе! я думалъ увидѣть здѣсь ту женщину, которая въ самую грустную минуту жизни моей прислала мнѣ вспоможеніе, какое могла! Какъ нетерпѣливо желалъ я прижать ея руку къ губамъ, къ сердцу моему! — Я думалъ также увидѣть молодаго человѣка, который проливалъ слезы обо мнѣ и съ братскою любовью старался облегчить тяжкую участь мою! — Первый, кто мнѣ встрѣтился, какъ я выскочилъ изъ кареты, былъ — Камергеръ Бееръ. Какія разнообразныя

чувствованія взволновали мою душу при его встрѣчѣ! — Тотчасъ потомъ пришла и госпожа Левенштернъ. Я не могъ ничего сказать ей; но признательныя слезы на глазахъ моихъ вѣрно говорили вмѣсто меня. Заботливо искалъ я добраго сына ея; онъ спѣшилъ въ мои объятія и я съ братскою любовью прижалъ его къ моему сердцу. — О, какъ сладостно воспоминаніе претерпѣнныхъ страданій въ кругу участвующихъ друзей! —

Здѣсь получилъ я еще нѣкоторыя объясненія до моей исторіи касающіяся. Писанные мною въ Шпокмансгофѣ письма Камергеръ Бееръ послалъ всѣ къ благородному Рижскому Губернатору, съ исключеніемъ однакожъ — какъ я и прежде догадывался — одного на имя Графа Кобенцля, потому, что оно бы могло мнѣ вредить. Губернаторъ не обинуясь отправилъ всѣ къ Государю,

Которой въ первую минуту крайне прогнѣвался моимъ уходомъ и отписалъ къ нему: „чтобъ онъ немедленно потребовалъ Камергера Беера въ городъ и сдѣлалъ бы ему строгой выговоръ за то, что онъ отважился позволить писать письма Государственному арестанту. „ — Такой выговоръ, заключающій въ себѣ похвалу сердцу Господина Беера, подлинно былъ ему сдѣланъ; но можно себѣ представить, сколько человѣколюбивый Губернаторъ тономъ своимъ смягчилъ строгость онаго.

Еще я свѣдалъ, что Щ — нъ подлинно показывалъ Камергеру Беру предписаніе ему данное, и что потому конечно опасно бы было сильнѣе того, какъ было, вступаться за меня. — Благоразумнаго и хладнокровнаго Господина Простеніуса старай-

ся Господинъ Беръ оправдать. Но я не виноватъ, что чувство мое отвергало всѣ его причины.

Проживъ очень щастливо малое время въ Вольмерсгофѣ, поѣхали мы въ Ригу, гдѣ ожидали насъ новые, не менѣе нѣжные друзья. Хотя я не нашелъ тамъ праводушнаго Губернатора Рихтера, который по нещастію, за болѣзнію жилъ въ деревнѣ; но доброму чувствительному другу моему *Экарду* и благородному врачу *Штофрегену* изъявилъ я искреннѣйшую мою благодарность. Въ райскомъ *Графенгейдѣ*, загороднемъ домѣ перваго, провели мы нѣсколько радостныхъ дней, и наконецъ поѣхали оттуда благословляя и благословляемы.

Здѣсь узналъ я между прочимъ, что письмо, женою моею писанное къ Герцогинѣ Веймарской, также

Почтмейстеромъ послано было къ Государю; что Государь его читалъ, но тотчасъ возвратилъ съ повелѣніемъ, осторожно опять запечатать и отправить по надписи. Друзья мои изъ сего обстоятельства почерпнули благопріятную надежду, и вѣрно это письмо, съ котораго имѣю у себя копію, произвело спасительное дѣйствіе въ чувствительномъ сердцѣ Государя. Такъ можетъ быть *отчасти* обязанъ я освобожденіемъ моимъ и той, которой охотнѣе всѣхъ обязанъ имъ: именно милой женѣ моей.

Въ Митавѣ не нашли мы уже Господина Губернатора; онъ былъ отставленъ. Жаль было, что тоже случилось и съ честнымъ Надворнымъ Совѣтникомъ Селлинымъ, бывшимъ пограничнымъ таможеннымъ начальникомъ. Я не видалъ его; но видѣлъ Офицера,

провожавшаго меня до Митавы, Поручика Богословскаго. Онъ встрѣтилъ меня какъ стараго друга; намъ должно было у него завтракать. О, какъ оживилось въ памяти нашей арестованіе мое здѣсь! — Но какое благодѣяніе природы, что воспоминаніе претерпѣнныхъ страданій тоже удовольствіе доставляетъ — есть ли еще не большее — какъ воспоминаніе прошедшихъ радостей! Я — освѣдомлялся о вѣжливомъ козакѣ, который тогда сидѣлъ у насъ на козлахъ, я хотѣлъ одарить его; но на то время его тутъ не было.

Когда же мы поѣхали далѣе — когда миновали караульную — шлагбаумъ опустился за нами — и скоро увидѣли Прускаго орла — : О! для чего стыдиться мнѣ признаться, что я залился слезами, и въ сердечныхъ объятіяхъ доброй жены моей у сердца ея тихо наплакался.

Не потому, чтобъ я теперь только обрадовался чувствованію избавленія — о нѣтъ! АЛЕКСАНДРОВО Имя обеспечиваетъ всякаго беспорочнаго человѣка въ безопасности его; — но смятеніе различныхъ сильныхъ чувствъ вынудило у меня сладостныя тѣ слезы: взглядъ на мѣсто моего страданія — вооживленіе того случая — воспоминаніе невольной тоски, съ которою я за годъ ѣхалъ то этой же дорогѣ — противность съ теперешнимъ ощущеніемъ моимъ — щастливый, такъ малочаянный оборотъ судьбы моей — благодареніе Богу, что мои милые опять со мною были — что пагубный тяжкой сонъ перемѣнился въ такое радостное пробужденіе: — все это изъ сердца ударило мнѣ въ глаза, и съ торжественною неизъяснимою горестію поздравилъ я владѣнія Фридриха Вильгейма Третьяго. Въѣзжая въ предѣлы его, казалось мнѣ,

какъ будто я уже въ моемъ отечествѣ.

Въ Кенигсбергѣ видѣлъ я Графа Кушайсова. Онъ болѣе всякаго могъ открыть мнѣ причины заточенія моего. Я давно уже зналъ его, но конечно въ такое время, когда бы не прилично было мнѣ спрашивать его о касавшемся до меня. На что не могъ я отважиться въ Петербургѣ, то смѣлъ не обинуясь сдѣлать здѣсь. По тому я изъявилъ ему желаніе знать, что подлинно побудило Государя къ такому чрезвычайному поступленію со мною? — Онъ съ неложною откровенностію отвѣчалъ мнѣ; что совсѣмъ никакой настоящей причины не было, кромѣ того, что я какъ писатель былъ подозрителенъ Государю. Но вы видѣли: присовокупилъ онъ, какъ скоро и охотно Онъ поправлялъ Свои ошибки. Онъ васъ любилъ; доказывалъ

вамъ это всякой день и далѣе бы еще болѣе доказалъ. „ —

Да почіетъ въ мирѣ прахъ Мужа, всегда *доброе* и *справедливое* безъ лицепріятія *желавшаго* и безчисленныя благодѣянія творившаго! ! —

Конецъ.